

ПРАВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1900 г.

№. 46.

Воскресенье 12 ноября.

„Право“ издается в С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминна, В. Д. Набокова проф. Л. Г. Петражицкаго и прив.-доц. В. М. Устинова.

Содержаніе: 1) Судебная реформа и земскіе начальники. А. И.—2) Международное право и проектъ новой редакціи суд. уставовъ. Л. В. Шалландъ.—3) Законъ и практика въ области лѣсоохраненія Л. О. Зайденмана.—4) Международный конгрессъ акціонерныхъ предпріятій О. Я. Пергамента.—5) Судебные отчеты: I. Суд. прис. уг. кас. деп. II. С.-Петербургская Суд. Палата. III. Казанская суд. палата. IV. Таганрогскій окр. судъ.—6) Хроника.—7) Юридическія общества: I. С.-Петербургское. II. Кіевское III. Казанское.—8) Библиографія: Журн. мин. юст. № 8 9, 1900 г.—9) Судебно-административная практика. 10) Отвѣты редакціи.—11) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

Судебная реформа и земскіе начальники.

Въ послѣднее время наша періодическая печать, откликнувшись на призывъ министерства юстиціи, усиленно занимается обсужденіемъ опубликованныхъ во всеобщее свѣдѣніе проектовъ новой редакціи судебныхъ уставовъ. Особенное вниманіе остановило на себѣ предположеніе о соединеніи слѣдственныхъ функций съ судейскими съ возложеніемъ ихъ на участковаго судью¹⁾. Это предположеніе вызвало всеобщее отрицательное отношеніе и, хотя проектъ допускаетъ и разьединеніе этихъ функцій²⁾, если въ той или другой мѣстности соединеніе ихъ окажется по какой либо причинѣ неудобнымъ, — тѣмъ не менѣе самый принципъ, отступающій отъ одного изъ основныхъ положеній судебныхъ уставовъ Императора Александра II, встрѣтилъ, если не ошибаемся, безусловно единодушный отпоръ. По крайней мѣрѣ, вся столичная печать, безъ различія лагерей и направлений, категорически высказалась противъ этого предположенія. При такихъ условіяхъ есть, конечно, полное основаніе надѣяться, что голосъ печати будетъ услышанъ министерствомъ юстиціи и Государственнымъ Совѣтомъ и что предположеніе комиссіи о соединеніи

¹⁾ См. по этому вопросу „Право“ № 42 Д. Л. Соединеніе функций слѣдователя и судьи.

²⁾ По постановленію общаго собранія отдѣлений суда, утвержд. Министр. Юстиціи (ст. 5 31—35 проекта) Об. 3 т. II от. 35.

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 12 ч. до 2 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Напечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ за ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ — 10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

въ одномъ должностномъ лицѣ обязанностей судьи и судебного слѣдователя не осуществится, тѣмъ болѣе что это предположеніе въ сущности выходитъ изъ предѣловъ задачъ комиссіи: какъ свидѣтельствуемъ объяснительная записка (т. I. с. 2), задача комиссіи исчерпывалась улучшеніемъ существующаго строя, но ни въ какомъ случаѣ не ломкой и даже не реформой, которая послѣдовала еще такъ недавно, — а между тѣмъ, не можетъ, конечно, быть двухъ мнѣній о томъ, что уничтоженіе слѣдователей составило бы самую коренную ломку уставовъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, было бы весьма печально, если бы устраненіе этого предположенія повлекло за собой и отказъ отъ осуществленія тѣхъ благотворныхъ стремленій, которыя собственно и привели комиссію къ мысли о соединеніи судейскихъ и слѣдовательскихъ обязанностей. Мы имѣемъ въ виду приближеніе суда къ населенію и перемѣщеніе въ возможныхъ предѣлахъ судебной власти изъ города въ деревню, — desiderium, къ которому комиссія неоднократно и весьма краснорѣчиво возвращается, намѣчая своимъ идеаломъ, что бы въ каждой волости былъ участковый судья¹⁾ „Но, говоритъ комиссія, при незначительномъ сравнительно количествѣ судебныхъ дѣлъ, которыя во многихъ мѣстностяхъ приходились бы на долю каждаго участковаго судьи — въ

¹⁾ Об. 3 т. I. Ст. 22.

случаѣ образованія въ предѣлахъ уѣзда и нѣсколькихъ участковъ,—самое учрежденіе упомянутыхъ должностей въ такомъ числѣ, при коемъ судебная власть была бы дѣйствительно близка къ населенію, оказывается возможнымъ только при условіи сосредоточенія въ рукахъ названныхъ должностныхъ лицъ, помимо производства судебныхъ дѣлъ, также и всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя допускали бы такое соединеніе¹⁾. И дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ особомъ мнѣніи А. Θ. Кони²⁾ „число дѣлъ, разсматриваемыхъ въ уѣздѣ въ качествѣ подсудныхъ первой инстанціи суда и въ то же время неподсудныхъ земскимъ начальникамъ, будетъ весьма невелико“.

Но тутъ то и рождается самъ собою вопросъ: почему же и ради чего взваливать на судью всякія обязанности, допускающія соединеніе съ судебскими,—а съ другой стороны, судебскія функціи оставлять въ рукахъ земскихъ начальниковъ, которые, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать, такъ неумѣло балансируютъ между усмотрѣніемъ и закономъ. На этомъ вопросѣ коммиссія не останавливалась, несмотря на то, что объединеніе судебной организаціи поставлено въ число важнѣйшихъ задачъ коммиссіи и что въ жертву этому объединенію проектъ не задумывается принести столь дорогой нашему обществу институтъ выборныхъ судей. Коммиссія неоднократно указываетъ, что пересмотръ закона 12 іюля 1889 г. не входитъ въ кругъ ея задачъ, такъ какъ онъ касается главнымъ образомъ установленій министерства вн. д. (т. I с. 15, 9 и др.), хотя, какъ замѣчаетъ сенаторъ В. А. Желеховскій³⁾, „въ началѣ работъ коммиссіи многіе изъ ея членовъ, въ томъ числѣ и я, полагали, что возстановленіе начала отдѣленія властей судебной и административной составитъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ коммиссіи и что труды ея будутъ имѣть послѣдствіемъ *всѣми давно ожидаемое* упраздненіе судебныхъ функцій земскихъ начальниковъ и возвращеніе судебнымъ установленіямъ исключительнаго права вѣдать всѣ дѣла. Очевидно, такимъ образомъ, что здѣсь проявился во всей своей прелести всесильный бюрократическій принципъ вѣдомственности, но по существу вопроса не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что реорганизація нашего судебного строя не можетъ совершиться безъ пересмотра закона о земскихъ начальникахъ, о возможности и необходимости оставленія въ ихъ рукахъ судебныхъ полномочій. И коммиссія сама, при всей своей вѣдомственности, вынуждена была сознаться, что единообразное примѣненіе выработанныхъ коммиссіей, сообразно выяснившимся требованіямъ жизни и указа-

ніямъ судебной практики, главныхъ основаній будущаго судебного устройства въ мѣстностяхъ перваго рода, „не представитъ никакихъ затрудненій, но та же задача по отношенію къ вышеозначеннымъ (т. е. тѣмъ, въ которыхъ дѣйствуетъ положеніе о з. начальн.) 37 внутреннимъ губерніямъ въ значительной степени усложняется существованіемъ въ нихъ того порядка мѣстнаго суда, который установленъ закономъ 12 іюля 1889 г. (т. I с. 14) Къ тому же земскіе начальники имѣютъ тенденцію распространяться, — еще недавно постановлено ввести ихъ въ западныхъ губерніяхъ, — такъ что тѣ неудобства, которыя отмѣчаются комиссіей по отношенію къ 37 губерніямъ, проявятся во всей Россіи. При такихъ условіяхъ остается повторить —поставленный А. Θ. Кони въ одномъ изъ его особыхъ мнѣній вопросъ: „если нельзя достигнуть ни объединенія, ни приближенія юстиціи къ народу, то для чего же и перестраивать окрѣпшее отъ своего тридцатилѣтняго опыта зданіе, созданное учрежденіемъ судебныхъ установленій 20 ноября 1864 г.“

Мы, однако, рѣшительно не можемъ себѣ представить, какія можно подыскать теоретическія или практическія основанія для сохраненія за земскими начальниками судебныхъ функцій. Не говоря уже о теоретической неправомерности смѣшенія административной власти съ судебною, десятилѣтній опытъ далъ много убѣдительныхъ примѣровъ серьезнаго неудобства такого смѣшенія, неудобства именно съ точки зрѣнія той цѣли, ради которой созданъ законъ 12 іюля 1889 г.—т. е. учрежденіе твердой правительственной власти и водвореніе законности и правопорядка въ нашемъ крестьянскомъ населеніи.—Въ объяснительной запискѣ (т. I с. 19) встрѣчается указаніе на то, что появленіе закона 12 іюля 1889 г. вызвано было *до нѣкоторой степени* обнаруженными несовершенствами выборнаго мирового института. Отсюда можно бы заключить, что реформа 12 іюля, поскольку она касалась судебной реорганизаціи, вызвана была, главнымъ образомъ, причинами, лежавшими внѣ судебного строя, отъ него независимыми. И дѣйствительно, если судить по слухамъ, проникавшимъ въ то время въ печать, передача земскимъ начальникамъ судебныхъ функцій совершилась нѣсколько неожиданно и объяснялась опасеніемъ недостатка людей, пригодныхъ къ занятію новыхъ должностей. Но теперь, очевидно, такихъ опасеній быть не можетъ; достаточно указать, что при распространеніи дѣйствій суд. уставовъ на Азіатскую Россію министерство юстиціи не только не встрѣтило никакихъ затрудненій при комплектованіи кадра чиновъ суд. установленій, но, напротивъ, кандидатовъ явилось во много разъ больше, чѣмъ это было нужно.

Если же освободить земскихъ начальниковъ отъ столь несвойственныхъ имъ функцій и

¹⁾ Об. 3. т. II. ст. 35.

²⁾ *ib.*, с. 401.

³⁾ Особое мнѣніе т. II с. 8.

возвратить „по принадлежности“ судебна дѣла, тогда сразу разсѣбается Гордіевъ узель. Участковые судьи, съ передачей въ ихъ вѣдѣніе подсудности земскихъ начальниковъ, будутъ столь обременены работой, чисто судейской, что незачѣмъ будетъ придумывать, какія обязанности, какъ допускающія соединеніе, на нихъ еще возложить. А если такъ, то должность судебного слѣдователя необходимо будетъ сохранить во всей ея неприкосновенности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, незачѣмъ будетъ расширять власть полиціи по производству дознанія, что также вызвало всеобщее неодобреніе. И въ такомъ только случаѣ можно будетъ говорить объ объединеніи, и объ улучшеніи, а не о ломкѣ. Правда—въ такомъ видѣ реформа, увеличивая штатъ судебныхъ дѣателей, вызоветъ и соответственное увеличеніе расходовъ. Но можно-ли серьезно говорить объ этомъ увеличеніи, если при нашемъ миллиардномъ бюджетѣ, министерству юстиціи удѣляется 32 миліона р. (да еще часть ихъ возвращается въ видѣ судебныхъ и иныхъ пошлинъ) и когда рѣчь идетъ о священнѣйшей обязанности правоваго государства. Не нужно забывать, что, какъ весьма удачно замѣчаетъ коммиссія (Об. Зап. т. I с. 13), „въ сознаніи населенія только одинъ порядокъ суда можетъ представляться дѣйствительно правильнымъ и вполне отвѣчающимъ высокому призванію судебной власти“.

А. И.

Международное право и проектъ новой редакціи судебныхъ уставовъ.

II.

Уголовная неподсудность дипломатическихъ агентовъ.

Неподсудность иностранныхъ представителей мѣстнымъ судамъ, даже въ случаѣ совершенія ими наиболее тяжкихъ преступленій, составляетъ въ настоящее время аксіому публичнаго права всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Проводившееся болѣе ранними писателями—а иногда и законодательствами—различіе между *crimina contra jus civile* (i. e. *quod quisque populus sibi constituit*) и *crimina contra jus naturae* или *gentium* (i. e. *quod natura omnia animalia docuit*)¹⁾ или между маловажными проступками и тяжкими нарушеніями уголовного закона²⁾, нынѣ совершенно оставлено и практикой и теоріей; равнымъ образомъ, не выдѣляются болѣе и государственныя преступленія. Согласно принятой институтомъ международного права на Кембриджской сессіи (1895 г.) резолюціи, вопліи

соотвѣтствующей современному правосознанію, привилегіи неподсудности остается въ силѣ и въ случаѣ совершенія дипломатическимъ агентомъ какой-либо „*contravention dangereuse pour l'ordre ou la sécurité publique, ou de crime attentatoire à la sûreté de l'Etat*“.

Русское законодательство весьма рано санкціонировало привилегію уголовной неподсудности, и притомъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Указъ 14 сент. 1708 г. категорически предписывалъ, „чтобы никакое безчестія посланникамъ отнюдь не дерзали чинить, да особливо ихъ особамъ: тако же если кѣмъ люди ихъ задержатся и приведутъ въ который приказъ, чтобъ оныхъ, нисколько не державъ, отсылали въ посольскій приказъ. Но когда учинятъ какое худо, тогда ихъ отсылать велѣть къ нимъ (т. е. къ посланникамъ) и требовать отъ нихъ на нихъ сатисфакціи, а самимъ ихъ наказывать не довлѣетъ, понеже то противно всенароднымъ правамъ, отъ чего государственныя ссоры происходятъ могутъ“. Этотъ указъ легъ въ основаніе ст. 186 и 187 XV т. св. зак. изд. 1842 г.¹⁾, и первая изъ этихъ статей, въ свою очередь, почти безъ всякихъ измѣненій, вошла въ составъ уст. угол. судопр. (ст. 229); предположено сохранить ее и въ новой редакціи устава. Что же касается до принципа, выраженаго въ ст. 187 т. XV, то онъ при составленіи судебныхъ уставовъ былъ оставленъ, и ст. 230 уст. угол. судопр. гласитъ, что дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ лицъ, находящихся въ услуженіи пословъ, посланниковъ и другихъ дипломатическихъ агентовъ, подлежатъ уголовному суду на общемъ основаніи, если въ отношеніи къ нимъ не сдѣяно никакихъ изыятій въ трактатахъ съ иностранными правительствами. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о юридическомъ положеніи посольской свиты, замѣтимъ, что изъ 229 ст. устава (=74 проекта) вытекаетъ весьма важное послѣдствіе—именно то, что отказаться отъ привилегіи неподсудности можетъ только государство—отечество дипломатическаго агента, но не этотъ послѣдній. Такую постановку вопроса нельзя не признать вопліи правильной: посольскій иммунитетъ установленъ не въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ, а въ интересахъ представляемыхъ ими государствъ, а потому отказъ отъ него не можетъ быть поставленъ въ зависимость отъ личныхъ соображеній посланника. На западѣ отсутствіе аналогичнаго постановленія въ положительномъ законодательствѣ нерѣдко приводило къ различнаго рода недоразумѣніямъ и конфликтамъ.

Однако, свобода отъ юрисдикціи мѣстныхъ судовъ ни въ коемъ случаѣ не должна имѣть своимъ послѣдствіемъ безнаказанность дипломатическаго агента, совершившаго то или другое преступленіе. Компетентнымъ форумомъ, въ данномъ случаѣ, является оте-

¹⁾ См. напр., *Kirchner*, *Legatus*, 1709, lib II, cap. 2 № 141. *H. Grotius*, *De jure belli*, I. II cap. 18 § 4.

²⁾ См. напр. *Burlamaqui*, *Principes du droit politique*, IV ch. 15: ils (les ambassadeurs) perdent leurs privilèges lorsque leur crime est manifeste et atroce.

¹⁾ См. 186. Изъ сего изъемяются иностр. послы, министры и дипломатическіе агенты. Въ случаѣ учиненія ими преступленія производится надлежащее дипломатическое сношеніе съ правительствомъ ихъ, установленнымъ для сего порядкомъ.

Ст. 187. Служители пословъ, посланниковъ и министровъ, въ случаѣ преступленій, отсылаются въ вѣдомство мин. иностр. дѣлъ.

чественный судъ, который *обязанъ* привлечь виновнаго къ отвѣтственности. Это начало пользуется въ настоящее время безусловнымъ и всеобщимъ признаніемъ и санкціонировано *expressis verbis* нѣкоторыми законодательствами. Нашло оно себѣ выраженіе и въ нашемъ проектѣ, ст. 58 коего гласитъ, что русскій подданный, пользующійся въ предѣлахъ своего отечества правомъ вѣзельности, за преступныя дѣянія, совершенныя за границею, по прибытіи въ Россію или по выдачѣ иностраннымъ правительствомъ судитея въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, по принадлежности, въ порядкѣ симъ уставомъ установленнымъ.

Однако, если самъ по себѣ, принципъ отвѣтственности экстерриториальныхъ лицъ передъ отечественными судами не вызываетъ никакихъ сомнѣній, то разногласіе наступаетъ какъ только дѣло доходить до опредѣленія *мѣста совершенія* преступления. Другими словами, спорнымъ представляется вопросъ о томъ, долженъ ли судъ считать преступленіе совершеннымъ за границею или въ отечественныхъ предѣлахъ.

Въ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ этотъ вопросъ вызвалъ разномысліе. Согласно мнѣнію большинства членовъ III-го отдѣла (см. особ. мнѣніе Н. С. Таганцева), въ ст. 58 проекта слѣдовало бы послѣ выраженія „правительствомъ“ включить слова „подлежать отвѣтственности по уголовному уложенію, какъ за преступныя дѣянія, учиненныя въ предѣлахъ Россіи“. Разница между обими редакціями очевидна: тогда какъ въ одномъ случаѣ русскимъ судамъ предлагается смотрѣть на преступленіе дипломатическаго представителя, совершенное въ мѣстѣ его пребыванія, какъ на дѣяніе, учиненное за границею, и, стало быть, примѣнить къ нему постановленія 173 и 174 ст. уложенія о наказаніяхъ, въ другомъ требуется, чтобы подобнаго рода преступленіе фингировалось совершеннымъ въ Россіи. И это разногласіе среди членовъ комиссіи, въ свою очередь примыкаетъ къ весьма интересной контроверзѣ, возникшей за послѣдніе годы въ ученой литературѣ по поводу конструкціи понятія экстерриториальности.

Поводомъ къ этой контроверзѣ послужило извѣстное дѣло гр. Арнимъ, совершившаго въ бытность свою германскимъ посломъ въ Парижѣ должностное преступленіе. Хотя дѣяніе, совершенное Арнимомъ, и не было наказуемо по французскимъ законамъ, однако Германское правительство сочло вполне возможнымъ предать его суду, и берлинскимъ *Stadtgericht*'омъ онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію. Подобное рѣшеніе вопроса вызвало протестъ со стороны нѣкоторыхъ юристовъ, и сперва *Holtzendorf*, а за нимъ и *Rolin-Jacquemyns* стали доказывать, что дипломатическіе представители изъяты въ томъ государствѣ, гдѣ они аккредитованы, отъ юрисдикціи судовъ, но отнюдь не отъ дѣйствія матеріальнаго права и что поэтому дѣянія ихъ наказуемы въ томъ только случаѣ, если они предусмотрѣны мѣстнымъ уголовнымъ закономъ ¹⁾.

Несмотря на то, что эта теорія на первыхъ же порахъ была встрѣчена весьма суровой критикой ²⁾, она, тѣмъ не менѣе, нашла себѣ видныхъ представителей въ лицѣ *Olshausen* ³⁾, *Binding* ⁴⁾, *Merkel* ⁵⁾, *Bevesce* ⁶⁾ и, за самое послѣднее время, *Beling* ⁷⁾.

На первый взглядъ новое воззрѣніе, несомнѣнно, представляется весьма заманчивымъ. Оно, конструируя посольскую привилегію, какъ исключительно процессуальную, совершенно отбрасываетъ всякаго рода факціи, предположенія и т. д. и беретъ отправной точкой зрѣнія дѣйствительный и несомнѣнный фактъ — совершеніе преступленія за границей, т. е. въ мѣстѣ пребыванія преступника. И не безъ основанія указываютъ защитники его на то, что для обезпеченія независимости дипломатическихъ агентовъ нѣтъ нужды освобождать ихъ отъ дѣйствія матеріальнаго права; что эта цѣль достигается и простымъ изыятіемъ отъ юрисдикціи мѣстныхъ судовъ, огражденіемъ отъ насилія и принужденія; что, наконецъ, въ сферѣ частныхъ отношеній дѣйствіе матеріальнаго права распространяется и на посланниковъ, причѣмъ противъ послѣднихъ не могутъ быть предъявлены въ мѣстныхъ судахъ лишь тѣ искъ, которые предполагаютъ подсудность по мѣсту жительства ⁸⁾. Все это, само по себѣ, совершенно вѣрно; въ дѣйствіяхъ своихъ дипломатическіе представители не были бы стѣснены, если бы мѣстныя нормы были бы признаны для нихъ обязательными — но подобная постановка вопроса, при современномъ состояніи ученія о пространствѣ дѣйствія уголовного закона, имѣло бы въ высшей степени пагубное послѣдствіе, а именно въ цѣломъ рядѣ случаевъ обезпечивало бы полную безнаказанность преступника.

На самомъ дѣлѣ, во многихъ государствахъ преступленія, совершенныя туземцами за границею, либо не караются вовсе, либо наказываются лишь при наличности извѣстныхъ условій. Такъ, по англійскому праву, къ судебной отвѣтственности могутъ быть привлечены только тѣ изъ туземныхъ подданныхъ, которые оказались виновными на чужой территоріи въ измѣнѣ, предумышленномъ убійствѣ и двоеженствѣ. По французскому законодательству, туземцы, совершившіе за границей *crime*, подсудны національнымъ судамъ лишь въ томъ случаѣ, если возвращеніе ихъ на родину было добровольное (*retour volontaire*), причѣмъ юриспруденціей это понятіе толкуется весьма широко, такъ что посланникъ, возвратившійся въ предѣлы Франціи по требованію своего правительства или выданный иностраннымъ государствомъ, не могъ бы подлежать уголовному преслѣдованію со стороны отечественныхъ властей. Далѣе, по бельгійскому закону 1878 г. туземцы признаются отвѣтственными лишь за тѣ изъ преступленій, совершенныхъ за границею противъ иностранцевъ, которыя приняты за основаніе для выдачи

lands 1882, S. 190 ff. Ср. *Н. С. Таганцевъ*, Лекціи, I, 1887, стр. 264.

³⁾ *Commentar zum St. G. B. ad. § 3.*

⁴⁾ *Handbuch des Strafrechts*, I, § 143.

⁵⁾ *Lehrbuch des deutschen Strafrechts*, § 106.

⁶⁾ *Lehrbuch des deutschen Strafprocessrechts*, § 13.

⁷⁾ *Die Strafrechtliche Bedeutung der Exterritorialität*, 1896.

⁸⁾ См. „Право“, 1900, стр. 2106

¹⁾ См. *Rechtsgutachten zum Process Arnim*, 1875.

²⁾ См. *Harburger*, *Der strafrechtliche Begriff In-*

по картельнымъ конвенціямъ ¹⁾:—легко, конечно, можетъ случиться, что посланникъ учинить дѣяніе, крайне предосудительное, но тѣмъ не менѣе не предусмотрѣнное договорами о выдачѣ, и благодаря этому не понесетъ заслуженной кары.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ этихъ ссылокъ на дѣйствующія законодательства, проведение въ жизнь теоріи Holtzendorf'a и Beling'a имѣло бы послѣдствіемъ во многихъ случаяхъ полную безнаказанность дипломатическихъ представителей, и возможность подобнаго результата въ корень подрываетъ самую теорію. Необходимо признать, что конструкція уголовной неподсудности въ качествѣ исключительно процессуальной привилегіи при современномъ состояніи правосознанія—невозможна. Лишь въ томъ случаѣ, если повсюду и вездѣ восторжествуетъ (въ чемъ, думаемъ мы, позволительно сомнѣваться) т. наз. космополитическая теорія уголовного международного права, и если всякое преступленіе, гдѣ бы и кѣмъ бы оно совершено ни было, будетъ признано наказуемымъ, окажется возможнымъ отказаться отъ понятія экстерриториальности и признать преступленія дипломатическихъ представителей совершенными въ томъ мѣстѣ, гдѣ они дѣйствительно учинены. До тѣхъ поръ волей—неволей придется оперировать съ фикціей внѣземельности *самого преступленія* и конструировать это послѣднее какъ „заграничное“. Эта точка зрѣнія, какъ извѣстно, является традиціонной, и въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, какъ напр. въ Саксенъ-Альтенбургской конституціи 1831 г. и въ уголовномъ уложеніи для штата Нью-Йорка 1881 начало подчиненности посланниковъ ихъ отечественнымъ уголовнымъ законамъ выражено совершенно ясно и опредѣленно. Институтъ международного права, въ 1895 г., точно также подробно остановился на этомъ вопросѣ, и выработанная имъ резолюція (13-ая) гласитъ, что, „en ce qui concerne les crimes, les ministres publics à l'étranger etc restent soumis à leur loi pénale nationale, comme si ils les avaient commis dans leur propre pays“. Эта формула, представляется весьма удачной и отвѣчающей потребностямъ современнаго международного оборота и нельзя было бы не привѣтствовать, на нашъ взглядъ, включеніе въ ст. 58 проекта весьма близко къ ней подходящей поправки меньшинства комиссіи.

Такимъ образомъ, въ глазахъ отечественнаго суда преступленіе посланника должно считаться совершеннымъ на родинѣ; для мѣстнаго же государства оно должно конструироваться какъ учиненное за границей. Нельзя утверждать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели классическаго направленія, что съ точки зрѣнія мѣстнаго правопорядка всякое дѣяніе дипломатическаго представителя либо законно, либо юридически индифферентно; напротивъ того, убивая, грабя, прелюбоудѣйствуя и т. д., посланникъ нарушаетъ мѣстную норму,—но такъ какъ преступленіе не можетъ почитаться совершеннымъ одновременно въ двухъ мѣстахъ, то оно для государства, гдѣ аккредитованъ посланникъ, есть дѣяніе, учиненное внѣ его предѣловъ. Преступнымъ характеромъ такого дѣянія и объ-

ясняется то, что мѣстные подданные могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за подстрекательство или соучастіе; что лицо, отразившее нападеніе со стороны дипломатическаго агента, можетъ быть признано дѣйствовавшимъ въ состояніи необходимой обороны и т. д. При конструкціи понятія уголовного экстерриториальности необходимо имѣть въ виду эту сторону вопроса, ибо въ противномъ случаѣ мѣстнымъ подданнымъ, подлежащимъ выдачѣ государству—отечеству посланника, часто была бы гарантирована полная безнаказанность, напр. въ случаѣ соучастія въ такомъ дѣяніи, гдѣ однимъ изъ виновниковъ является внѣземельное лицо ¹⁾.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ уголовной неподсудности *ratione personarum*. По дѣйствующему праву, внѣземельностью у насъ пользуются лица *принадлежащія* къ посольствамъ и миссіямъ иностранныхъ державъ (ст. 229 уст. угол. судопр.; ст. 225 уст. гражд. судопр.), и Сенатомъ это постановленіе закона толкуется ограничительно. Такъ въ 1895 г., въ рѣшеніи по дѣлу Варенберга (гр. касс. № 15), имъ признано было, что къ категоріи экстерриториальныхъ лицъ принадлежатъ лишь тѣ, которые входятъ въ составъ самого посольства, и потому облечены дипломатическимъ званіемъ, т. е. „начальники миссій и тѣ лица, о назначеніи коихъ въ составъ этихъ миссій, по принятымъ международнымъ обычаямъ, всякій разъ особо сообщается министерству иностранныхъ дѣлъ для включенія ихъ въ списки дипломатическаго корпуса“. Это заключеніе, продолжаетъ Сенатъ, подтверждается и общими юридическими началами, опредѣляющими самое понятіе о правѣ внѣземельности: это право объясняется юридическою фикціею, по которой лицо, посланное съ дипломатическимъ порученіемъ, представляетъ собою личность монарха. Такимъ образомъ, нашъ кассационный судъ признаетъ неподсуднымъ русскимъ судамъ лишь *официальный* персоналъ иностранныхъ миссій. Сама по себѣ такая точка зрѣнія представляется вполне правильною, но зато данная ей Сенатомъ мотивировка покоится на крупномъ недоразумѣніи. Дѣло въ томъ, что неподсудность дипломатическихъ агентовъ никоимъ образомъ не можетъ быть выведена изъ ихъ представительнаго характера. Не говоря уже о томъ, что согласно ст. 2 Вѣнскаго регламента 1815 г. этотъ характеръ присущъ только посламъ, это воззрѣніе невѣрно еще и потому, что дипломатическія привилегіи возникли гораздо ранѣе прерогативъ сувереновъ и главъ государствъ. Вопросъ о неподсудности иностранныхъ государей мѣстнымъ судамъ считался даже въ самомъ концѣ XVIII ст. спорнымъ ¹⁾, тогда какъ экстерриториальность посланниковъ уже тогда покоилась на твердомъ международномъ обычаяхъ. И любопытно отмѣтить, что писатели, ратовавшіе за прерогативы монарховъ, ссылались на право внѣземельности, которымъ издавна пользуются дипломатическіе представители, и доказывали, что если эти послѣдніе неподсудны мѣстнымъ судамъ, то тѣмъ болѣе

¹⁾ Ф. Ф. Мартенсъ, Современное международное право, II, § 89.

¹⁾ См. интересную критику *Harrurger* на книгу *Beling*, въ *Kritische Vierteljahrsschrift* 3, Folge, IV S. 122 ff.

эта привилегія должна быть предоставлена их государямъ²⁾.

Истинное основаніе уголовной неподсудности членовъ иностранныхъ миссій заключается въ необходимости предоставить имъ полную свободу дѣйствій и оградить ихъ отъ тѣхъ стѣсненій личности, которое влечетъ за собою осуществленіе со стороны государства своей карательной власти. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ обсуждать вопросъ о томъ, на какія лица должна распространяться привилегія.

Прежде всего, разумѣется, долженъ пользоваться неподсудностью весь офіціальный персоналъ миссій, т. е. начальникъ ея, совѣтники, секретари, переводчики и т. д., а также и разные атташе и причисленные къ миссії. Въ ту же категорію войдутъ и военные (но не коммерческіе) агенты.

Далѣе, та же привилегія должна быть предоставлена и семействамъ дипломатическихъ агентовъ, а именно ихъ супругамъ, дѣтямъ, восходящимъ и ближайшимъ родственникамъ, при томъ, конечно, условіи, чтобы эти лица жили вмѣстѣ съ ними. Это положеніе пользуется въ настоящее время всеобщимъ признаніемъ какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ и находить себѣ объясненіе въ томъ, что подсудность семей дипломатическихъ представителей мѣстнымъ судамъ легко могла бы служить орудіемъ давленія на этихъ представителей и косвеннаго стѣсненія ихъ свободы дѣйствія и ихъ независимости. Не трудно себѣ представить, что угроза уголовного преслѣдованія противъ сына, супруги или матери посла способна была бы вызвать съ его стороны нежелательную уступчивость и такія дѣйствія, которые при всеобщей согласіи ихъ съ видами мѣстнаго правительства, могли бы оказаться опасными для интересовъ его родины. Съ этой точки зрѣнія упоминаніе о семействахъ экстерриториальныхъ лицъ въ 74 ст. проекта представлялось бы намъ умѣстнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мы признавали бы положительно нежелательною ту редакцію ст. 75 (=230 дѣйствующаго устава), которая предложена нѣкоторыми членами комиссіи. А именно по мнѣнію Н. С. Таганцева, согласному съ сужденіями большинства членовъ III отдѣла, эту статью слѣдовало бы изложить слѣдующимъ образомъ:

„Дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ прочихъ лицъ, находящихся при посольствѣ или состоящихъ въ услуженіи пословъ, посланниковъ и другихъ дипломатическихъ агентовъ, подлежатъ суду уголовному на общемъ основаніи и т. д.“.

При такой постановкѣ вопроса, кругъ лицъ, пользующихся на нашей территоріи правомъ вѣзмельности окажется до крайности ограниченнымъ; въ него войдетъ исключительно офіціальный персоналъ, а семейства дипломатическихъ представителей будутъ сравнены въ правахъ съ прислугой посольства. Едва ли подобное суженіе понятія неподсудности *ratione personarum* соответствуетъ издавна установившимся международнымъ обычаямъ. И съ этой точки зрѣнія

мы находили бы болѣе желательнымъ остаться при старой редакціи 230 ст.

Л. Шалландъ.

Законъ и практика въ области лѣсоохраненія.

Законъ не всегда можетъ поспѣвать за быстро развивающимися потребностями жизни; по необходимости практика приходитъ ему на помощь, заполняетъ ту пропасть, которая съ теченіемъ времени естественно образуется между быстро движущейся впередъ жизнью и неподвижной буквою закона.

Эта неизбежная, но опасная для начала законности роль „практики“ не должна однако переходить извѣстныхъ предѣловъ, дабы не стать на мѣсто закона или, что еще хуже, въ противорѣчіе съ нимъ.

Практика примѣненія положенія 4 апрѣля 1888 г. о сбереженіи лѣсовъ даетъ намъ — нерѣдкіе въ области отечественнаго административнаго права — примѣры такого ненормальнаго направленія практики.

Практика лѣснаго департамента министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ которомъ сосредоточены все дѣла по охранѣ лѣсныхъ богатствъ страны, представляетъ собою типичный образчикъ дѣятельности нашихъ вѣдомствъ, столь склонныхъ къ одностороннему толкованію положеній „въ интересахъ вѣдомства“ и безъ достаточнаго вниманія къ тѣмъ многообразнымъ, иногда противоположнымъ интересамъ, которые имѣлъ въ виду урегулировать законъ.

Положеніе о сбереженіи лѣсовъ, вводя новое начало государственнаго вмѣшательства въ чрезвычайно важную и обширную статью народнаго хозяйства, отнеслось къ своей задачѣ весьма осторожно.

Законъ взялъ подъ свое особое покровительство только одну категорію лѣсовъ, имѣющихъ важное, общегосударственное значеніе, какъ то лѣса, растущіе по берегамъ сплавныхъ рѣкъ и охраняющіе ихъ отъ обмеленія, лѣса, сдерживающіе сыпучіе пески, горные обвалы (ст. 796 уст. лѣсн.) и т. п. Давая этимъ лѣсамъ особую охрану, законъ назвалъ ихъ „защитными лѣсами“. Рубка такихъ защитныхъ лѣсовъ допускается не иначе, какъ по планамъ лѣснаго хозяйства, утвержденнымъ лѣсоохранительными комитетами; обращеніе почвы защитнаго лѣса въ другой видъ угодій вовсе воспрещается (ст. 798).

Гораздо сдержаннѣе отнесся законъ къ мѣрамъ сбереженія лѣсовъ, не имѣющихъ значенія защитныхъ. Статьею 805 уст. лѣсн. установленъ лишь общій принципъ, коимъ должны руководствоваться мѣстные комитеты въ отношеніи этихъ лѣсовъ: означенной статьею воспрещаются вообще „такія опустошительныя рубки растущаго лѣса, влѣдствіе которыхъ истощается древесный запасъ, естественное лѣсовозобновленіе дѣлается невозможнымъ и вырубленныя площади обрастаютъ въ пустыри“. Кроме того, согласно ст. 803 того же уст. лѣснаго, особое разрѣшеніе лѣсоохранительнаго комитета требуется лишь для обращенія почвы лѣса, не призваннаго защитнымъ, въ другой видъ угодій. Но засимъ обязательнаго составленія плановъ хозяйства для

¹⁾ См. напр. *G. Tr. de Martens, Précis du droit des gens*, § 172.

²⁾ Ср. *в. Bar, Theorie und Praxis des intern. Privatrechts*, 1889, II, S 622 ff. *Beling, op. cit.*

лѣсовъ, не признанныхъ защитными, не требуется. Владѣльцамъ лѣсовъ этой категоріи, (ст. 806 уст. лѣсн.), только „разрѣшается составлять планы хозяйства, съ соблюденіемъ правилъ, кои будутъ опредѣлены по сему предмету министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ“. Соотвѣтственно сему и въ правилахъ, опредѣленныхъ министерствомъ земл. и госуд. имуществъ, постановлено, что представленіе упрощенныхъ плановъ хозяйства на утвержденіе лѣсоохранительныхъ комитетовъ для лѣсовладѣльцевъ не обязательно и предоставляется ихъ усмотрѣнію.

Косвенно, конечно, законъ поощряетъ плановѣрныя рубки и въ лѣсахъ, не признанныхъ защитными. Съ утвержденіемъ плана лѣсовладѣлецъ пріобрѣтаетъ извѣстныя преимущества: согласно ст. 806, по утвержденіи плана, лѣсовладѣлецъ, до дачи коего плана относител. не подвергается, въ порядкѣ и пространствѣ пользованія изъ оной мѣстными матеріалами, никакимъ инымъ ограниченіямъ, кромѣ указанныхъ въ утвержденномъ для нея планѣ. Въ § 2 правилъ объ упрощенныхъ планахъ хозяйства, изданныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ 1 мая 1893 г., поясняется, что „рубки лѣса, производимыя согласно такихъ плановъ (т. е. упрощенныхъ плановъ, утвержденныхъ лѣсоохранит. комитетами) не могутъ быть признаваемы опустошительными“. Такимъ образомъ законъ косвенно понуждаетъ къ составленію плановъ хозяйства, давая лѣсовладѣльцамъ въ видѣ преміи за составленіе плана, извѣстныя гарантіи, обезпечивающія ихъ права. Получивъ утвержденный планъ хозяйства, лѣсовладѣлецъ можетъ засимъ безпрепятственно производить рубку въ предѣлахъ плана, въ тѣхъ же предѣлахъ принимать на себя различныя обязательства по поставкѣ лѣсного матеріала, или передавать права по рубкѣ третьимъ лицамъ. Однимъ словомъ, лѣсовладѣлецъ, заручившись планомъ хозяйства, ограниченъ, конечно, въ пользованіи своимъ лѣсомъ, но ограниченіе это, а слѣдовательно и права лѣсовладѣльца, имѣютъ извѣстный опредѣленный объемъ; въ его распоряженіи имѣется опредѣленная величина, отъ которой онъ отправляется въ своихъ хозяйственныхъ расчетахъ, и которая является предметомъ гражданского оборота.

Эти существенныя гарантіи, разумѣется, заставляютъ всѣхъ лѣсовладѣльцевъ обращаться въ лѣсоохранительные комитеты съ ходатайствами объ утвержденіи плановъ хозяйства; производя рубки по планамъ сдѣлалось, такимъ образомъ, обыною и самой распространенной формой лѣсопользованія.

Утвержденіе плановъ хозяйства на лѣса, не признанные защитными, получило особое значеніе послѣ изданія циркуляра министерства государственныхъ имуществъ 9 июня 1889 г., которымъ было разъяснено лѣсоохранительнымъ комитетамъ, что ходатайства лѣсовладѣльцевъ о разрѣшеніи рубки растущаго лѣса безъ представленія упрощенныхъ плановъ хозяйства должны быть отклоняемы, какъ не подлежащія разсмотрѣнію комитетовъ.

Многіе владѣльцы спѣшили заручаться разрѣшеніями на предстоящія рубки, дабы предупредить возможность пріостановки ихъ въ качествѣ опустошительныхъ, но въ то же время не представляли плановъ

хозяйствъ, вслѣдствіе чего всякій дѣйствительный контроль надъ производившимися рубками въ сущности былъ невозможенъ. Въ законѣ же нигдѣ не указывается, чтобы лѣсоохранит. комитеты могли выдавать разрѣшенія на рубки въ какой либо другой формѣ, помимо утвержденія плановъ хозяйства.

Приведенный циркуляръ министерства несомнѣнно согласенъ со смысломъ закона и вполне соотвѣтствуетъ духу и цѣли положенія о сохраненіи лѣсовъ—распространить правительственный надзоръ надъ возможно большимъ пространствомъ лѣсной площади.

Но стремясь къ дальнѣйшему усиленію своего надзора надъ лѣснымъ хозяйствомъ страны, министерство госуд. имуществъ въ дальнѣйшихъ своихъ циркулярахъ допускаетъ уклоненіе отъ буквы закона, дополняетъ законъ, нерѣдко несогласно съ общимъ его духомъ, и въ нарушеніе законныхъ интересовъ частныхъ лицъ, безъ надобности для интересовъ лѣсоохраненія. Въ этихъ циркулярахъ и въ дальнѣйшей практикѣ министерства контроль все больше переходитъ въ опеку, отечески вмѣшивающуюся въ экономическія отношенія, сопряженныя съ лѣснымъ хозяйствомъ, и мало справляющуюся съ интересами прикосновенныхъ лицъ.

Полож. о сохраненіи лѣсовъ признало (ст. 836 уст. лѣсн.), что постановленія лѣсоохранительныхъ комитетовъ объ утвержденіи упрощенныхъ плановъ хозяйства могутъ подлежать обжалованію, въ двухмѣсячный срокъ, со стороны частнаго лица, общества или установленія, права коихъ нарушены. Министерство, же госуд. имуществъ циркуляромъ отъ 29 октября 1888 г., ссылаясь на то, что въ комитетахъ могутъ приниматься рѣшенія, хотя и не нарушающія интересовъ казны, какъ лѣсовладѣльца, но тѣмъ не менѣе нарушающія требованія Положенія 1888 г., разъяснило—опираясь на ст. 815 уст. лѣсн., что мѣстные управляющіе государственными имуществами обязаны представлять въ министерство „для зависящихъ распоряженій“ тѣ постановленія комитетовъ, съ которыми они не могутъ согласиться.

Такимъ образомъ введено было, въ дополненіе дѣйствующихъ узаконеній, новое право протеста противъ постановленій лѣсоохранительныхъ комитетовъ—протеста во имя законности сихъ постановленій, предоставленное управляющимъ госуд. имуществами. Быть можетъ, такое право протеста слѣдуетъ по существу признать цѣлесообразнымъ. Но едва ли можно согласиться съ тѣмъ, чтобы подобныя нововведенія, столь существенно затрагивающія интересы частныхъ лицъ, могли устанавливаться циркулярами, дополняющими законъ: законъ предусматриваетъ лишь, въ ст. 836 уст. лѣсн., обжалованіе постановленій лѣсоохранительныхъ комитетовъ заинтересованными частными лицами и обществами; ст. 836 устанавливаетъ далѣе въ точности срокъ, въ предѣлахъ коего можетъ быть принесена жалоба; но положеніе нигдѣ не упоминаетъ объ опротестованіи постановленій комитетовъ не въ частномъ интересѣ, а во имя закона—циркуляръ министерскій дополняетъ пробѣлъ закона, но не поясняетъ даже, въ какой срокъ долженъ быть принесенъ протестъ управляющимъ государственныхъ имуществъ,

какое дальнѣйшее движеніе принимаетъ дѣло въ случаѣ принесенія такого протеста.

Циркуляръ 29 октября 1888 года, повидимому, имѣеть въ виду несогласіе управляющаго госуд. имуществами съ другими членами комитета, обнаружившееся при самомъ разсмотрѣніи дѣла въ комитетѣ; такъ, по крайней мѣрѣ, понимается этотъ циркуляръ въ рѣшеніи Правительств. Сената въ 1898 году по дѣлу Шигевскаго, которымъ Сенатъ въ принципѣ призналъ право министерства госуд. имуществъ отмѣнять одобренные лѣсоохранит. комитетомъ планы хозяйствъ, по представленіямъ о томъ управляющихъ государственными имуществами, т. е. подтвердилъ силу упомянутаго циркуляра 29 окт. 1888 г.

Тѣмъ не менѣе ни циркуляръ, ни подтверждающее его рѣшеніе Сената ничего не говорятъ о томъ, въ какой срокъ обязанъ управляющій госуд. имуществами дать своему неудовольствію на рѣшеніе комитета формальное выраженіе, т. е. перенести дѣло въ центральное управленіе министерства госуд. имуществъ.

Вслѣдствіе такой неопредѣленности созданнаго министерскимъ циркуляромъ права протеста, позднѣйшая практика пользуется этимъ правомъ, не стѣняясь уже никакими предѣлами.

Министерство государственныхъ имуществъ прибѣгаетъ нынѣ даже по собственной своей инициативѣ, при отсутствіи протеста къ проверкѣ и отмѣнѣ плановъ хозяйства, по которымъ рубка безпрепятственно производилась въ теченіе уже нѣсколькихъ (даже шести) лѣтъ. Мотивомъ обыкновенно выставляется указаніе на то, что планъ, по коему производится рубка, „оказался необезпечивающимъ лѣсовозобновленіе“, или „оказался ведущимъ къ опустошительной рубкѣ, воспрещенной ст. 805 уст. лѣсн.“

Самое распоряженіе объ отмѣнѣ плана обосновывается, кромѣ ссылки на ст. 805, еще всемогущей ст. 815 уст. лѣсн., возлагающей на министерство з. п. г. и. „общій надзоръ за исполненіемъ правилъ положенія“ объ охранѣ лѣсовъ. Но не трудно видѣть, что объ эти ссылки не выдерживаютъ критики

Рекомендуется составленіе плановъ хозяйства закономъ (ст. 806) лѣсовладѣльцамъ именно какъ лучшее средство избѣжать всякихъ неожиданностей и препятствій при дальнѣйшей рубкѣ: лѣсовладѣлецъ, составляя планъ, по словамъ закона, гарантированъ, что онъ никакимъ другимъ ограниченіямъ въ пользованіи лѣсомъ, кромѣ вытекающихъ изъ плана, не подвергнется и что слѣдовательно въ будущемъ никакое „оказалось“ ему не грозитъ. Та же гарантія подтверждается лѣсовладѣльцамъ и въ 82 правилѣ 1 мая 1893 г., въ которомъ прямо оговорено, что рубки лѣса, производимыя согласно планамъ, не могутъ быть признаваемы опустошительными.

Но всѣ эти благія постановленія, имѣющія въ виду согласовать государственный интересъ лѣсоохраненія съ обезпеченностью правъ частныхъ лицъ, разбиваются о циркуляръ 1888 г. и практику министерствъ, признающіе возможнымъ отмѣнять въ любое время планы хозяйствъ, хотя бы давно утвержденные и вступившіе въ дѣйствіе.

Но подобный порядокъ вносить крупную неуря-

дицу въ одну изъ самыхъ значительныхъ отраслей отечественной промышленности. Планъ хозяйства, представляющій публичный интересъ лѣсоохраненія, живо затрогиваетъ и опредѣляетъ имущественныя права частныхъ лицъ, и предоставляетъ администраціи отмѣнять утвержденные планы по своему усмотрѣнію и въ какихъ либо срокахъ, значить оставлять имущественные интересы частныхъ лицъ—лѣсовладѣльцевъ и ихъ контрагентовъ—безъ надлежащей законной охраны.

Такое положеніе дѣла, несогласное съ закономъ, тѣмъ болѣе прискорбно, что оно нисколько не вызывается интересомъ лѣсоохраненія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ тѣ техническія особенности, отъ которыхъ зависитъ удовлетворительность плана хозяйства въ будущемъ и соотвѣствіе его условіямъ мѣстности, могутъ быть вполне предусмотрѣны—при наличности, конечно, достаточно свѣдущихъ специалистовъ въ составѣ лѣсоохранительнаго комитета—уже при самомъ составленіи плана хозяйства. Полезнымъ коррективомъ можетъ, конечно, служить также право перенесенія дѣла—въ сомнительныхъ случаяхъ—въ центральное управленіе министерства, болѣе богатое научными силами и специалистами по лѣсоводству. Но это право должно быть установлено закономъ, который будетъ изданъ по надлежащемъ обсужденіи дѣла, и съ принятіемъ во вниманіе всѣхъ сталкивающихся интересовъ. Ничѣмъ не можетъ быть оправдано неограниченное вмѣшательство администраціи даже въ тѣ области хозяйства, въ которыхъ такое вмѣшательство необходимо въ интересахъ общаго блага: напротивъ, въ этихъ сферахъ народнаго хозяйства права администраціи должны быть тѣмъ точнѣе очерчены въ законѣ, дабы ея вмѣшательство самую свою неопредѣленностью не могло вредить развитію данной отрасли промышленности.

Разсмотрѣнная практика министерства госуд. имущ. ясно показываетъ, что такое опредѣленіе правъ администраціи можетъ быть произведено только закономъ. Циркулярныя распоряженія, исходящія отъ заинтересованнаго вѣдомства, не прошедшія чрезъ горнило законодательнаго обсужденія, стоящаго выше узкихъ интересовъ вѣдомства или частныхъ лицъ, не могутъ ни въ какомъ случаѣ замѣнить авторитетное слово закона.

Л. Зайденманъ.

Международный конгрессъ акціонерныхъ предпріятій.

Среди многочисленныхъ конгрессовъ, засѣдавшихъ лѣтомъ настоящаго года подъ гостеприимными сводами „Дворца Конгрессовъ“ на Парижской всемирной выставкѣ, однимъ изъ весьма интересныхъ былъ несомнѣнно тотъ, который имѣлъ предметомъ своего обсуждения и своихъ занятій юридической и экономической быть акціонерныхъ предпріятій. Являясь продолжателемъ трудовъ конгресса 1889 года, нынѣшній поставилъ на свое разрѣшеніе множество вопросовъ—одинъ другого важнѣе и интереснѣе,—начиная съ широкихъ и принципиальныхъ вопросовъ, обуславливающихъ учрежденіе и существованіе акціонернаго общества и кон-

чая мельчайшими вопросами их организации. Не забыть был вопрос о положении акционерного общества на международном рынке с точки зрения начал частного международного права, включены были в круг разсуждений и моменты фискального характера. Обязательная программа, участие в конгрессе известных ученых и выдающихся практических деятелей, председательство проф. Лионь - Кана, знатока торгового права во всех его разветвлениях, — все это давало основание рассчитывать, что труды конгресса составят одну из наиболее интересных страниц в истории развития акционерного права.

Оправдались ли эти ожидания?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ лежитъ предо мной въ видѣ только что вышедшаго объемистаго тома протоколовъ засѣданій конгресса: *Congrès international des Sociétés par actions tenu à Paris du 8 au 12 Juin 1900. Compte rendu stenographique (XXXII + 90, 8)*.

Можно не соглашаться съ принципиальной точкой зрения конгресса при обсужденіи природы акционерного общества и находить, что это послѣднее, свободное отъ правительственнаго надзора и опеки, должно быть воздвигнуто на общахъ началахъ договорныхъ соглашеній, но необходимо сознаться, что по богатству матеріала и полнотѣ изложенія труды конгресса превзошли ожиданія. Истощить весь представленный матеріалъ, разсѣянный въ остроумныхъ преніяхъ по разсматривавшимся вопросамъ и въ представленныхъ нѣкоторыми членами конгресса мемуарахъ—задача, выходящая за предѣлы настоящей замѣтки, въ которой мнѣ представляется полезнымъ указать главнымъ образомъ на рѣшенія, принятыя конгрессомъ по вопросамъ, поставленнымъ на баллотировку.

Такихъ „резолуцій“ конгрессомъ постановлено 25.

1. Акционерныя общества—независимо отъ предмета своей дѣятельности—должны быть подчинены специальной регламентаціи.

Конгрессъ отвергъ, такимъ образомъ, принципъ свободнаго учрежденія акционернаго общества путемъ договора и нашель, что нормъ общаго права недостаточно для урегулированія дѣятельности акционерныхъ предприятий и обезпеченія правильнаго ихъ функционированія, вызывающаго по своимъ особенностямъ необходимость специального законодательства.

2. Учрежденіе общества дозволяется закономъ при условіи подлиски всего капитала и производства частичныхъ взносовъ на акціи.

3. Минимальная цѣнность акцій должна быть установлена закономъ.

4. Опредѣленіе апорта (взноса натурой со стороны учредителей) имѣть быть установлено въ законѣ безъ всякаго—посредственнаго или непосредственнаго—вмѣшательства административной или судебной власти.

По приведенному вопросу пренія были особенно жгучи. Главныхъ теченій было три. Одни стояли на почвѣ безусловной свободы и отвѣтственности учредителей въ дѣлѣ оцѣнки даваемаго обществу апорта, другіе на восторжествовавшей точкѣ зрения законнаго ограниченія этой свободы, третьи—на почвѣ компромисса, стоя за положенія Германскаго Торговаго Уложенія, согласно коему цѣнность апортовъ опредѣляет-

ся или провѣряется при участіи особыхъ ревизоровъ, назначаемыхъ биржами или судами (таково было мнѣніе и конгресса 1889 г.).

5. Установлена обязательность проспекта, сопровождающаго выпускъ акцій на рынокъ, и отвѣтственность составителей проспекта за изложенныя въ немъ данныя.

6. Учредительскія акціи обращаются наравнѣ съ обыкновенными съ момента открытія дѣйствій общества (публикаціи).

Такое допущеніе обращаемости учредительскихъ акцій вполне понятно при наличности правилъ, гарантирующихъ дѣятельность апорта учредителей.

7. Все, касающееся учредительныхъ акцій, разрѣшается свободнымъ соглашеніемъ сторонъ.

8. Установленіе и права привилегированныхъ акцій опредѣляются свободнымъ соглашеніемъ сторонъ.

9. Управление и представительство общества опредѣляются закономъ.

10. Общество, коего акціи еще не вполне оплачены, пользуется правомъ выпуска новыхъ акцій съ тѣмъ однако, чтобы все акціи оставались именными впредь до полной ихъ оплаты.

11. Количество акцій, дающихъ право на созывы общаго собранія, должно быть опредѣлено закономъ и не можетъ быть измѣнено уставомъ.

12. Законъ не долженъ предписывать обществу учрежденіе органа надзора.

Конгрессъ призналъ призрачность и абсолютную негодность т. н. ревизіонныхъ комиссій.

13. Владѣлецъ облигацій имѣетъ право участвовать въ общихъ собраніяхъ съ совѣщательнымъ голосомъ.

14. Общее собраніе не должно имѣть право измѣнять уставъ по большинству голосовъ.

15. Безъ спеціальнаго разрѣшенія закона не должны быть выпускаемы облигаціи съ выигрышами.

16. На случай несостоятельности общества кредиторамаго его и владѣльцамъ облигацій должно быть закономъ предоставлено право обмѣнить свои претензіи на привилегированныя акціи общества.

17—20. Опредѣляютъ способы публикаціи.

21. Національность общества опредѣляется мѣстомъ нахождения правленія или главнаго обзаведенія.

22. Обществамъ, правильно организованнымъ въ своемъ отечествѣ, должно быть предоставлено *ius in judicio standi*, а равно и право производить свои операціи въ другихъ государствахъ безъ спеціальнаго на то разрѣшенія.

23. Иностранныя общества должны быть подчинены тѣмъ же правиламъ, какъ и мѣстныя.

24. Выпускъ облигацій внѣ отечества общества подчиняется законамъ мѣста выпуска и обращенія.

25. Иностранныя общества наравнѣ съ мѣстными платятъ установленные налоги.

Въ преніяхъ, предшествовавшихъ постановленію приведенныхъ рѣшеній, разсѣянъ чрезвычайно цѣнный матеріалъ, освѣщающій положеніе акционернаго дѣла въ различныхъ странахъ Европы. Вниманія заслуживаетъ еще объемистое приложеніе къ протоколамъ засѣданій, въ которомъ напечатаны мемуары членовъ конгресса по отдѣльнымъ вопросамъ акционернаго

права. Особеннаго вниманія заслуживает докладъ Руссо. Онъ содержитъ чрезвычайно обстоятельно изслѣдованіе англійскихъ обществъ съ ограниченной отвѣтственностью (Comp. limited) и сравнительную оцѣнку ихъ и францускихъ акціонерныхъ предпріятій. Эта монографія (около 100 стр. мелкаго шрифта) является тѣмъ болѣе интересной, что англійское акціонерное право вообще мало извѣстно на континентѣ.

О. Пергаментъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

Судебное присутствіе угол. кас. деп. съ участіемъ посл. представителей.

Дѣло быв. прокурора Бакинскаго окр. суда Сталинскаго и секретаря при немъ Анисимова обв. въ преступленіяхъ по должности.

(Окончаніе)¹⁾.

Поддерживавшій обвиненіе тов. оберъ-прокуроръ В. Д. Шидловскій въ своей рѣчи прежде всего указалъ на то, что въ настоящемъ дѣлѣ самый фактъ прест. дѣянія вырисовывается съ особой рельефностью, обвиненіе во внѣшней его оболочкѣ совершенно ясно. Это происходитъ оттого, что событія совершаются въ такой средѣ, въ которой все проявленія жизни регистрируются, фиксируются и оставляютъ свой слѣдъ въ видѣ мертвыхъ, но зато въ высокой степени достовѣрныхъ документовъ. Это не живые люди—свидѣтели, которые могутъ ошибаться, которымъ одинъ и тотъ же фактъ можетъ представляться въ разномъ свѣтѣ. И все обвиненіе въ настоящемъ дѣлѣ не покоится на свидѣтельскихъ показаніяхъ, не на оговорѣ, напр., Теръ-Степанова, а основывается на дѣломъ рядѣ письменныхъ данныхъ, на своего рода моментальныхъ фотографическихъ снимкахъ, которые какъ бы механически запечатлѣвали все, что совершалось въ камерѣ прокурора. И эти мертвые, не мѣняющіе своихъ показаній свидѣтели устанавливаютъ рядъ крупныхъ фактовъ, подтверждающихъ съ несомнѣнностью, что съ деньгами Чобикова совершались злоупотребленія и что виновникомъ ихъ являлся Сталинскій.

Первымъ такимъ крупнымъ фактомъ нужно считать неотсылку денегъ слѣдователю и отдѣленіе ихъ отъ прочихъ вещ. доказательствъ. Далѣе, идутъ отношенія, адресованныя въ казначейство, подписанныя Сталинскимъ и требующія денегъ Чобикова тогда, когда никакой надобности въ нихъ по ходу дѣла не было. Подсудимый, правда, какъ бы колебался признать достовѣрность послѣдняго факта: признавая, что подпись на отношеніяхъ чрезвычайно похожа на его подпись, почти его подпись, онъ все же сомнѣвался въ подлинности ея. Сомнѣваться можно, конечно, во всемъ... Но экспертиза и притомъ наиболѣе достовѣрная, фотографическая, установила безъ всякаго колебанія, что подписи на всехъ отношеніяхъ принадлежатъ Сталинскому, чего въ концѣ концовъ, повидимому, не отрицаетъ и самъ послѣдній. Третій фактъ, который обвинитель признаетъ весьма важнымъ, это то, что дѣло Чобикова было процессомъ необыкновеннымъ, а имѣло такія особенности, которыя выдѣляли его изъ ряда другихъ и должны были особенно хорошо сохраниться въ памяти всехъ, которые этимъ дѣломъ занимались. Подсудимый Сталинскій, объясняя многое забывчивостью, ссылаясь на то, что дѣло Чоби-

кова—это одно изъ столь многочисленныхъ и совершенно обыкновенныхъ на Кавказѣ дѣлъ о разбоѣ, которое ничѣмъ не отличалось отъ другихъ. Дѣла о разбоѣ, дѣйствительно, встрѣчаются на Кавказѣ сплошь и рядомъ, но и въ этой мѣстности, по мнѣнію обвинителя, весьма рѣдки обстоятельства, связанные съ дѣломъ Чобикова. Дознаніе по этому дѣлу производила первоначально дипломатическая миссія въ Тегеранѣ: по поводу его судебныя власти должны были вести переписку съ центральными установленіями, такъ какъ дѣло касалось международныхъ отношеній; слѣдствіе по д. Чобикова было поручено слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ—все это не могло не выдѣлять этого процесса отъ другихъ, вызывало по необходимости рядъ ассоціацій, съ нимъ связанныхъ, и все объясненія забывчивостью, если притомъ забывчивость эта, такъ сказать, систематическая, проявляющаяся и въ предварительномъ слѣдствіи и все время въ дальнѣйшихъ стадіяхъ процесса, представляются крайне невѣроятными.

Переходя далѣе къ вопросу объ исчезновеніи Чобиковскихъ денегъ и предшествовавшему этому исчезновенію передвиженію этой суммы, обвинитель остановился прежде всего на томъ странномъ фактѣ, что изъ 10 прошеній, которыя Чобиковъ подавалъ въ 1893, 94, 95, 96, 97 г.г., ни одно не получило правильнаго и законнаго разрѣшенія. Какъ будто между Чобиковымъ и тѣми суд. мѣстами, которыя разрѣшали его прошенія, была создана какая то перегородка, черезъ которую и перебраться было невозможно. Невольно ищешь создателя этого препятствія; оказывается, что оно систематически возводилось вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій Сталинскаго. Въ первой стадіи Чобиковскаго дѣла, при передачѣ его слѣдователю, опытный юристъ, Сталинскій, почему то не знаетъ, что все приложенія къ дѣлу и вещественныя доказательства должны быть переданы слѣдователю, отъ котораго и зависить дальнѣйшее распоряженіе ими. Ошибка сдѣлана, но и тотчасъ вслѣдъ за ней другая: деньги отправляются на храненіе въ казначейство не въ депозитъ съ указаніемъ предмета, на который онѣ нужны, а въ видѣ запечатаннаго конверта. Дальше еще новая странность: когда арестованный Чобиковъ проситъ у слѣдователя выдать ему на расходы изъ принадлежащихъ ему денегъ 10 руб., слѣдователь въ затрудненіи и спрашиваетъ у прокурора, подѣ какимъ номеромъ квитанціи, и когда сданы въ депозитъ деньги Чобикова, ибо слѣдователь даже не допускаетъ возможности, чтобы деньги могли храниться въ иномъ видѣ. Но запросъ слѣдователя таинственно исчезаетъ и остается безъ отвѣта. Итакъ рядъ упущеній, а потомъ начинается систематическое скрываніе ихъ. Кульминаціоннымъ пунктомъ послѣдняго рода дѣятельности Сталинскаго обвинитель считаетъ распорядительное засѣданіе окр. суда 11 февраля, въ которомъ рассматривались одновременно и прошеніе Чобикова и отношеніе Бакинскаго губернатора. Сталинскій объясняетъ свое заключеніе, давное въ этомъ засѣданіи, тѣмъ, что онъ соединилъ подѣ именемъ „вещей“ и деньги и вещи. Это совершенно невѣроятно: въ отношеніи губернатора вещи и деньги прямо выдѣлены, и, слѣдовательно, недоразумѣніе было невозможно—это разъ; а во вторыхъ, распорядительное засѣданіе происходило 11 февраля, а 9 февраля деньги Чобикова вторично сданы въ казначейство при бумагахъ, подписанной Сталинскимъ. Этотъ фактъ не могъ, конечно, за столь короткое время изгладиться изъ памяти.

Все это приводитъ къ заключенію, что все дѣйствія Сталинскаго обнаруживаютъ умыселъ скрыть судьбу Чобиковскихъ денегъ. Онъ, правда, дѣлаетъ намекъ, что все могъ совершить Анисимовъ, а онъ механически подписывалъ отношенія и не зналъ, что тутъ творится. Это невѣроятно: не говоря уже

¹⁾ См. „Право“ № 45.

о томъ, что противъ Анисимова въ этомъ напавленіи не представлено ни одной улики, самъ Сталинскій не принадлежитъ къ числу должностныхъ лицъ, которыми командуютъ секретари. Это чело-вѣкъ аккуратный, тщательно относящійся ко всѣмъ бумагамъ. Механически подписать, да притомъ еще нѣсколько разъ, бумагу съ писаннымъ текстомъ—это предположеніе для Сталинскаго невѣроятно. Да и дальнѣйшее поведеніе Сталинскаго, по мнѣнію обвинителя, подтверждаетъ, что онъ именно былъ дѣйствующимъ лицомъ въ исторіи исчезновенія Чобиковскихъ денегъ. Послѣ суда какъ-то создается легенда, что деньги были выданы Чобикову вмѣстѣ съ вещами. Изъ памяти Сталинскаго, который самъ распорядился сдать деньги въ казначейство, этотъ фактъ ужъ никакъ не могъ изгладиться, а между тѣмъ въ засѣданіи судебной палаты, въ которомъ онъ присутствуетъ, онъ поддерживаетъ эту легенду, во всякомъ случаѣ не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки разрушить ее. Всѣ эти обстоятельства, основанныя исключительно на письменныхъ неоспоримыхъ документахъ, не могутъ быть объяснены случайно; вса дѣятельность Сталинскаго цѣлесообразна съ точки зрѣнія сокрытія преступления, все въ ней систематично и сознательно.

Другая категория доказательствъ, въ виду рельефности только что приведенныхъ, не имѣетъ важнаго значенія, по мнѣнію обвинителя. Поэтому, В. Д. Шидловскій не считалъ нужнымъ останавливаться на показаніи свид. Теръ-Степанова, какъ слишкомъ односторонне неблагоприятномъ для Сталинскаго, не призналъ также возможнымъ принять показаніе Чобикова, какъ внушающее подозрѣніи въ достоверности своей. Нѣкотораго вниманія и критики заслуживаютъ объясненія самого Сталинскаго: въ доказательство своей невинности онъ, между прочимъ, указываетъ, что какъ только онъ сталъ подозрѣвать о злоупотребленіи съ деньгами Чобикова, онъ тотчасъ же привялъ энергичныхъ мѣръ къ обнаруженію его. Обвинитель иначе объясняетъ эти мѣры: Сталинскій начинаетъ беспокоиться только тогда, когда получаетъ письмо, писанное Меркелемъ. Письмо это грозное, несмотря на вѣжливостъ тона; Меркель доводитъ до свѣдѣнія Сталинскаго о мятарствахъ Чобикова, причемъ считаетъ не лишнимъ присовокупить о томъ, что найдена пикадулка, что она вскрыта, что обо всемъ этомъ составленъ официальный протоколъ. Было отъ чего Сталинскому и обезпокоиться. И тогда только онъ посылаетъ телеграмму Шульцу и дѣлаетъ въ ней предположенія, которыя въ сущности являются подсказываемымъ Шульцу отвѣтомъ.

Въ заключительной части своей рѣчи В. Д. Шидловскій остановился на внутренней сторонѣ преступления Сталинскаго. Прежде всего, скажутъ, какая нужда была производить растрату ради какихъ-нибудь 500 руб., которые подсудимый при всей стѣсненности своего денежнаго положенія все же могъ достать? При предварительномъ слѣдствіи было создано чуть ли не цѣлое особое производство о средствахъ, образѣ жизни Сталинскаго. Копались въ такихъ отношеніяхъ его частной жизни, которыхъ слѣдственной власти не слѣдовало бы и затрагивать. Весь этотъ розыскъ, по мнѣнію обвинителя, представляется совершенно излишнимъ. Растрата была совершена, и развѣ не безразлично, для чего нужны были деньги Сталинскому и почему онъ для своей надобности предпочелъ воспользоваться Чобиковскими деньгами, а не добыть ихъ изъ другого источника. Скажутъ еще, что Сталинскій былъ корректнымъ чело-вѣкомъ и добросовѣстнымъ чиновникомъ. Обвинитель вполне готовъ признать это, но обстоятельство это не опровергаетъ обвиненія. И горный хрусталь прозраченъ и чистъ до тѣхъ поръ, пока въ него не проникнетъ черезъ какую-нибудь трещину грязь... Балансъ правосудія не долженъ быть одностороннимъ: хорошая жизнь,

честная служба Сталинскаго должна быть взвѣшена, должна повліять на приговоръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обвинитель пришелъ къ убѣжденію, что приговоръ этотъ не долженъ быть оправдательнымъ: объективные, никѣмъ не опровергнутые, факты говорятъ, что Сталинскій совершилъ тѣ дѣянія, за которыя онъ привлеченъ къ суду, въ качествѣ обвиняемаго.

О роли Анисимова въ дѣлѣ Шидловскій сказалъ только нѣсколько словъ: доказано, по мнѣнію обвинителя, что Анисимовъ не донесъ о растратѣ Сталинскаго, но онъ заслуживаетъ снисхожденія и самаго мягкаго наказанія въ виду подчиненнаго положенія своего. Трудно ему было доносить на своего начальника, и это вполне естественно. Были у него кромѣ того попытки обратить вниманіе лицъ прокурорскаго надзора на происходившія неправильности; большого гражданскаго мужества отъ Анисимова требовать было нельзя по общежитейскому масштабу.

Изъ защитниковъ Сталинскаго первымъ говорилъ прис. пов. Ѳ. А. Червинскій. Обвиненіе, по мнѣнію защитника, весьма просто и ясно; однако, все дѣло представляетъ, по мнѣнію защитника, загадку, которой не раскрыло ни предварительное, ни судебное слѣдствіе. Обвинитель находилъ, что имущественное положеніе Сталинскаго не имѣетъ никакаго значенія при сужденіи о виновности подсудимаго. Этотъ взглядъ совершенно неправиленъ, когда рѣчь идетъ о такомъ преступленіи, какъ растрата. Самая возможность совершения его, презумпція виновности, можетъ исходить изъ стѣсненнаго положенія подозрѣваемаго. А между тѣмъ относительно Сталинскаго самое тщательное и детальнѣйшее разслѣдованіе установило, что такой презумпціи нѣтъ. Сталинскій могъ всегда достать въ случаѣ крайности сумму въ 500 руб., гдѣ же мотивы совершения растраты? На это нѣтъ отвѣта во всемъ дѣлѣ. Это одно уже дѣлаетъ вполне вѣроятнымъ объясненія Сталинскаго, которыя и въ дѣйствительности вполне допустимы. При той массѣ бумагъ, которыя приходится подписывать прокурору суда, невозможно тщательно читать всѣ ихъ. Развѣ трудно допустить, что отношенія въ казначейство были подписаны Сталинскимъ механически: подпишъ его, какъ показываетъ экспертиза, торопливая. Изгѣстень разсказъ о томъ, какъ предс. одного судебного мѣста механически подписалъ подложенный ему собственный смертный приговоръ. Обвиняютъ Сталинскаго въ сокрытіи навѣстныхъ ему фактовъ на распорядительныхъ засѣданіяхъ суда и палаты. Но кто присутствовалъ въ такихъ засѣданіяхъ, тотъ знаетъ, какая масса дѣлъ рѣшается тутъ и какъ невозможно вникать въ каждое. Во время распоряд. засѣданія въ окр. судѣ Сталинскій въ сущности въ заключеніи отвѣчалъ на вопросъ, который поставили ему, что дѣлать съ вещами Чобикова? Онъ и отвѣтилъ, что надлежитъ ихъ возвратить, конечно, подразумевая при этомъ и деньги. Въ засѣданіи палаты онъ, какъ не докладчикъ, не имѣлъ никакаго повода относиться особенно внимательно къ прошенію Чобикова. Но вѣдь, какъ только изъ письма Меркеля онъ узналъ, что есть серьезное основаніе предположить злоупотребленіе, онъ поднимаетъ на ноги всѣхъ, которые только въ состояніи разоблачить его и указать настоящихъ виновниковъ его. Сталинскій такимъ образомъ какъ бы раздвоется: въ Баку—это осторожный укрыватель преступления, систематически и сознательно совершающій одно неправильное дѣйствіе за другимъ для достиженія преступной цѣли, въ Тифлисъ—этотъ самый чело-вѣкъ безумно предпринимаетъ дѣйствія, которыя должны неизбежно разоблачить все его злоупотребленія. Такого раздвоенія допустить нельзя, и это обстоятельство еще болѣе выдвигаетъ основную загадку всего дѣла, зачѣмъ, въ силу какихъ мотивовъ Сталинскій могъ

совершить растрату? Заключилъ свою рѣчь О. А. Червинскій выраженіемъ надежды, что Сенатъ своимъ милостивымъ приговоромъ вознаградитъ Сталинскаго за всѣ тѣ страданія, которыя онъ перенесъ.

Второй защитникъ Сталинскаго прис. пов. П. Е. Рейнботъ началъ свою рѣчь съ описанія тѣхъ эксграординарныхъ мѣръ, которыя были приняты Сталинскимъ для охраны вещественныхъ доказательствъ по дѣлу Чобикова при самомъ полученіи ихъ отъ губернатора. Неизвѣстно было, что заключается въ доставленныхъ тюкахъ, и вотъ въ ночь на 23 марта въ камерѣ прокурора стоитъ караулъ для охраны тюковъ и предполагавшейся въ нихъ значительной суммы. Все это дѣлается по распоряженію Сталинскаго. На другой день предположенія о значительности суммы исчезаютъ; дѣло Чобикова и др. становится для прокурора однимъ изъ тѣхъ тысячъ дѣлъ, которыя проходятъ черезъ его руки. Онъ согласно инструкціи прокурора Тифлисской судебной палаты отдаетъ деньги на храненіе, на что онъ имѣлъ полиційское право, и согласно той же инструкціи возлагаетъ всѣ заботы объ отдачѣ на храненіе на своего секретаря Анисимова. Этимъ актомъ, по мнѣнію защиты, и оканчивается вся дѣятельность Сталинскаго по отношенію къ Чобиковскимъ деньгамъ. Деньги исчезли, но почему виновникомъ оказывается Сталинскій, когда всѣ дальнѣйшія махинаціи носятъ на себѣ явную печать дѣятельности канцеляріи и руководителя ея, Анисимова. Сдавалъ и получалъ деньги Анисимовъ; онъ запечатывалъ конвертъ. Были-ли положены въ него деньги, это еще вопросъ! Исчезновеніе бумаги съ запросами слѣдователя. Преснипкаго—развѣ это не канцелярскій фокусъ. Подобные фокусы, какъ это показалъ самъ Анисимовъ, бывали въ канцеляріи. Анисимовъ задерживаетъ отношеніе губернатора и вноситъ деньги, когда предстоитъ опасность, что растрата будетъ открыта. А кому лучше, какъ Анисимову, знать о предстоящей ревизіи: онъ и предпринимаетъ мѣры къ тому, чтобы деньги въ это время появились въ пакетѣ. При всемъ этомъ становится яснымъ, какую роль игралъ Анисимовъ въ посылкѣ въ казначейство всѣхъ отношеній. Далѣе, защитникъ П. Е. Рейнботъ перешелъ къ разбору роли Сталинскаго и поведения его во время распоряжительныхъ заведеній, указавъ, что объясненія Сталинскаго вполне естественны для человека невиннаго, который по совѣсти можетъ сказать одно: „не помню“. Преступленіе для Сталинскаго было бессмысленно... закончилъ П. Е. Рейнботъ свою рѣчь, выразивъ увѣренность, что приговоръ Сената не омрачитъ славы исторіи русской прокуратуры.

Защитникъ Анисимова пом. прис. пов. О. О. Грузенбергъ подвергъ рѣзкой критикѣ тотъ способъ защиты, который принялъ послѣдній защитникъ Сталинскаго. Онъ, защитникъ Анисимова, не считаетъ своей задачей обвинять Сталинскаго, да и это было бы нелогично... Если Сталинскій не совершалъ преступленія, тѣмъ лучше для Анисимова. Послѣдній не могъ доносить о томъ, чего не было. Но защита Сталинскаго оправдываетъ его, взылавъ всю вину на Анисимова, нежданно обративъ послѣдняго въ вора и составителя подложныхъ отношеній. Этого защита Анисимова не можетъ обойти молчаніемъ, она не имѣетъ права допустить, чтобы Анисимовъ который, конечно, выйдетъ оправданымъ изъ суда, вернулся къ исполненію судейскихъ обязанностей, нравственно убитый и опозоренный. Въ данномъ дѣлѣ—простой и небольшой текстъ; но его, какъ это часто бываетъ въ судѣ, въ наукѣ, литературѣ,—густой паутиной оплели разнообразныя толкованія. Надо возстановить его. Вотъ этотъ простой текстъ: 23 марта 1893 г. деньги Чобикова были представлены въ казначейство за подписью прокурора Сталинскаго, 18 апрѣля того же года онъ были

взяты оттуда „при отношеніи“ за подписью того же г. Сталинскаго; затѣмъ 8 февраля 1894 г. онъ снова препровождаются въ казначейство, опять-таки „при отношеніи“ за подписью того же Сталинскаго, а 8 іюня того же года забираются обратно изъ казначейства—опять-таки согласно бумагѣ, подписанной г. Сталинскимъ. Куда эти деньги потомъ дѣвались?—Г. Сталинскій на предварительномъ слѣдствіи заявилъ, что всѣ три послѣднихъ „отношенія“ подписаны подложно его именемъ. Произведена фотографическая экспертиза: подписи признаны подлинными. Нынѣ второй защитникъ Сталинскаго утверждаетъ, что Анисимовъ подсунилъ всѣ три „отношенія“ г. Сталинскому—и тотъ вторыхъ, не читая подписалъ.

Итакъ, три случайности, три раза по одному и тому же дѣлу секретарь, похитившій деньги, обманулъ своего начальника. Слишкомъ много случайностей...

Прерванный первоприсутствующимъ, замѣтившимъ ему, что онъ выходитъ за рамки защиты Анисимова, О. О. Грузенбергъ перешелъ къ роли послѣдняго въ дѣлѣ.

Никто не повѣритъ, что Анисимовъ—воръ. Но представитель оберъ-прокурорскаго надзора утверждаетъ, что онъ не донесъ о преступленіи.

Обвиненіе находить, что къ Анисимову нужно примѣнить мягкое наказаніе, но все же наказаніе. Въ чемъ оно видитъ основаніе для смягченія участи Анисимова? Въ томъ—было здѣсь сказано,—что Анисимовъ, находясь въ зависимости отъ прокурора, вынужденъ былъ покрывать преступленія своего начальника. Это—не оправданіе. Если лица судебного вѣдомства станутъ покрывать друга друга въ порядкѣ подчиненности—это будетъ очень грустно. Нѣтъ, Анисимовъ невиновенъ въ недонесеніи—и не по соображеніямъ малодушнаго страха за карьеру. Если наше обветшалое уложеніе, въ разрѣзъ съ законодательствомъ болѣе культурныхъ странъ, обязываетъ гражданъ доносить не о готовящихся преступленіяхъ, а о тѣхъ, которыя уже совершены, то эту унизительную обязанность нельзя подвергать распространительному толкованію. Требованіе закона, изложенное въ ст. 126 улож. о нак., караетъ за недонесеніе о томъ преступленіи, которое точно извѣстно.

Догадки и подозрѣнія никто не только не обязанъ, но и не вправе облекать въ форму доноса. Нужно знаніе, точное знаніе: иначе будутъ плодиться лжедоносы и недобросовѣстныя обвиненія. Если допустить, что г. Сталинскій совершилъ приписываемыя ему преступленія—то зналъ ли о нихъ точно Анисимовъ, или только подозрѣвалъ и догадывался? Это—коренной вопросъ и, вмѣсто того, чтобы жалѣть Анисимова, надо разобрать этотъ вопросъ. Знать,—утверждаетъ обвиненіе—и это знаніе подтверждается, будто бы, показаніемъ товарища прокурора Терь-Степанова. Невѣрно: въ показаніи Терь-Степанова ничего подобнаго нѣтъ. Свидѣтель этотъ лишь удостовѣрилъ, что Анисимовъ, волнуясь по поводу предполагаемой мести г. Сталинскаго, сказалъ ему: если Сталинскій стаетъ меня губить,—то и я ему могу повредить; вѣдь онъ полгода пользовался чобиковскими деньгами. Не ясно ли, что даже ослѣпленный страхомъ и враждою, Анисимовъ могъ сказать лишь одно: Сталинскій, по его подозрѣнію, пользовался деньгами Чобикова. Но что деньги эти растрочены и издержаны, онъ и тогда (зимой 93 г.) не только не зналъ, но и не подозрѣвалъ. А между тѣмъ Анисимову ставится въ вину, почему онъ свои догадки не превратилъ въ доносъ, а подозрѣніе—въ обвиненіе. Насколько такое требованіе и незаконно и неосновательно, лучшее доказательство можно найти въ настоящемъ дѣлѣ. Во время слѣдствія Сталинскій и Анисимовъ предъявили другъ другу обви-

ненія въ неправильномъ, будто бы, пользованіи авансами.

И вотъ, въ обвинительномъ актѣ удостоверяется, что всѣ эти обвиненія неосновательны. А между тѣмъ они оба были увѣрены въ своихъ подозрѣніяхъ и догадкахъ. Неужели же обвиненіе можетъ послѣ того упрекать Анисимова, что онъ не далъ хода своимъ подозрѣніямъ относительно Чобиковскихъ денегъ? Поступи Анисимовъ такъ,— онъ оказался бы либо лжедоносчикомъ либо, въ лучшемъ случаѣ, клеветникомъ. Такого требованія не предъявляетъ къ гражданамъ законъ, такого требованія не должна предъявлять и обвинительная власть.

Нѣтъ, несомнѣнно, что надъ Анисимовымъ стрясалась грустная судебная ошибка.

Вотъ уже три года, какъ онъ отстраненъ отъ должности помощника мирового судьи, три года онъ живетъ съ семьей на ничтожное по суду содержание. Приговоръ долженъ вознаградить его и нравственно, и материально. Анисимовъ долженъ вернуться къ исполненію своихъ судебныхъ обязанностей съ гордо поднятой головою. Если ему суждено было много летъ, въ качествѣ секретаря, класть скръпю на прокурорскія бумаги, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что онъ долженъ украшать и скамью подсудимыхъ въ качествѣ „скръпны“ фигурирующаго здѣсь прокурора.

Обвиняемый Л. С. Сталинскій въ своемъ послѣднемъ словѣ обратилъ вниманіе суда на то, что если предположить, какъ это дѣлаетъ обвиненіе, что всѣ 4 года онъ сознательно скрывалъ допущенное имъ злоупотребленіе и предпринималъ мѣры къ сокрытію его, то поведение его представляется столь безмысленнымъ, что такъ не поступалъ бы ни одинъ ребенокъ. Въ самомъ дѣлѣ, допущена, положимъ, растрата въ 500 руб. Можно сказать, что пока онъ былъ прокуроромъ въ Баку, судьба Чобиковскихъ прошеній была въ его рукахъ. Но онъ все время хлопоталъ о переводѣ куда-нибудь, ходатайство увѣнчивается успѣхомъ. Его переводятъ. Ясно что въ Баку будетъ другой прокуроръ, котораго Чобиковъ тоже будетъ бомбадировать прошеніями. Растрата должна раскрыться. Что же онъ, Сталинскій, предпринимаетъ противъ этого? Ровно ничего. А покрыть ему эту растрату,—не представляло никакого затрудненія. Стоило только (на это онъ имѣлъ право) взять впередъ за треть жалованья. Ничего этого онъ не дѣлаетъ, ничего не поручаетъ дѣлать Анисимову, а ждетъ разоблаченій своего преступленія. Такъ не поступитъ даже ребенокъ, имѣющій инстинктъ самосохраненія. Какъ же могъ допустить это онъ, если бы онъ чувствовалъ за собою малѣйшую вину! У него былъ цѣлый рядъ случаевъ, когда онъ могъ внести деньги такъ, чтобы никто и не догадался о растратѣ; онъ, наконецъ, могъ избавить себя отъ уголовной отвѣтственности, если бы воспользовался манифестами... Неужели же здравомыслящій человекъ изъ за какихъ-нибудь 500 руб. можетъ ставить на карту всю свою судьбу, все свое социальное положеніе, котораго онъ добился безпрестаннымъ и упорнымъ трудомъ болѣе чѣмъ въ теченіе 20 лѣтъ. Анисимовъ объявилъ, что ничего къ доводамъ своего защитника прибавить не можетъ, и просилъ объ оправданіи.

Послѣ получасоваго совѣщанія объявлена была резолюція Прав. Сената, согласно которой Сталинскій и Анисимовъ были признаны по суду оправданными.

Анисимову же предписано выдать причитающееся ему содержаніе за время состоянія его подъ судомъ и слѣдствіемъ.

С.-Петербургская Судебная Палата.

(Отъ нашего корреспондента).

Злоупотребленіе довѣріемъ.

(Продолженіе *).

Послѣ рѣчи прокурора слово было представлено повѣренному гр. истца.

Г. Юнасъ началъ свою рѣчь съ выясненія вопроса, можетъ ли гр. истецъ, руководствуясь точнымъ смысломъ дѣйствующихъ законовъ, говорить въ своей рѣчи о виновности подсудимыхъ, или вынужденъ ограничиться арифметическими вычислениями. Въ доказательство своего права касаться вопроса о виновности г. Юнасъ читаетъ ст. 742 уст. уг. судопр.

Предсѣдат. Особому присутствію извѣстны права и обязанности гр. истца.

Заявляя, что онъ считаетъ себя вправе касаться вопроса о виновности, г. Юнасъ переходитъ къ разсмотрѣнію обвиненія.

Виновность Спасскаго въ нарушеніи ст. 1709 несомнѣнна въ виду установленности слѣдующихъ фактовъ.

1) Спасскій былъ повѣреннымъ своей жены въ моментъ продажи права ея на $\frac{3}{14}$ части имѣнія Маріамполь.

2) Право Аделаиды Спасской, стоящее не менѣе 8000 р., продано за 230 р., т. е. за безцѣнокъ.

3) Самъ Спасскій выступилъ на торгахъ въ качествѣ подставного покупателя и помогъ Иванову купить право своей жены за безцѣнокъ, т. е. ввелъ свою довѣрительницу въ невыгодную сдѣлку.

4) Спасскій очень хорошо зналъ, что жена его психически больная.

Не подлежитъ сомнѣнію и виновность Иванова, хотя послѣдній игралъ въ этомъ дѣлѣ роль подставного лица, а на судѣ довольно искусно играетъ роль простака. Что Ивановъ не такой простой и безхитрый, какимъ онъ себя изображаетъ на судѣ, судъ могъ убѣдиться изъ показаній допрошенныхъ свидѣтелей. Далѣе, гр. истецъ переходитъ къ выясненію отношеній Могучаго, какъ повѣреннаго къ его бывшимъ довѣрителямъ Безобразовымъ.

Предсѣдатель. Я вамъ не позволю касаться этого вопроса, такъ какъ Могучему въ этомъ не предъявлено обвиненія.

Гр. истецъ возражаетъ, что хотя въ формулу обвиненія вопросъ этотъ не вошелъ, но о немъ говорится подробно въ обв. актѣ, и онъ былъ предметомъ изслѣдованія на суд. слѣдствіи, а потому онъ, гр. истецъ, считаетъ себя вправе касаться этого вопроса въ своей рѣчи, тѣмъ болѣе, что къ Могучему предъявленъ особый гр. искъ.

Послѣ вторичнаго замѣчанія предсѣдателя, что онъ не позволитъ касаться этого вопроса, гр. истецъ переходитъ къ формулировкѣ своихъ исковыхъ требованій.

1) Онъ требуетъ признанія публичныхъ торговъ, на которыхъ была продана часть имѣнія Аделаиды Спасской, недействительными.

2) Требуется присужденія въ пользу Аделаиды Спасской со всѣхъ подсудимыхъ 900 р. въ годъ убытковъ съ момента продажи имѣнія по день уничтоженія торговъ, но въ виду того, что доказать вполне свой искъ объ убыткахъ ему не удалось, такъ какъ формы уголовного судопроизводства не даютъ возможности доказать такой сложный искъ, какимъ является искъ объ убыткахъ, то проситъ палату, на основаніи 785 ст. уст. уг. [суд., отложить разсмотрѣніе гр. иска объ убыткахъ до одного изъ слѣдующихъ засѣданій, поручивъ одному изъ членовъ палаты произвести расчетъ убытковъ въ присутствіи сторонъ. Въ подтвержденіе своего ходатайства г. Юнасъ сослался на цѣлый рядъ сенат-

* См. „Право“ № 45.

ских разъяснений, что недоказанность суммы понесенных убытков не дает суду права ни отказать въ искѣ, ни оставить его безъ разсмотрѣнія, а обязываетъ его примѣнить ст. 785 уст. уг. суд.

Въ заключеніе г. Ионасъ выразилъ свое сожалѣніе по поводу того, что защита старалась своими вопросами свидѣтельницамъ Безобразовымъ дискредитировать ихъ въ глазахъ суда и закончилъ свою рѣчь словами: женщины, которыя вели непоследовательную борьбу за свои права и за права своей психически больной сестры заслуживаютъ не презрѣнія, а удивленія.

Рѣчь защитника Спасскаго, прис. пов. Л. Р. Окрента:

Г. председатель и гг. судьи!

Мой клиентъ, Спасскій оказывается лицо главное въ процессѣ; около него сосредоточивается интересъ дѣла. Считаю необходимымъ, разъ навсѣгда извинившись предъ подсудимымъ за то разочарованіе, которое, вѣроятно, имъ овладѣетъ, когда онъ увидитъ, что въ защитникъ своею онъ не найдетъ поддержки въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по его мнѣнію крайне важныхъ, по моему безразличныхъ—разойтись съ нимъ, Спасскимъ, въ оцѣнкѣ фактовъ, въ толкованіи самаго главнаго событія по дѣлу, т. е. сдѣлки, заключенной между нимъ и Ивановымъ, наконецъ, въ оцѣнкѣ побужденій лицъ, принявшихъ участіе въ этомъ грустномъ дѣлѣ. Всегда тяжело, когда судится человекъ, о которомъ говорятъ очень дурно; эти скверные отзывы нагромождаясь создаютъ столь сильное предположеніе преступности, что и лишнимъ какъ будто кажется разузнавать, было ли самое преступленіе. Но намъ, защитѣ, этого задѣвать не приходится; и я конечно помню, что моя задача не въ томъ, чтобы защитить Спасскаго отъ порицанія—онъ его заслужилъ, и въ какой степени!—ни даже отъ презрѣнія—кто право имѣетъ, цускай презираетъ—но отъ уголовной кары, которая постигаетъ нарушителей—уголовнаго закона. Въ этой формѣ задача моя оказывается даже простой и, чтобы къ ней подойти, мнѣ не нужно отрицать того, что установлено, закрывать глаза на то, что высказано противъ Спасскаго. Идя навстрѣчу почтенному представителю обвинительной власти и оставляя Спасскому полную свободу въ его толкованіяхъ, я признаю два факта: да, Аделаида Спасская была сумасшедшая; да, торги на $\frac{1}{2}$ часть имѣнія, принадлежавшую Аделаидѣ, происходили неправильно, съ существеннымъ нарушеніемъ закона. Но и только. Въ самомъ дѣлѣ: о сумасшествіи Аделаиды могли всѣ не знать, кромѣ ея мужа; могъ не знать Ивановъ человекъ свѣта, примкнувшій къ дѣламъ по покупкѣ земли у семьи Безобразовыхъ, вовсе не дѣлецъ, далекий отъ всего, что въ семьѣ происходило; могъ не знать Могуцій, для котораго было ясно, что въ рукахъ Спасскаго сумасшествіе его жены играетъ роль—какъ бы сказать процессуальнаго орудія на всякій случай, могъ и приставъ Маренгольцъ не знать, человекъ, служащій въ другомъ мѣстѣ, подалеку отъ центра дѣятельности Спасскаго. Но самъ Спасскій зналъ; онъ самъ же утверждаетъ, что эта болѣзнь его жены—несчастье его жизни и по своему онъ правъ—ему и нечего защищаться незнаниемъ. Въ его глазахъ Аделаида была несомнѣнно человекъ погибшій, безвольный.

Торги были неправильны: прежде всего въ нихъ участвовало подставное лицо—Спасскій; торги, состоявшіеся при участіи одного лишь покупателя—а другого считать нельзя—недѣйствительны. По этой публичной продажѣ имущество Аделаиды не должно бы перейти къ Иванову. Это ясно—обходъ закона здѣсь очевиденъ. Но развѣ въ этомъ дѣлѣ? Развѣ, если огуломъ признать, что выписанныя обвинительнымъ актомъ нарушенія правилъ о врученіи повѣстокъ, о выраженіи согласія отвѣтчика на оцѣнку взыскателемъ имѣнія, на порядокъ оглаше-

нія о предстоящей продажѣ—если все это вѣрно, развѣ въ дѣлѣ преступности подсудимыхъ, преступности не должностной, а общей—многую насъ это признаніе научить? Законъ обойденъ, нарушенъ; но по природѣ своей онъ милостивъ и уже во всякомъ случаѣ неэгоистиченъ; достоинство его не страдаетъ отъ того, что кто нибудь не уважить его требованій; онъ не за себя, за другихъ негодуетъ; только тогда онъ не прощаетъ, когда нарушеніе его правъ соединено съ какой нибудь вредной для другихъ неправдой, съ кривдой, съ обидой, нанесенной другимъ.

Значитъ, я правильно поступлю, если отъ этихъ платоническихъ нарушеній формальнаго закона отойду и обращусь къ главному, къ единственному запросу всего дѣла: кого обидѣлъ Спасскій и обидѣлъ ли? И на первыхъ же порахъ я оговорюсь: можетъ быть въ душѣ его и темнѣло желаніе обидѣть—воспользоваться своимъ привилегированнымъ положеніемъ мужа, отца и повѣреннаго въ интересахъ семейнаго благосостоянія, которое онъ въ своей наивной испорченности считаетъ благосостояніемъ больной жены—но не съ этимъ намѣреніемъ мы имѣемъ дѣло по требованію нашего уголовнаго закона—тайное желаніе повѣреннаго обидѣть довѣрителя должно высказаться во внѣ такими дѣйствіями, вредъ отъ которыхъ исцѣлить нельзя, иначе какъ въ уголовномъ судѣ. Поэтому, разберемъ его дѣйствія, какъ они казались другимъ, какъ онъ самъ ихъ опредѣлялъ, какія измѣненія они внесли въ его отношенія къ женѣ, ея жизни, ея обезпеченности.

Спасскій преданъ суду за злоупотребленіе довѣріемъ за мошенничество, за то что благодаря его дѣйствіямъ, его клиентка—жена лишилась имущества. А мнѣ кажется, что это то послѣднее и спорное; при томъ споръ этотъ здѣсь, въ уголовномъ судѣ, рѣшенъ быть не можетъ. Никто не отрицаетъ, что Спасскій въ качествѣ стоимости имущества жены получилъ отъ Иванова 5600 руб., но признается, что въ эту сумму должна войти стоимость исполнительнаго листа,—проданнаго Спасскимъ Иванову за 530 рублей, и контрактовъ, уступленныхъ тому же Иванову и полученныхъ Спасскимъ отъ Сивохи. Жалобницы на основаніи текста сдѣлки, заключенной Спасскимъ съ Ивановымъ, оцѣниваютъ эти контракты въ 1000 рублей, примемъ эту оцѣнку, допустимъ даже, что Спасскій, не упускавшій никогда своей выгоды, пожелалъ бы воспользоваться положеніемъ и дороже ихъ продать—все же останется на долю недвижимости Аделаиды, проданной подъ видомъ продажи контрактовъ и исполнительнаго листа больше 3000 рублей. Расчетъ этотъ правиленъ, и очевидно сдѣлка Спасскаго и Иванова не столь темна, если изъ ея содержанія можно точно вывести заключеніе о томъ, во сколько цѣнилась часть Аделаиды. Деньги эти получилъ повѣренный Аделаиды, ея мужъ. Если онъ получилъ для Аделаиды—нанесъ ли онъ ей какой нибудь вредъ, обезцѣнилъ ли онъ ея имущество? Нѣтъ; если признаете это главное условіе, то окажется, что Спасскій дѣйствовалъ, какъ хороший повѣренный. Нельзя забывать, что имѣніе продавалось лѣтъ семь тому назадъ, что цѣна его въ настоящее время не можетъ быть успѣшнымъ указателемъ для оцѣнки его въ тогдашнее время; мы слышали здѣсь, что главная цѣнность имѣнія—лѣсъ за эти семь лѣтъ выросъ значительно и цѣна отъ этого сильно повысилась, и къ тому же желѣзная дорога приблизилась. Немудрено, что Безобразовы и слышать не хотятъ теперь о 2000 р. за каждую пятую часть имѣнія. А въ то время было другое. Въ ту блаженную эпоху, когда Спасскаго въ имѣніи еще не было, когда шляхтичъ Эрдманъ по совѣсти арендовалъ и по совѣсти платилъ за аренду, все же за четыре части семья получала только 450 руб. въ годъ. А старикъ Безобразовъ, покойный Эдуардъ,

отчаявшись въ полюбовномъ раздѣлѣ имѣнія, которое ему нужно было продать, въ своемъ прошеніи Витебскому окружному суду отъ своего имени—тогда еще г. Могучій адвокатомъ семьи не былъ,—говорить, что онъ каждую минуту готовъ продать имѣніе за 10.000 рублей, т. е. по 2000 руб. за каждую пятую часть, было бы только согласіе совладѣльцы Аделаиды. Очевидно онъ цѣнилъ—себѣ не въ убытокъ, и очевидно тоже, что цѣна эта, всей семьѣ всегда—покуда роль обвинителей не заставила ихъ ради цѣлей гражданскихъ требованій перемѣнить мнѣніе даже о тогдашней стоимости Маріамполя—казалось цѣной хорошей, добросовѣстной.—А получить 3000 рубл. за пятую часть—врядъ ли кто ни будь и мечталь.

Да, Спасскій получилъ больше 3000 руб. за имѣніе Спасской—но получилъ для себя.— Въ этомъ своемъ положеніи, я не скрою—обвинительная власть опирается на письменное доказательство, всѣкое на первый взглядъ и тѣмъ болѣе значительное, что толкуется оно ею прямо по буквальному содержанию, какъ должно толковаться всякое доказательство, составленное при участіи представителя закона, присяжнаго повѣреннаго, работа котораго не должна имѣть ничего общаго съ крѣпкотворной работой уличныхъ законовѣдцовъ, людей темной дѣятельности для жалкой наживы. Въ этомъ и сила объясненія, что оно имѣетъ право предполагать въ составитель такого доказательства—полное, во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ деталяхъ, сознание того, что дѣлается, что пишется и что такой участникъ не смѣетъ сказать—я не зналъ, не понималъ.

Но это сила чисто нравственная; она можетъ при иныхъ условіяхъ заставить сѣсть на скамью подсудимыхъ, но не можетъ на ней удержать—и не должна.

Въ этомъ письменномъ доказательствѣ очевиднѣе обходъ закона: недвижимость, для продажи которой существуетъ особый порядокъ, продана подъ видомъ движимости; но все же нельзя отъ этого идти дальше—безъ колебаній утверждать, что сама продажа совершена не въ пользу собственника, а его повѣреннаго. Несомнѣнно, г. Могучій зналъ и понималъ что дѣлаетъ; онъ зналъ и понималъ, что законъ можно нарушить и обойти, когда цѣль нарушенія чистая, а само нарушение санкции уголовной не имѣетъ; но того онъ не зналъ и не понималъ, что ему то, присяжному повѣренному, въ этомъ обходѣ закона принимать участія нельзя. Онъ не зналъ того, что, вѣдь можно не вести дѣла, что можно отказать. Это вѣдь такъ легко—не защищать, когда защита не любя, почему бы то ни было, потому что она вамъ лично неприятна—или вашему другу, или тому, кого другомъ называете. Это такъ легко не вести дѣла—а г. Могучій этого не хотѣлъ понять и ради того, чтобъ окончить принятое имъ дѣло о раздѣлѣ и продажѣ имѣнія Везобразовыхъ, точно въ природѣ имѣется какое то велѣніе, что дѣло это должно быть окончено имъ Могучимъ, и онъ идетъ на какія то двусмысленныя сдѣлки Иванова и Спасскаго!

Этимъ словомъ порицанія ограничивается все, что можно здѣсь сказать противъ г. Могучаго и его рода въ дѣлѣ. Но засимъ его участіе въ немъ по моему мнѣнію есть все же гарантія непроступности сдѣлки Иванова и Спасскаго. Его участіе, правда, должно было быть и гарантіей законности, корректности; этого не случилось—и тяжелое наказаніе не сетъ за это г. Могучій, переживая дни суда. Но не преступникъ уже онъ: я, какъ все мы, не могу вѣрить, чтобъ человѣкъ, носящій знакъ, которымъ мы гордимся, могъ безъ страсти и безъ заблужденій, безъ тѣхъ трагическихъ ужасовъ жизни, которыя иногда влекутъ паденіе людей въ душѣ хорошихъ и честныхъ—могъ идти на преступленіе, да какое—

на ограбленіе бѣдной сумасшедшей! Не можетъ этого быть—противъ такого предположенія возстаютъ умъ и совѣсть. И они правы; взгляните на поведеніе всѣхъ участниковъ этой злосчастной сдѣлки, Спасскаго, Иванова, Могучаго, и въ немъ вы найдете разгадку смысла сдѣлки и отношенія всѣхъ подсудимыхъ къ этому смыслу. Все они, а Могучій прежде всего, смотря на нее, какъ на ловко придуманное средство купить часть Аделаиды, заплативъ за нее той же Аделаидѣ, а Спасскій еще въ добавокъ средство хорошо помѣстить свой, очевидно, безденежный исполнительный листъ и сомнительные контракты. Никто не скрываетъ ни сдѣлки, ни ея содержанія; никто не скрываетъ, что публичный торгъ былъ фикціей, что на торгахъ искусственно право на имущество удержано за тѣмъ, кто его приобрѣлъ раньше по свободному соглашенію, за большія деньги. Ивановъ пишетъ объ этой сдѣлкѣ властямъ, Могучій въ цѣломъ рядѣ писемъ говоритъ о ней—кому—теперешнимъ врагамъ своимъ, отцу и сестрамъ той Аделаиды, которую онъ будто бы ограбилъ. Эмилія Безобразова настаивала вчера на оглашеніи этихъ писемъ; она хотѣла ими уличить Могучаго; какую чудную службу защитѣ они сослужили. Въ нихъ Могучій извѣщаетъ Эдуарда Безобразова и сестеръ о томъ, что имѣніе Аделаиды перешло съ публичнаго торга къ Иванову, что по сдѣлкѣ Иванова со Спасскимъ этотъ послѣдній за часть Аделаиды вознагражденъ больше, чѣмъ могутъ ожидать остальные совладѣльцы. Это ли преступникъ? Человѣкъ помогъ совершить преступную сдѣлку съ цѣлью лишить ближняго всего имущества и еще въ добавокъ говоритъ объ этомъ. Кричитъ о своемъ участіи въ преступленіи, доноситъ о немъ и вдобавокъ еще тѣмъ, кто больше всѣхъ любитъ эту обиженную, ограбленную—ея отцу, ей сестрамъ, тѣмъ самымъ, которыя изъ за нея въ настоящее время пошли на подсудимыхъ! Нѣтъ такихъ преступниковъ! Такъ говорятъ люди, нарушившіе можетъ быть законъ о переходѣ недвижимости, но не нарушившіе ни одной изъ Божьихъ заповѣдей. И если бы госпожа Эмилія Безобразова хоть часть той удивительной энергіи, которую она направила противъ подсудимыхъ, пожелала обратить на доброе дѣло умѣлаго отысканія имущества сумасшедшей Аделаиды, ей достаточно было бы въ качествѣ опекуни предъявить къ Спасскому искъ объ отчетѣ по его дѣйствіямъ въ качествѣ повѣреннаго искъ объ отобраніи и возвратѣ тѣхъ денегъ, которыя Спасскій получилъ отъ Иванова для Аделаиды, и представить суду тѣ бумаги самого Спасскаго, Могучаго, Иванова, которыми сдѣлка эта устанавливается; и наконецъ достаточно было предъявить хоть одно изъ писемъ Могучаго, пригласить его въ качествѣ свидѣтеля—онъ вѣдь никогда повѣреннымъ опеки не состоялъ и отвести его отъ свидѣтельства нельзя было бы—и въ настоящее время опекушка Безобразова располагала бы свободно той стоимостью $\frac{1}{3}$ части имѣнія, изъ за которой она ратуетъ. Несомнѣнно, рѣдко бываетъ дѣло, въ которомъ лучшими свидѣтелями защиты являются сами обвиняемые—и я поэтому смѣло беру свидѣтелей со скамьи подсудимыхъ. Ихъ дѣйствія такъ откровенны, слова—виѣ самаго факта заключенія фактивной сдѣлки—такъ прямодушны, такъ велика гласность ихъ поступка, они сами столь сильно способствуютъ этой гласности, ее вызываютъ, что нельзя говорить о скртыяхъ, преступныхъ побужденіяхъ по отношенію къ Аделаидѣ. А вѣдь это вмѣстѣ съ тѣмъ и оправданіе Спасскому. Ибо если всѣ участники сдѣлки не теряли изъ виду интересовъ Аделаиды и смотрѣли на Спасскаго, какъ на повѣреннаго, который въ силу своего званія если и получаетъ деньги за имущество довѣрителя, то значитъ—получаетъ ихъ для довѣрителя—то значитъ сдѣлка не преступна и не станетъ преступной отъ того, что одинъ изъ участниковъ въ тайникахъ

своей души—быть может, это не доказано — думаетъ «а я какъ повѣренный возьму себѣ деньги». Не виновенъ Могучій, Ивановъ — не виновенъ и Спасскій.

Вчера была оглашена довѣренность, выданная Спасскому его женой Аделаидой. Она совершена давно—еще когда о болѣзни Аделаиды и помину не было. Она даетъ Спасскому обширнѣйшія полномочія, право продать, заложить кому угодно и какъ угодно. Эта довѣренность—нѣмой свидѣтель тому, о чемъ здѣсь обмолвилась сестра Изабелла. Она сказала: когда Аделаида была здорова, она очень довѣрчиво относилась къ мужу. Спасскій всеѣмъ управлялъ, воля Аделаиды не считалась и сама Аделаида ее не считала. Аделаида очевидно въ дѣловыхъ талантахъ своего мужа не сомнѣвалась, а судьбы его отъ своей не отдѣляла, поэтому и намъ нечего сомнѣваться въ ее согласіи на все, что посовѣтуетъ господинъ и мужъ, а ксати и дѣлецъ. Онъ по этой довѣренности могъ всегда продать $\frac{1}{2}$ часть имѣнія, и достаточно вспомнить его властное обхожденіе съ арендаторомъ Сивохой, отсутствіе возраженій со стороны жены по всеѣмъ его хозяйственнымъ распоряженіямъ, чтобы признать, что Аделаида ничему препятствовать бы не стала. И все такъ привыкли на него смотрѣть, какъ на единственнаго хозяина, и онъ самъ привыкъ къ своей роли, считалъ ее естественной, законной по праву брака, во первыхъ, по праву отцовской власти надъ единственнымъ ребенкомъ и имуществомъ его, во вторыхъ. Никому не было странно, что Спасскій продолжаетъ хозяйничать, когда жена заболѣла, даже напротивъ,—вѣдь управлялъ же онъ всеѣмъ, и дѣлалъ все, что ему угодно, когда она была здорова, съ ее согласія—болѣзнь ея должна бы по его мнѣнію только увеличить власть. Онъ и распоряжался дальше, ни разу не усомнившись въ своемъ правѣ, заявляя даже прямо о сумасшествіи жены, зная ужъ вѣрно то, что до признанія ея сумасшедшей въ установленномъ порядкѣ по всеѣмъ законамъ въ мірѣ онъ продолжаетъ быть ея повѣреннымъ и все его дѣйствія по довѣренности должны почитаться законными. Развѣ могла быть рѣчь о злоупотребленіи довѣренностью, когда этой довѣренностью право, которымъ захотѣлъ Спасскій воспользоваться, было дано гораздо раньше, когда ради цѣлей продажи вѣроятно и выданъ былъ когда-то этотъ исполнительный листъ на жену въ 530 руб., который нынче пошелъ въ дѣло?

Почтенный противникъ нашъ говоритъ, что иначе, какъ путемъ беззаконія, нельзя было продать недвижимости Спасской. Отчасти я и съ этимъ согласенъ—нельзя было. Но если это беззаконіе никому вреда не принесло, то значить—оно гражданская неправда и нечего имъ здѣсь дѣлать въ уголовномъ судѣ; но я думаю, мы уже условились—здѣсь нѣтъ рѣчи о томъ, знала ли, сознавала ли Аделаида значеніе операций своего супруга—вѣдь и теперь она не сознаетъ значенія обвинительныхъ операций сестеръ, идущихъ противъ ея мужа—а въ томъ, обдѣлала ли она отъ дѣйствій своего повѣреннаго Недвижимость продава: пусть—Спасскій всегда имѣлъ право ее продать. Если всмотрѣться поближе въ заявленіе господина прокурора, что всякая другая форма продажи $\frac{1}{2}$ части недвижимости привела бы неминуемо къ неуспѣху—то пожалуй съ этимъ можно и не согласиться. Предполагается, что витебскій окружный судъ, куда должно бы направиться всякое ходатайство о продажѣ недвижимости, имѣя въ своемъ производствѣ дѣло о судебномъ раздѣлѣ Маріамполя, приостановленное въ виду заявленнаго Спасскимъ сумасшествія Аделаиды—непремѣнно воспрепятствовалъ бы продажѣ и обнаружилъ преступленіе. Никогда! Безъ ходатайства съ чьей бы то ни было стороны, актомъ самодѣятельности суда никакого препятствія не могло возникнуть, если только опека не была учреждена. Опека же учреждена была значительно

позже. Гражданскій судъ дѣлаетъ спокойно свое дѣло, не высматривая преступниковъ, ибо дѣятельность суда вообще карательная, но не предупреждаетъ событий.

И всегда такое постановленіе суда, препятствующее законному повѣренному исполнить принадлежащее ему по довѣренности право, покада довѣритель не признанъ сумасшедшимъ, было бы отмѣнено. Достаточно вспомнить, что послѣ публичной продажи была Иванову нотариусомъ выдана данная на имѣніе Аделаиды, что по этой данной онъ Ивановъ опредѣленіемъ того же витебскаго суда вводился во владѣніе, что никого значить изъ состава суда не поразилъ этотъ переходъ имущества большой къ третьему лицу, чтобы отбросить это упованіе на предусмотрительную подозрительность Витебскаго суда и предусмотрительную осласливость Спасскаго. Нѣтъ онъ преспокойно по своей довѣренности могъ продать женину часть Иванову у младшаго нотариуса, купчая была бы утверждена, какъ и данная, старшимъ нотариусомъ, и Ивановъ точь точь какъ по данной ввелся бы во владѣніе опредѣленіемъ того, же витебскаго суда. И не было бы преступленія хотя быть можетъ вырученныя отъ продажи деньги покоились бы, влѣдствіе неумѣлости опеки, въ карманѣ Спасскаго—недобросовѣстнаго владѣльца, но не преступника.

Рѣчь защитника И. Иванова — пом. прис. пов. О. О. Грузенберга.

Не суровые выводы обв. акта, не талантливая рѣчь новаго сочлена прокуратуры тревожатъ меня. Что обвинительный актъ?—Эти програмные листы подлежали вашей провѣркѣ, они подлежатъ и критикѣ. Что обвинительный талантъ?—Ему можно противупоставить если не талантъ, то тщательное изученіе обстоятельствъ дѣла и трезвое слово убѣжденія.

Въ судѣ есть нѣчто болѣе грозное, нежели обвиненіе: предубѣжденіе и недовѣріе. Недовѣріе къ тѣмъ, кто посаженъ на скамью подсудимыхъ; предубѣжденіе въ пользу тѣхъ, кто у свидѣтельскаго барьера. Два шага отдѣляютъ его отъ подсудимыхъ, и эта топографическая разница обусловливаетъ рѣзкую разницу въ отношеніи къ объясненіямъ, исходящимъ съ этихъ близкихъ другъ къ другу пунктовъ. Разница эта такъ велика, что незамѣтно для отправляющихъ правосудіе судъ творится, въ сущности, свидѣтелями. Ихъ оцѣнка людей и событий, ихъ мнѣнія и чувства ложатся большей частью въ основаніе судейскаго сужденія и выливаются въ слово приговора. Если защита не въ силахъ разсѣять недовѣріе къ подсудимымъ—то она обязана разсѣять обаяніе непогрѣшимости свидѣтелей.

Настоящее дѣло намъ предлагаютъ разрѣшить на основаніи показаній сестеръ Безобразовыхъ. Кто онѣ?—Мы ранѣе ихъ не знали, но теперь кое-что знаемъ о нихъ отъ нихъ же самихъ.

Первая—Эмилиа Безобразова. Не успѣла она занять мѣсто у свидѣтельскаго барьера, какъ полилась бурная и неудержимая рѣчь.

Это не рѣчь а какой то неукротимый весенній разливъ. Она не знала ни береговъ, ни преградъ. И напрасно г. предсѣдатель пытался ввести ее въ русло. Наши вопросы, короткіе и сухіе, быстро сносились, словно щепки,—и мы все, сложивъ руки, покорно прислушивались къ капризному теченію показанія Э. Э. Безобразовой, утѣшая себя надеждою, что настанетъ же когда нибудь часъ, когда оно окончится. Оно окончилось.

Постараясь собрать основныя черты этого показанія. Э. Э. Безобразова начала съ заявленія, что, она „не знаетъ жизни и до этого дня не вѣрила, что на свѣтѣ есть зло“. Но теперь мы можемъ ее поздравить съ быстрымъ и всестороннимъ познаніемъ зла и даже съ участіемъ въ его проявленіяхъ.

Она объяснила намъ, что, задавшись мыслью избличить Спасскаго, она прикинулась его сторон-

ницей, выдала ему обязательство об уплатѣ известной суммы денегъ, если при его содѣйствіи удастся уничтожить сдѣлку съ Ивановымъ. Четыре года она ласкала того, кого собиралась предать, четыре года заставляла Спасскаго фабриковать противъ себя самого вещественныя доказательства—и, наконецъ, заручившись пухнымъ матеріаломъ, отдала его подъ судъ.

Ея искусству, сотканному изъ лукавства и обмана, тонкаго расчета, позавидуютъ, конечно, доморощенные Леокии, но здѣсь, въ судѣ, оно можетъ вызвать лишь одно чувство—чувство гадливости.

Велѣдъ за Эмилией Эдуардовной, явилась сестра ея—Марія Эдуардовна. Она знаетъ цѣну словамъ и, нехотя, отвѣчаетъ на вопросы. Но скупясь на изустное слово, она щедрна на письменное изображеніе его,—особливо, въ помѣщеніи своего имени и фамилии подъ разными компрометирующими бумагами. Что дѣлать?—и она не взирая на свои лѣта, крайне доврчива, такъ доврчива, что никогда, по ея словамъ, не читаетъ подписываемыхъ ею бумагъ. Правда, почтенный представитель обвинения выразилъ вслухъ удивленіе по поводу такой доврчивости и нашелъ нужнымъ переспросить свидѣтельницу: дѣйствительно ли она окончила курсъ гимназіи и была на высшихъ курсахъ?—Ну что-жь? Гимназію окончила и на курсахъ была, но, все-таки, надобности читать подписываемыя бумаги не признаетъ! доврїе къ людямъ осталось нетронутымъ. Мы предъявили свидѣтельница подписанную ею въ концѣ 1895 г. доврѣяемость на имя Спасскаго. Свидѣтельница слегка смущена, но съ прелестной наивностью отвѣчаетъ: „опять моя доврчивость!“ Въ концѣ 95 года, спустя 2 года послѣ того, какъ Спасскій, по ея словамъ, обобралъ жену, Марію Безобразова, переставъ окончательно ему вѣрить, все же доврѣяетъ?... Нѣтъ, мимо такого доврїя судьи должны пройти съ недоврїемъ.

Затѣмъ, — Изабелла Безобразова. Вы слышали ея письма: она всегда вызываетъ къ укорамъ совѣсти Она грозитъ ея муками прис. повѣр. Могучему. Надо посмотреть ея глазами — глазами совѣсти—на собственный ея образъ дѣйствій.

Знали ли Вы, свидѣтельница, про сдѣлку Спасскаго съ Ивановымъ?—Знала! Знали ли Вы, что путемъ этой сдѣлки Спасскій продаетъ долю вашей сестры, а его жены?—Знала! Знали ли Вы, за какую сумму продается имѣніе Маріамполь? — Знала и даже взяла въ день совершенія сдѣлки, 31 мая 93 г., у Могучаго изъ внесенной Ивановымъ покупной платы 500 руб., но за то на другой же день опозорила Могучаго, лишивъ его доврѣяемости.

А взятыя деньги?—И Изабелла Безобразова, и ея сестры, забравши около 2 тысячъ руб. денегъ Иванова, отобрали у него путемъ доносовъ, $\frac{4}{5}$ имѣнія... и до сихъ поръ денегъ ему не отдали. „Отдайте мнѣ либо деньги, либо имѣніе!“—молить ихъ въ продолженіе 7 лѣтъ Ивановъ. — „Вы не получите ни денегъ, ни имѣнія!“—отвѣчаютъ ему дружно, незнающія жизни и ея зла сестры Безобразовы.

И во имя этихъ мною-потерпѣвшихъ г. прокуроръ требуетъ обвинительнаго приговора!... Нѣтъ, онъ въ охранѣ суда не нуждаются.

Но въ этомъ дѣлѣ есть дѣйствительно потерпѣвшая. Она не кланяетъ, не жалуется, не проситъ защиты. Мы ее не видѣли, не знаемъ, но веѣмъ намъ она безконечно близка.

Помните прочтенные здѣсь протоколы медицинскаго освидѣтельствования Аделаиды Спасской? Исхудалая, блѣдная, съ язвами на локтяхъ и ногахъ, съ безумнымъ взглядомъ и безумной рѣчью, она жметъ испуганно въ дальній уголъ комнаты.

Всегда въ тревогѣ, всегда окруженная мучительными видѣніями, отъ которыхъ безсилно обороняется молитвенникомъ, она, какъ бы, шлепъ намъ всѣмъ укоръ. И мнѣ порою начинало казаться, что эти четыре подсудимыхъ и даже мы защитники

ихъ,—всѣ здоровые, сильные—передъ ней глубоко виноваты: словно мы причинили ей эти язвы; словно отъ насъ ея безуміе. И, если вспомнить, что сестры, родная сестры, жившія въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ нея, не навѣщали ея, не заслоняли ея отъ побоевъ и только здѣсь, на судѣ, изливали любовь къ ней въ ненависти къ другимъ; если подумать, что мы хотимъ лишитъ эту беззащитную послѣднихъ крохъ,—становится жутко и стыдно.

Нѣтъ, мы этого никогда не сдѣлаемъ. Если я прошу за Иванова,—то только потому, что увѣренъ, что онъ ни минуты не зналъ о болѣзни Аделаиды Спасской, что изъ ея денегъ къ его пальцамъ не прилипло ни одной копейки, что онъ съ ней расплатился честно. Мнѣ глубоко жаль его особенно потому, что, если вѣрно заключеніе, что Ивановъ—подставное лицо,—то онъ тоже потерпѣвшій. Мнѣ припоминается одно изъ впечатлѣній ранняго дѣтства. У насъ во дворѣ жила ветхозавѣтная семья. Бѣдная и скромная, она всегда обходилась во всемъ безъ посторонней помощи. Но наступала суббота съ ея отжившимъ и бессмысленнымъ закономъ объ обязательномъ бездѣйствіи—и изъ своей кофурки вымолзалъ дворникъ Иванъ и начиналъ хозяйничать въ еврейской семьѣ. Онъ зажигалъ свѣчи мѣнялъ и тушилъ ихъ; онъ топилъ печи. Но зажженный свѣтъ не ему свѣтилъ, разведенный огонь не его грѣлъ. Онъ былъ „шабашовый“, только шабашовый и мы, дѣти, такъ и звали его: — „Иванъ шабашовый!“—Есть другой, тоже отжившій законъ, воспрепятствующій еврейямъ приобретеніе земельной недвижности. А приобретать ее необходимо. Снова зовется Иванъ—шабашовый. Онъ гаситъ однѣ юридическія свѣчи и замѣняетъ ихъ другими. Такимъ „шабашовымъ“ былъ, повидимому, и Илья Ивановъ. Теперь его зовутъ къ отвѣту. Пусть такъ. Въ чемъ же повиненъ онъ, или тотъ, кто имъ пользовался?

Въ дешевой покупкѣ имѣнія?—Нѣтъ. За имѣніе въ 93 году была уплачена настоящая цѣна.

Защитникъ останавливается подробно на отдѣльных доказательствахъ: на цѣнѣ, назначенной для продажи отпомъ—Эдуардомъ Безобразовымъ; на оцѣнкѣ имѣнія виленскимъ отдѣленіемъ земельного банка; на томъ, что главная стоимость, по мнѣнію экспертовъ, имѣнія—лѣсъ былъ запроданъ Ивановымъ, немедленно послѣ покупки имѣнія, И. Н. Герарду всего за 6000 руб. и, наконецъ, на томъ обстоятельстве, что Равичъ предлагалъ Безобразовымъ получить обратно имѣніе за ту же цѣну; наконецъ, во столько же оцѣнить долю своей жены и подсе. Спасскій; если деньги ея онъ присвоилъ,—то зачѣмъ бы онъ сталъ самъ себя наказывать? Впрочемъ, даже обвинитель призналъ въ своей рѣчи, что имѣніе было продано, приблизительно, за настоящую цѣну.

Зналъ ли Ивановъ о психической болѣзни Аделаиды Спасской?

По дѣлу установлено, что никогда до продажи онъ ея не видѣлъ и въ имѣніи не былъ. Противъ этого не спорить и прокуроръ. Невозможно предположить, что Спасскій или Могучій, продавая имѣніе говорили Иванову: „деньги то мы съ васъ возьмемъ, но имѣйте въ виду, что Спасская—душевно больная, и имѣніе отъ васъ отберутъ“.

Итакъ, во время совершенія сдѣлки 31 мая 93 г. Ивановъ не зналъ и не могъ знать о болѣзни Спасской, особенно, если помнить, что продавцами имѣнія были мужъ и родная сестра. Но не узналъ ли Ивановъ о болѣзни Спасской 8 іюня 93 г., когда онъ вмѣстѣ съ судебнымъ приставомъ Маревгольцемъ прїѣхалъ въ Маріамполь? Свидѣтелей этого посѣщенія нѣтъ. О немъ знаютъ лишь подсудимые, да братъ Спасскаго—Михаилъ. Однако, Ивановъ заявилъ вамъ, что онъ былъ въ домѣ Спасскихъ и видѣлъ Аделаиду Эдуард., но ничего не примѣтилъ: не разговаривалъ съ нею. Почтенный обвинитель удивляется: какъ не примѣтилъ? Въдѣ врачи при-

знали ее страдающей галлюцинаторным помѣшательствомъ. Но онъ забылъ одно обстоятельство, Ивановъ ея не свидѣтельствовалъ. Если бы ему сказали, что онъ ѣдетъ въ сумасшедшій домъ, — онъ, конечно, сталъ бы присматриваться и, можетъ быть, замѣтилъ царящія тамъ странности. Но его везли въ помѣшничью усадьбу, къ господамъ. Для него, крестьянина, всѣ господа—немножко странны. Онъ поклонился барынѣ, посидѣлъ въ комнатахъ, пока баринъ ходилъ съ нею по саду, отпилъ чаю, подписалъ заявленія, написанныя Михаиломъ Спасскимъ,—и уѣхалъ.

Надо ли говорить объ участіи Иванова на торгахъ при полицкомъ съѣздѣ послѣ того, какъ обвиненіе само установило, что тамъ имъ руководилъ прис. повѣр. Могучій?

Сейчасъ судьба сравнила Иванова и Могучаго; ихъ обоихъ томить одно и то же тяжелое чувство. Но въ 93 г. Ивановъ переступалъ порогъ кабинета Могучаго съ трепетнымъ благоговѣніемъ.

Ивановъ, какъ и вся крестьянская Россія, не знаетъ законовъ. Они для него—кабалистические знаки, которые становятся понятными лишь черезъ посредство нарочито къ нимъ приставленныхъ людей.

А онъ законы, поскольку они представляются надлежащими людьми, достаточно почиталъ.

Въ отчетахъ его мы читаемъ: дано „полицайе“ 20 руб., „синкхлиту Сезда“—15 руб., „судебному приставу“ (върочно, не Меренгольцу)—10 руб., „адвокату по суду“—20 руб., и т. д.

Онъ сдѣлалъ все, что можно требовать отъ крестьянина. Не его вина, что приставъ напуталъ, а адвокатъ ошибся. Не его вина—и все-же онъ три года подъ судомъ. Конечно, эти долгие годы томленія имѣютъ достаточно оправданія: долго вели слѣдствіе, долго его дополняли, долго направляли. Но Иванову оттого не легче. Ничего не понимая въ томъ, что вокругъ него творилось, онъ бился эти годы съ большою семьею, какъ рыба—объ ледъ. Дѣйствительно,—какъ рыба. Онъ попалъ въ судебный неводъ, который былъ заброшенъ для болѣе крупной рыбы, ненарокомъ. Видѣли, что тамъ бьется никому ненужная мелкота; ну, не разворачивать же изъ-за нея невода. Но теперь, когда неводъ вытаскили, когда при свѣтѣ, на берегу, разобрались въ ловитвѣ,—пора отпустить!

Рѣчь прис. повѣреннаго Г. А. Теодоровича.

Правильный выводъ можно сдѣлать только тогда, когда мы отправляемся отъ фактовъ, вполне установленныхъ и правильно освѣщенныхъ. Задача защиты должна заключаться прежде всего въ томъ, чтобы представить въ надлежащемъ свѣтѣ фактическую сторону дѣла. Исполнивъ эту задачу, защита вправъ будетъ утверждать, что г. обвинитель, рисуя предъ нами нравственный обликъ подсудимаго Могучаго, взялъ не надлежащія краски, что Могучій не можетъ быть упрекаемъ въ забвеніи университетскихъ идеаловъ. Но гдѣ искать правдивыхъ данныхъ для восстановленія событій, имѣвшихъ мѣсто въ тѣ годы, когда Могучій велъ дѣло о судебномъ раздѣлѣ имѣнія „Маріамполь“, а затѣмъ былъ занятъ совершеніемъ купчей крѣпости на $\frac{11}{14}$ частей этого имѣнія для крестьянина Иванова? Въ свидѣтельскихъ показаніяхъ? Конечно, нѣтъ. Самъ обвинитель признаетъ, что свидѣтельскія показанія по настоящему дѣлу отличаются крупными дефектами. Одни свидѣтели запомнили событія; другіе, руководясь злобою, враждою, корыстными расчетами, намеренно скрываютъ правду, извращаютъ факты, въ чемъ намъ неоднократно пришлось убѣдиться. Положеніе защиты было-бы крайне печально, если-бы она не располагала документальными данными, дающими возможность правильно воссоздать ходъ событій, отношенія Могучаго къ Безобразовымъ и прошлую дѣятельность

послѣднихъ. Эти данныя безспорны; ихъ не могутъ измѣнить ни потерявшіе, ни подсудимые, ни свидѣтели; въ нихъ заключаются всѣ оправданія Могучаго противъ взводимыхъ на него обвиненій. Обратимся-же къ этимъ даннымъ. Сестры Эмилія, Марія и Изабелла Безобразовы пытались здѣсь увѣрить насъ, что онъ не хотѣли продавать имѣніе „Маріамполь“, что на продажѣ настаивалъ изъ своихъ корыстныхъ видовъ прис. повѣренный Могучій, который самъ отыскалъ покупателя въ лицѣ Ильи Иванова и заставилъ ихъ выдать ему, Могучему, довѣренности на совершеніе купчей крѣпости. Сестры Безобразовы утверждаютъ, что продажная цѣна въ 10000 рублей не соответствовала въ 1893 году дѣйствительной стоимости имѣнія; что такимъ образомъ дѣятельность Могучаго, какъ ихъ повѣреннаго, направлялась къ ихъ разоренію. Само собою разумѣется, что въ виду обвиненій, предъявляемыхъ ими къ Могучему и другимъ подсудимымъ, Безобразовы самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаютъ то обстоятельство, что имъ было известно своевременно о продажѣ части ихъ сестры Спасской, вообще о сдѣлкѣ 31 мая 1893 года. Всѣ эти утвержденія оказываются несоответствующими дѣйствительности.

Твердое желаніе Безобразовыхъ продать ихъ части въ имѣніи „Маріамполь“ сложились еще въ то время, когда они не были знакомы съ Могучимъ. 20 октября 1890 года Эдуардъ Безобразовъ, дѣйствовавшій въ качествѣ повѣреннаго дочерей своихъ Эмиліи, Маріи и Изабеллы, представилъ въ окружный судъ при прошеніи проектъ раздѣла имѣнія, которое онъ оцѣнивалъ въ 10000 рублей, и присиль судъ предложить этотъ проектъ Аделаидѣ Спасской. Соглашаясь выплатить послѣдней 2000 руб. или выдѣлить ей урочище Подгородье, Эдуардъ Безобразовъ заявилъ, что онъ, а равно его три дочери „неуклонно желаютъ продать принадлежащія имъ части имѣнія. 12 октября 1892 года тотъ же Безобразовъ пишетъ Могучему, принявшему въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1891 года веденіе дѣла о судебномъ раздѣлѣ, что его дочери „настаиваютъ на продажѣ имѣнія „Маріамполь“ и на раздѣлѣ денегъ“. Марія Безобразова (бывшая за-мужемъ за братомъ подсудимаго Спасскаго) въ письмѣ отъ 21 мая 1893 г. проситъ Могучаго „совершить запродажную и купчую, какою нужно, лишь было бы продано имѣніе“. Эмилія Безобразова 29 апрѣля 1893 года сообщила Могучему о томъ, что она согласна, подобно отцу своему и сестрамъ, продать свою часть, но что она желаетъ, чтобы 2000 рублей, которые выпадаютъ на ея долю, достались ей полностью.

Въ дѣлѣ имѣется выданная Изабеллою Безобразовою 18 апрѣля 1893 г. Беркѣ Зархину куртажная росписка, въ которой говорится, что если чрезъ его посредство будетъ продана Ильѣ Иванову принадлежащая ей часть въ имѣніи „Маріамполь“, то она, Безобразова, уплатитъ ему 100 руб. Изъ подписей на роспискѣ видно, что Зархинъ получилъ отъ Изабеллы Безобразовой 100 рублей. Въ записной книжкѣ, принадлежащей Павлу Спасскому, рукою той же Изабеллы записанъ слѣдующій расходъ: „раздѣлы маклеровъ—200 рублей, маклерамъ—400 рублей“. Эти обстоятельства ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что покупатель Ивановъ былъ отысканъ и указанъ Безобразовымъ, а не г. Могучимъ. Если бы было иначе, то какимъ образомъ мы могли бы объяснить уплаты Безобразовыми вознагражденія комиссіонерамъ, въ числѣ которыхъ, очевидно, находился Зархинъ, съ которымъ было заключено условіе еще до полученія Могучимъ довѣренности на продажу имѣнія. Такой выводъ прямо подтверждается письмами Эмиліи и Изабеллы Безобразовыхъ. Первая изъ нихъ 29 апрѣля 1893 года сообщаетъ Могучему слѣдующее: „сестра пишетъ, что за имѣніе дають 8000 рублей, но факторъ тоже желаетъ получить что либо за труды, кажется, 500 рублей“. Въ письмѣ

къ отцу Изабелла Безобразова выражается такимъ образомъ: „я старалась раньше найти покупателя, ибо всѣ меня просили о продажѣ“.

Указанія Безобразовыхъ на то, что въ 1893 году неправильно были оцѣнены Ивановымъ и Могучимъ ихъ части, опровергаются, кромѣ вышеизложенныхъ доводовъ, слѣдующими фактами. 8 июля 1892 года Эмилиа Безобразова предлагала сестрѣ своей Маріи за ея часть 1500 р., на что послѣдняя была согласна. Въ 1893 году, когда совершалась купчая крѣпость для Иванова, оцѣночная коммисія виленаго земельного банка оцѣнила имѣніе Маріамполь въ полномъ его составѣ въ 6097 руб. и предложила выдать Безобразовымъ ссуду въ размѣръ 3610 рублей. Такимъ образомъ, Безобразовы, найдя покупателя въ лицѣ Иванова, получили за свои части надлежащую сумму.

Весьма понятно, почему Безобразовы всѣми силами старались продать свои части въ имѣніи. Послѣднее было обременено долгосрочными арендными договорами, дававшими возможность Спасскому за ничтожную сумму годовой платы пользоваться всѣмъ имѣніемъ. Руководимая своимъ мужемъ, Аделаида Спасская является совладѣлицею, не идущею ни на какія обглашенія. Въ довершеніе же всего 17 июня 1892 года состоялось опредѣленіе окружнаго суда о приостановленіи дѣла о судебномъ раздѣлѣ, въ виду заявленій Спасскаго о психическомъ разстройствѣ его жены и рапорта въ судъ нотаріуса Черняковскаго. На сколько Эдуардъ Безобразовъ былъ заинтересованъ скорѣйшею продажей имѣнія, видно изъ его предупрежденія, сдѣланнаго Могучему въ одномъ изъ писемъ: „не теряйте времени на болтовню съ моими дочерьми и зятьями: у нихъ тысячи проектов!“

Въ исполненіе желанія Безобразовыхъ, Могучій 3 іюня 1893 г. выдалъ Ильѣ Иванову залаточную росписку, получивъ отъ него полностью условленные 8000 руб., а 29 сентября того же года совершилъ проектъ купчей крѣпости на продажу ему $\frac{11}{14}$ части имѣнія „Маріамполь“, каковой проектъ былъ представленъ для утвержденія старшему нотаріусу окружнаго суда. Изъ денегъ, внесенныхъ ему Ивановымъ, Могучій уплатилъ долги Безобразовыхъ и выдалъ имъ на руки значительную сумму. 31 октября 1893 г. Изабелла Безобразова получила отъ Могучаго на свои надобности 500 рублей. Воспользовавшись этими деньгами, она на другой день подала вдругъ заявленіе старшему нотаріусу о томъ, что она отказывается отъ продажи своего права въ имѣніи Маріамполь. Старшій нотаріусъ постановилъ не утверждать купчей крѣпости. Когда постановленіе это, какъ неправильное, было отменно рѣшеніемъ окружнаго суда 12 ноября 1893 г., утвержденнымъ въ послѣдствіи судебною палатою, Изабелла Безобразова обратилась къ г. губернатору съ просьбою лишить Иванова свидѣтельства на право покупки имѣнія, на томъ основаніи, что онъ является подставнымъ лицомъ отъ купца Равича. Въ то же время она выдала Павлу Спасскому вексель на 3000 руб. съ тою дѣлью, чтобы послѣдній предъявилъ искъ къ ней въ окружномъ судѣ и просилъ о валоженіи на имѣніе запрещенія, могущаго помѣшать утвержденію купчей. 10 ноября 1893 года Изабелла Безобразова заявила Могучему чрезъ нотаріуса Самоковскаго объ уничтоженіи довѣренности; такое заявленіе она сдѣлала и въ качествѣ повѣренной сестры своей Маріи. 7 декабря 1893 года, г. губернаторъ увѣдомилъ предсѣдателя окружнаго суда, что имъ предписано вице-губернатору и окружному исправнику истребовать обратно выданное Иванову свидѣтельство на право покупки им. Маріамполь. Сдѣлка съ Ивановымъ разстроилась. Что было истинною причиною описанныхъ дѣйствій Изабеллы Безобразовой? Очевидно, корысть. Это доказывается письмомъ ея къ Могучему, въ которомъ она заявляетъ: „пусть Равичъ на каждую изъ насъ при-

бавить по 1000 руб., тогда только соглашусь на эту продажу. О себѣ одной не позволяеть мнѣ говорить совѣсть, ибо не хочу вести подлую борьбу съ сестрами и отцомъ“. Такимъ образомъ, мы вправѣ утверждать, что отказъ отъ совершения купчей крѣпости былъ вызванъ не тѣмъ обстоятельствомъ, что Изабелла Безобразова будто узнала, что истиннымъ покупателемъ Маріамполя былъ еврей Равичъ. Этого не могло быть уже потому, что она сама прискакала покупателя, и что ей было доподлинно извѣстно, что Ивановъ покупаетъ „Маріамполь“ для себя, и что Равичъ только ссужаетъ ему на покупку 6000 рублей, обезпечивая обратное полученіе этой суммы лѣсорубочнымъ договоромъ. Можно представить себѣ тѣ нравственныя страданія, которыя пережилъ Могучій, когда разстроилась сдѣлка съ Ивановымъ, когда послѣдній сталъ настойчиво требовать возвращенія денегъ, истраченныхъ Безобразовыми, когда Изабелла и Марія уничтожили выданныя ему довѣренности. Его не могло утѣшить письмо Изабеллы, въ которомъ она призываетъ, что „поступила очень дурно, что ея поступокъ скверный“, онъ не могъ забыть объ обидѣ, нанесенной ему и Иванову, и по полученіи писемъ отъ Эмилии, Маріи и Эдуарда Безобразовыхъ, единодушно осуждавшихъ поступокъ Изабеллы и просившихъ его простить ея вину. Эдуардъ Безобразовъ писалъ: „дѣти мои не практичны, не понимаютъ, что дѣлають, и я убѣжденъ, что они никогда не думали васъ оскорблять; простите ихъ. Объ этомъ умоляетъ васъ старикъ, стоящій надъ могилою“. До настоящаго времени, несмотря на рѣшенія подлежащихъ судебныхъ мѣстъ, Безобразовы не возвратили Иванову денегъ, которыя онъ въ 1893 году получилъ чрезъ посредство Могучаго.

Безспорно также, что Безобразовымъ было извѣстно содержаніе сдѣлки 31 мая 1893 г., заключенной Ивановымъ и Спасскимъ, согласно каковой сдѣлкѣ Ивановъ, пріобрѣтая отъ Спасскаго исполнительный листъ на его жену отъ 9 іюня 1884 года на 530 руб. и два договора объ арендѣ Спасскимъ имѣнія „Маріамполь“ за 5600 руб., получаетъ право на удовлетвореніе указаннаго долга описать и затѣмъ довести до публичной продажи принадлежавшія Спасской $\frac{3}{14}$ части Маріамполя. По показанію Бѣлкина, 31 мая 1893 г. къ Могучему явился въ первый разъ Спасскій въ сопровожденіи Иванова и Изабеллы Безобразовой. Что послѣдняя, дѣйствительно, была въ этотъ день у Могучаго и присутствовала при переговорахъ Спасскаго съ Ивановымъ, видно изъ письма ея отъ того же 31 мая. По удостовѣренію свидѣтелей, помѣщика Клепечкаго и Ивана Помеленка, Марія Безобразова присутствовала при производствѣ публичнаго торга на $\frac{3}{14}$ части имѣнія въ Полоцкомъ сѣздѣ мировыхъ судей. Въ одномъ изъ писемъ къ Могучему Изабелла признается, что ее „мучитъ совѣсть, что она допустила до продажи часть сестры, молчала и не протестовала раньше“. Въ письмѣ отъ 8 октября 1893 г. Эдуардъ Безобразовъ просилъ Могучаго увѣдомить его, „купилъ-ли уже Ивановъ часть, принадлежащую Аделѣ“.

По подстрекательству Спасскаго, Безобразовы отказались отъ сдѣлки съ Ивановымъ и уничтожили довѣренности, выданныя ими Могучему. Ими руководилъ корыстный мотивъ. Они при такомъ образѣ дѣйствій получали въ свое распоряженіе имѣніе „Маріамполь“, съ котораго, по ходатайству Могучаго, были уже сняты запрещенія, имѣніемъ этимъ уже не могъ распоряжаться Спасскій, ибо передалъ арендные договоры Иванову, котораго Безобразовы не допустили къ владѣнію, оспоривъ въ судѣ правильность передачи ему арендныхъ договоровъ. По подстрекательству того-же Спасскаго, Безобразовы затѣяли и настоящій процессъ. Очевидно, ими руководитъ не желаніе обезпечить ихъ сестру Аделаиду, а стремленіе путемъ уголовной ре-

прессии освободиться от Иванова, как совладельца ихъ въ $\frac{3}{4}$ частяхъ имѣнія.

Г. товарищъ прокурора призналъ, что сама по себѣ сдѣлка 21 мая 1893 г. не преступна. Поэтому, согласіе, выраженное Могучимъ на принятіе за руки денегъ и документовъ, и передача таковыхъ по назначенію Спасскому и Иванову при наступленіи извѣстныхъ событій не могутъ быть признаны также преступными. Могучій не преслѣдовалъ никакихъ личныхъ или корыстныхъ цѣлей, а самая возможность осуществленія сторонами или же неуспѣхъ этого соглашенія являлись для него совершенно безразлично. Развъ можно серьезно утверждать, что Могучій, не знавшій Спасскаго, ни чѣмъ съ нимъ не связанный, стремился къ тому, чтобы дать Спасскому возможность присвоить стоимость права его жены въ имѣніи „Маріамполь?“ Договоръ 31 мая ни въ малѣйшей степени не свидѣтельствуетъ о наличности подобнаго намѣренія Спасскаго. Не надо забывать, что Могучій, редактируя договоръ 31 мая, видѣлъ предъ собою мужа Аделаиды Спасской и отца ея ребенка; санкція этой сдѣлки исходила отъ близкихъ родственниковъ Аделаиды. Развъ могъ предполагать Могучій, что Спасскій въ послѣдствіи обидитъ свою жену и что до этой обиды допустить его сестры Аделаиды? Спасскій и здѣсь на судѣ заявляетъ, что онъ, если состоится рѣшеніе подлежащаго судебнаго учрежденія, тотчасъ-же вернетъ причитающіяся по расчету его женѣ деньги.

Обвинитель утверждаетъ, что Спасскій, заключивъ непроступную сдѣлку 31 мая, началъ дѣйствовать преступно въ моментъ описи части имѣнія его жены, каковая опись произведена 8 июля 1893 г. судебнымъ приставомъ Маренгольцемъ. Онъ, Спасскій, скрылъ психическое разстройство своей жены, онъ выманилъ отъ нея письменное согласіе на низкую оцѣнку ея части и заявленіе пристава о невозможности съ ея стороны уплатить по исполнительному листу 530 руб. Но по дѣлу съ очевидностью доказано и никакъ не опровергается, что Могучій никогда въ „Маріамполь?“ не былъ, Аделаиды Спасской не видѣлъ, при описи не присутствовалъ. Следовательно, къ нему не могутъ быть отнесены ни въ малѣйшей степени обвиненія, предъявляемыя Спасскому и Маренгольцу. Могучій не могъ не знать, что опись будетъ произведена должностнымъ лицомъ, и что участіе послѣдняго въ описи должно служить гарантіей ея правильности и законности.

Могучій кромѣ того знаетъ, что Спасская задолго до 1893 г. желала продать свою часть въ имѣніи. Спасская еще въ 1884 г. выдала мужу своему вексель на 500 руб., признала искъ мужа правильнымъ. Спасскій еще въ 1884 году обращалъ взысканіе присужденныхъ ему 530 руб. на часть жены. Послѣдняя, кромѣ того, выдала ему довѣренность на продажу ея права на условіяхъ по его усмотрѣнію. Вотъ причины, по которымъ Могучій, видя, что продажи права Спасской желаютъ самые близкіе ея родственники и мужъ, на обязанности которыхъ лежитъ забота о ея личности, не могъ видѣть чего-либо преступнаго въ договорѣ 31 мая.

Говорятъ, что Могучему была извѣстна психическая болѣзнь Спасской. Хотя этотъ вопросъ безразличенъ для Могучаго въ виду участія въ описи должникаго лица, тѣмъ не менѣе защита считаетъ нужнымъ обратить вниманіе суда на то, что Могучій лишь слышалъ о болѣзни Спасской, но въ наличности этой болѣзни, не видя Спасской, убѣжденнымъ быть не могъ. Не надо забывать, что Безобразовы постоянно увѣряли Могучаго, что заявленія Спасскаго о болѣзни жены суть только его происки, направленные къ тому, чтобы затормозить дѣло о раздѣлѣ и создать себѣ возможность безпрепятственнаго распоряженія имѣніемъ. Въ дѣлѣ имѣется безчисленное количество писемъ Безобразовыхъ къ Могучему въ періодъ времени съ 1891 по 1894 годъ. Ни въ одномъ изъ нихъ Безобразовы ни

словомъ не заикаются о сумасшествіи ихъ сестры и дочери. Безобразовы знали, что съ 10 сентября по 10 ноября 1891 г. Аделаида была въ психіатрической лѣчебницѣ въ Ригѣ. Тѣмъ не менѣе 26 ноября 1891 г. они подали лично прошеніе въ судъ объ ускореніи раздѣла, обвиняя Спасскую въ нежеланіи дѣлиться. Спасской судъ вручилъ повѣстку о вызовѣ ея въ судъ. Когда судъ приостановилъ производство раздѣла, Могучій просилъ врачебное отдѣленіе объ освидѣтельствованіи Спасской, но сдѣлать это для того, чтобы въ концѣ-концовъ убѣдиться, правду ли заявляетъ Спасскій. Если бы Могучій былъ увѣренъ въ сумасшествіи Спасской, то какимъ образомъ онъ съ 1891 по 1893 годъ могъ бы вести дѣло о раздѣлѣ. Онъ успѣлъ-бы въ теченіе 2-хъ лѣтъ добиться назначенія надъ Спасской опеки. Если бы Безобразовы сами были увѣрены въ психической болѣзни своей дочери и сестры, они сами озаботились бы ея освидѣтельствованіемъ, что дало бы возможность освободить Аделаиду отъ истязаній невѣжественнаго мужа. Но они, ближайшіе родственники, этого не сдѣлали.

Могучій изъ состраданія къ Безобразовымъ принялъ на себя прежде веденіе дѣла о раздѣлѣ, а затѣмъ трудъ совершенія для Иванова купчей. Ни единой копѣйки не получилъ онъ, какъ это нынѣ доказано, ни отъ Безобразовыхъ, ни отъ Иванова, ни отъ Спасскаго. Онъ получилъ только, какъ видно изъ дѣла, на расходы 390 руб., изъ каковой суммы израсходовалъ 350 руб. 8 коп. За его безкорыстную дѣятельность Безобразовы оплатили ему извѣтами, доведшими его до скамьи подсудимыхъ. Защита проситъ судъ оправдать Могучаго и снять съ него незаслуженный позоръ.

Виленская судебная палата.

Сопrotивленіе властямъ.

2 ноября съ участіемъ сосл. представителей въ своей выѣздной сессіи, въ г. Минскѣ разсматривалось дѣло по обвиненію евреевъ, Меера Екельчика, 19 лѣтъ, Исаака Аксельрода, 17 лѣтъ, Мордуха Грапа 21 года, и Юдея Вольпера, 18 лѣтъ, по 271 ст. улож. о нак., т. е. въ сопротивленіи властямъ.

Въ среднихъ числахъ апрѣля 1900 года на улицахъ г. Минска полиція обнаружила массу разбросанныхъ и расклеенныхъ воззваній на еврейскомъ языкѣ, приглашавшихъ минскихъ рабочихъ праздновать 18 апрѣля (по новому стилю 1 мая) пограничному, гдѣ означенный день считается праздникомъ рабочихъ. Въслѣдствіе этого полиціей были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить на улицахъ скопищъ рабочихъ и предупредить со стороны ихъ нарушеніе общественной тишины и порядка. Весь день прошелъ спокойно, но въ 11 часовъ вечера въ театральномъ скверѣ появилась съ пѣніемъ и криками „ура“ толпа молодыхъ евреевъ въ 40—50 человекъ, которые всѣ, судя по костюмамъ, принадлежали къ рабочему классу. При ихъ приближеніи, публики, гулявшая въ скверѣ, быстро удалилась съ мѣста происшествія, причемъ бывшіе случайно въ числѣ ея предсѣдатель мѣстнаго мир. съѣзда Станкевичъ и секретарь минскаго окр. суда Ероховъ хорошо слышали, что пѣсня рабочихъ по своему мотиву очень походила на марсельезу. На поднятый шумъ и крики явились съ ближайшихъ постовъ город. Лотаинскій и Позднякъ и предложили толпѣ разойтись, но когда это не было исполнено и рабоче продолжали распѣвать марсельезу и кричать „ура“, то городовые арестовали двухъ главныхъ запѣвалъ, которые оказались Мееромъ Екельчикомъ и Исаакомъ Аксельродомъ, служащими въ качествѣ рабочихъ первый—въ переплетной мастерской, а второй—на кожевенномъ заводѣ. Видя арестованіе зачинщиковъ, осталная

толпа разбѣжалась въ разныя стороны, но затѣмъ на углу Петропавловской и Юрьевской улицъ догнала городовыхъ, и для сзати ихъ, старалась освободить арестованныхъ. Съ этой цѣлью многіе евреи выбѣгали изъ толпы, наносили бывшими у нихъ въ рукахъ палками городовымъ удары и немедленно скрывались опять въ толпѣ, чтобы не быть замѣченными, крича при этомъ по еврейски „я хорошо далъ“. Когда одинъ изъ посторонней рабочимъ публики Александръ Мушинскій хотѣлъ вступиться за городовыхъ и задержалъ какого то еврея, то на него набросились остальные евреи, сбили съ ногъ и стали бить палками, при чемъ онъ отъ этихъ побоевъ не пострадалъ лишь потому, что падая увлекъ за собой задержаннаго было имъ еврея, который лежалъ сверху и котораго сгоряча, не замѣтивъ ошибки, евреи били вмѣсто него, пока городовые Позднякъ и Лоташинскій и проходившій мимо Александръ Разумовъ не подоспѣли на крики Мушинскаго и не освободили его. Послѣ этого избитые до крови городовые доставили арестованныхъ Екельчика и Аксельрода въ полицейскую часть; они все время старались освободиться, вырывались, толкали городовыхъ и пр.

Приставъ 1-й части Книга, узнавъ о случившемся, приказалъ городовымъ Лоташинскому и Поздняку арестовать тѣхъ лицъ, которые пытались освободить задержанныхъ, каковое приказаніе городовые и исполнили, задержавъ изъ неразошедшей еще толпы рабочихъ заготовщика обуви Мордуха Грапа и столяра Юдея Вольпера; въ нихъ очевидно происшествія Мушинскій, Разумовъ и Скавронекъ узнали лицъ, наносившихъ удары полицейскимъ палками. Все изложенное установлено на предв. слѣдствіи показаніями свидѣтелей, изъ которыхъ Мушинскій послѣ происшествія доставилъ въ полицію 2 цѣлыя и одну сломанную палку и удостоверилъ на слѣдствіи, что этими палками евреи били городовыхъ, при чемъ одна изъ нихъ была сломана отъ нанесеннаго ею удара по головѣ городовому. Предъявленные палки оказались обыкновенно употребляемыми для гулянья.

Судебно-медицинское освидѣтельствовае городовыхъ никакихъ знаковъ насилія не обнаружилось, и только у Лоташинскаго на переносѣ оказалась ссадина въ горшину, каковое поврежденіе относится къ разряду легкихъ.

На основаніи изложеннаго, мѣщане Екельчикъ, Аксельродъ, Грапъ и Вольперъ обвиняются въ томъ, что вечеромъ 18 апрѣля въ г. Минскѣ при задержаніи ихъ въ свѣрѣ полицейскими городовыми, для выясненія личности дозволившихъ себѣ нарушить общественный порядокъ и спокойствіе, они, вмѣстѣ съ толпой другихъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ лицъ, оказали городовымъ сопротивленіе, выразившееся въ томъ, что Екельчикъ и Аксельродъ на пути слѣдованія въ 1 полицейскую часть съ цѣлью освободиться, вырываясь, толкали городовыхъ Лоташинскаго и Поздняка, а Грапъ и Вольперъ, желая освободить арестованныхъ, нанесли городовымъ удары палками, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 271 ст. уложенія о наказаніяхъ.

Къ разбирательству дѣла собралась толпа любопытныхъ. Скамью подсудимыхъ занимають содержавшіеся подъ стражей 4 юноши, небольшого роста, хилыхъ, малосильныхъ. Защитниками выступили помощ. присяжныхъ повѣренныхъ Крейнесь, Піотровскій, Жичневскій и Порембскій.

Подсудимые не признали себя виновными и судъ приступилъ къ допросу свидѣтелей. Почти у каждаго изъ свидѣтелей происшествія, предсѣдатель спрашиваетъ, видѣлъ-ли онъ кого изъ подсудимыхъ и всѣ свидѣтели заявляютъ, что, кажется, были, указываютъ то на Вольпера, то на Грапа, а опредѣленный отвѣтъ далъ только одинъ свидѣтель Разумовъ, показавшій, что ясно и хорошо помнить, несмотря на темноту и громадное стеченіе народа,

подсудимаго Грапа, наносившаго удары палкою городовому Лоташинскому. По показанію свидѣтеля Скавронка, данному на предв. слѣдствіи, когда ему были предъявлены подсудимые и у него спросили, какого изъ нихъ арестовали по его указанію, онъ указалъ сначала на Грапа, а потомъ отвѣтилъ, что это можетъ быть Вольперъ. Относительно Вольпера свидѣтель Рабиновичъ показалъ, что, когда подошла толпа къ участку, къ нему, Рабиновичу, приблизился Вольперъ и спросилъ причину этого шума. Черезъ 2—3 минуты его арестовали по указанію Скавронка.

Прокуроръ настаивалъ на обвиненіи по 271 ст. уложенія Грапа и Аксельрода, а Екельчика и Вольпера по 31 ст. устава о наказ.

Защитники доказывали, насколько шатко построено обвиненіе и находили, что участіе подсудимыхъ въ этомъ движеніи не подтверждено сколько-нибудь опредѣленно свидѣтельскими показаніями.

Резолюціей виленской судебной палаты: мѣщанинъ Мордухъ Грапъ присужденъ къ шестинедѣльному аресту при полиціи, а Екельчикъ, Вольперъ и Аксельродъ признаны оправданными. (Сѣв. Кур.).

Таганрогскій окружный судъ.

Стачка.

(Отъ нашего корреспондента).

28-го октября въ выѣздной сессіи въ гор. Мариуполь безъ участія пр. засѣдателей слушалось дѣло о девяти рабочихъ завода Никополь-мариупольскаго металлургическаго Общества, обвинявшихся въ томъ, что они съ цѣлью возвышенія заработной платы, не предупредивъ въ установленный договоромъ срокъ администрацію завода, по стачкѣ между собою и съ другими рабочими въ количествѣ болѣе 100 человекъ, прекратили работы, причемъ посредствомъ просьбы и угрозъ побудили и другихъ рабочихъ примкнуть къ этой стачкѣ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1358 ст. Улож. о наказ. Предсѣдательствоваль членъ суда А. Э. Штранге, обвиняль тов. прок. Сукачевъ, защицаль пом. прис. нов. Муравьевъ.

Обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ.

Около 7-ми час. утра, 10 іюля, прошлаго года на заводѣ Никополь-мариупольскаго Общества, близъ гор. Мариуполя, въ механическомъ отдѣленіи послѣ ночной смѣны рабочіе въ количествѣ болѣе 100 человекъ къ работамъ не приступили, сговорившись требовать увеличенія заработной платы. Токари-муфторѣзы, работавшіе въ томъ же отдѣленіи, заявили просьбу, чтобы имъ платили за каждую муфту не по 1 р., а по-прежнему, по 1 р. 30 к., и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловались главному инженеру Митчелю, что изготовляемые ими муфты часто бракуются, и за этотъ бракъ имъ денегъ не платятъ, а между тѣмъ заводъ этими бракованными муфтами пользуется. Администрація завода не удовлетворила этихъ требованій рабочихъ, и они къ работамъ не приступили, о чемъ директоръ завода Лауде далъ знать и. д. мариупольскаго исправника Аксенову, который прибылъ на заводъ въ тотъ же день. На его предложеніе приступить къ работамъ рабочіе заявили, что они желаютъ увеличенія заработной платы на 50%, иначе работать не будутъ. Послѣ этого по распоряженію г. Аксенова на главныхъ воротахъ завода было вывѣшено объявленіе о томъ, что согласные работать на прежнихъ условіяхъ должны явиться на работу 12-го іюля утромъ, а не желающіе — должны заявить объ этомъ администраціи завода и получить расчетъ. 11-го іюля по случаю праздника работъ не было, утромъ же, 12-го іюля, рабочіе механическаго отдѣленія къ ра-

ботамъ не приступили, несмотря наубъжденія исправника, и тогда же была вызвана на заводъ рота Перекопскаго резервнаго батальона. Вечеромъ того же числа полицейскіе служители обошли квартиры рабочихъ и объявили имъ, чтобы они утромъ 13-го іюля собрались возлѣ главной конторы завода для расчета, что они и исполнили. Здѣсь имъ дѣйствительно предложены были расчеты, на что они соглашались, но при условіи, чтобы имъ заплатили за двѣ недѣли впередъ, такъ какъ при наймѣ на неопредѣленный срокъ отказывающаяся отъ договора сторона должна предупредить другую за двѣ недѣли. Дирекція завода, не считая себя нарушительницей договора, отклонила это требованіе рабочихъ, а и. д. исправника приказалъ вызванной на заводъ ротѣ оцѣпить собранныхъ по распоряженію полиціи же рабочихъ и арестовать ихъ. Арестовано было 80 чел.

Изъ протокола осмотра расчетныхъ рабочихъ книжекъ видно, что, согласно 4 п. § 2 правилъ объ условіяхъ наймарбочихъ на неопредѣленный срокъ, договорныя отношенія рабочихъ съ заводомъ прекращаются только по истеченіи двухъ недѣль со дня заявленія одною изъ сторонъ о желаніи расторгнуть договоръ.

Нѣкоторые изъ допрошенныхъ по этому дѣлу свидѣтелей показали, что утромъ, 10-го іюля, рабочіе механическаго отдѣленія Поляковъ, Ревизоровъ, Кудрявцевъ, Бодриковъ, Новиковъ, Свдовъ и Литовченко (обвиняемые) прекратили работы и просьбами и убъжденіями склонили другихъ рабочихъ присоединиться къ нимъ и прекратить работы съ цѣлью увеличенія заработной платы, а свидѣтель Лукьянченко показалъ, будто, когда онъ, не желая присоединиться къ забастовщикамъ, спрятался въ бакъ, то Литовченко вытащилъ его оттуда и требовалъ, чтобы онъ присоединился къ забастовщикамъ, а свидѣтель Губерманъ увѣрялъ даже, что обвиняемые Бердникъ и Бабинъ угрожали ему насиліемъ, если онъ къ нимъ не присоединится.

Изъ свидѣтельскихъ показаній особенно важнымъ является показаніе и. д. исправника г. Аксенова, которое, за невякой его, было прочитано на судѣ. Еще 9-го іюля полицейскій надзиратель завода донесъ ему, что около 50-ти человекъ рабочихъ механическаго отдѣленія отказываются работать, требуя прибавки платы, что дирекція предложила имъ выбрать уполномоченныхъ для составленія новой расцѣпки, которая должна быть представлена на разсмотрѣніе дирекціи 12-го іюля, и что послѣ этого рабочіе въ полномъ порядкѣ снова пошли на работу, но что тѣмъ не менѣе требованія эти дали тему для толковъ въ другихъ цехахъ. На другой день около 10-ти час. утра, тотъ же надзиратель донесъ свидѣтелю, что около 110-ти рабочихъ механическаго цеха хотя и встали сначала на работу, но около 7-ми час. утра прекратили ее и заявили, что не будутъ работать, пока имъ не дадутъ прибавки. Свидѣтель вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ Лишкевичемъ сейчасъ же отправился на заводъ и приказалъ собрать забастовщиковъ къ главной конторѣ. Еще до прибытія ихъ онъ узналъ отъ директора, что забастовщики требуютъ 50% прибавки, чего администрація завода исполнить не можетъ, такъ какъ забастовщики и теперь получаютъ много, нѣкоторые до 150-ти руб. и даже болѣе въ мѣсяцъ. Директора полагали, что такое требованіе заявлено рабочими лишь вслѣдствіе разбросанныхъ въ ночь на 6-е іюля на заводахъ воззваній, а также потому, что наканунѣ была обѣщана надбавка муфтонарѣзчикамъ. Полагали также, что этой забастовкой рабочіе желали позондировать, насколько подобныя требованія могутъ рассчитывать на успѣхъ въ будущемъ. Когда рабочіе собрались, онъ разъяснилъ имъ, что скопомъ заявлять требованія нельзя и предложилъ выбрать нѣсколько уполномоченныхъ для выясненія ему причинъ прекращенія работъ, но ра-

бочіе ему всѣ гуртомъ повторили требованіе, заявленное директору. Попытка привести рабочихъ къ миролюбивому соглашенію съ администраціей завода не имѣла успѣха,—ни та, ни другая сторона не соглашалась ни на какія уступки, и потому онъ назначилъ рабочимъ кратчайшій срокъ,—12-го іюля,—или стать на работы на прежнихъ условіяхъ, или получить расчетъ, объяснивъ при этомъ, что съ тѣми, кто не подчинится этимъ требованіямъ, будетъ поступлено, какъ съ забастовщиками. Послѣ этого вся толпа спокойно разошлась. Вышешнее объ этомъ распоряженіи у главныхъ воротъ объявленіе тоже принято было всѣми очень спокойно; собирались, читали и расходились, причемъ нѣкоторые только кричали: „Получить расчетъ!“ Около 2-хъ ч., когда рабочіе становятся на работу послѣ обѣда, часть забастовщиковъ собралась у главныхъ воротъ и хотѣла стать на работу, но такъ какъ между ними были пьяные, то администрація завода распорядилась никого изъ нихъ въ этотъ день не пускать. Требованіе надбавки рабочіе мотивировали дороговизной жизни и несправедливостью оцѣнки ихъ работъ. Рабочіе говорили, что ихъ жалобы не всегда удовлетворяются, потому что директоръ не знаетъ русскаго языка и съ нимъ приходится говорить чрезъ переводчика, услугами котораго не всегда можно пользоваться. Директоръ же заявилъ, что онъ часто соглашался на прибавки, но теперь онъ скорѣе закроетъ заводъ, чѣмъ согласится на такое чрезмѣрное требованіе. 12 іюля забастовщики собрались равнымъ утромъ у главныхъ воротъ и пренятствовали другимъ рабочимъ приходить на работу, учениковъ ихъ цеха прямо хватили за руки и поды угрозой „побить имъ морды“ заставляли или уходить отъ воротъ, или присоединяться къ нимъ. Рабочіе другихъ цеховъ однако прошли на работу. Свидѣтель пріѣхалъ въ этотъ день на заводъ въ 7 час. утра и, позвавъ забастовщиковъ къ главной конторѣ, повторилъ имъ заявленное ранѣе требованіе. Они опять разошлись совершенно спокойно. Директоръ завода опять заявилъ, при г. Лишкевичѣ, что требованіямъ рабочихъ онъ не уступить и просилъ свидѣтеля принять мѣры къ тому, чтобы стачечники не повліяли на другихъ рабочихъ. Въ это время свидѣтель началъ получать свѣдѣнія о томъ, что настроеніе рабочихъ другихъ цеховъ становится „тревожнымъ и выжидательнымъ“. Въ виду малочисленности заводской полиціи свидѣтель потребовалъ прислать одной роты пѣхоты изъ города, которая и прибыла около 3¼ ч. утра и расположилась недалеко отъ главныхъ воротъ, въ экипажномъ сараѣ. Свидѣтель снова потребовалъ стачечниковъ къ главной конторѣ для окончательныхъ переговоровъ и въ то же время приказалъ ротѣ быть готовой къ оцѣпленію забастовщиковъ. Когда явившіеся къ конторѣ стачечники на его требованіе,—или сейчасъ же стать на работу, или получить расчетъ—заявили, что они примутъ расчетъ, если имъ уплатятъ за 2 недѣли впередъ, и когда директоръ рѣшительно отказался это исполнить, свидѣтель отдалъ приказаніе оцѣпить стачечниковъ и объявилъ имъ, что они арестованы и будутъ отправлены въ тюрьму. При черенискѣ ихъ трое рабочихъ и 4 ученика заявили, что согласны работать на прежнихъ условіяхъ и попали въ толпу только вслѣдствіе насилія. Они были тутъ же освобождены и черезъ контору пропущены въ заводъ на работу. Всѣхъ арестованныхъ оказалось 80 человекъ.

Обвиняемые не признали себя виновными и объявили, что хотя они и прекратили работы, но только потому, что другіе рабочіе механическаго отдѣленія не приступали въ это время къ работамъ съ цѣлью добиться возвышенія заработной платы, причемъ не отрицали, что они присоединились къ требованію объ увеличеніи платы.

Всѣ обвиняемые оправданы. (Русск. Вѣд.).

Хроника

По жалобѣ тифлисской гор. думы Пр. Сенатъ разъяснилъ, что въ законѣ не имѣется указаній на право городскихъ общ. управленій взыскивать **штрафы въ доходъ городовъ за нарушение обязательныхъ постановленій**, что напротивъ того, по смыслу ст. 113 гор. пол. (т. II изд. 1892 г.), нарушение означенныхъ постановленій влечетъ за собою отвѣтственность виновныхъ въ судебномъ порядкѣ, что, согласно ст. 109 того же гор. пол., обяз. постановленія, ни въ чемъ не должны противорѣчить существующимъ законамъ и что посему об. постановленіе тифл. гор. думы объ извозномъ промыслѣ въ частн, устанавливающей штрафъ съ извозчиковъ въ доходъ города за нарушение означенныхъ постановленій, являются лишенными законнаго основанія (№ 10516).

По жалобѣ боровичской уѣздной зем. управы Пр. Сенатъ разъяснилъ, что на основаніи рѣш. 1-го общ. собр. отъ 30 мая 1897 г. — 23 окт. 1898 г. земскія учрежденія не лишены права **отсрочивать и разсрочивать уплату недоимокъ** земскихъ сборовъ и принынѣ дѣйствующемъ пол. о зем. учрежд. 12 іюня 1890 г. (Ук. 25 сент. 1900 г. № 10529).

По жалобѣ на постановленіе бобруйской гор. управы Прав. Сенатъ разъяснилъ, что постановленія гор. думъ по предмету **обложения недвижимыхъ имуществъ городскимъ оцѣночнымъ сборомъ**, какъ то неоднократно разъясняемо было Прав. Сенатомъ, подлежатъ обжалованію въ порядкѣ ст. 142 гор. пол. (т. II изд. 1892 г.) въ томъ только случаѣ, когда постановленіями этими нарушаются установленныя для производства оцѣнокъ и исчисления по онымъ оклада обложения недвижимыхъ имуществъ оцѣночнымъ въ доходъ городовъ сборомъ правила, но не въ томъ, когда жалобы эти имѣютъ предметомъ своимъ размѣръ оцѣнки и суммы подлежащаго уплатѣ сбора. (25 сент. 1900 г. № 10533).

Пр. Сенатъ, согласно опредѣленію общ. собранія 24 января 1899 г. — 10 іюня 1899 г. № 105, вновь указалъ, что вопросъ **о земскомъ обложеніи движимыхъ имуществъ** за время до изданія нынѣшняго положенія о зем. учрежд. 12 іюня 1890 г., въ настоящее время при дѣйствіи послѣдняго положенія возбужденію и разрѣшенію въ порядкѣ, указанномъ въ семь положеній, не подлежитъ (№ 10523).

Пр. Сенатъ вновь разъяснилъ, что въ законѣ не содержится воспрещенія обществамъ мѣщанъ назначать **жалованье ихъ старостамъ и членамъ управы** изъ сборовъ или окладовъ, на общественныя надобности опредѣляемыхъ, причѣмъ однако самый размѣръ опредѣленнаго изъ общества жалованья лицамъ, служащимъ въ сословныхъ городскихъ учрежденіяхъ, примѣнительно къ прим. къ ст. 637 т. IX изд. 1876 г. подлежитъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, утвержденію м-ра вн. дѣлъ (25 сентября № 10527).

По разъясненію Прав. Сената, узаконенное ст. 569 уст. пит. (т. V изд. 1893 г.) разстояніе, на которое должно отстоять мѣсто предполагаемаго **открытія пит. заведенія** отъ полотна жел. дороги, можетъ исчисляться по кратчайшей прямой линіи, а не по проѣзжимъ путямъ отъ мѣста предполагаемаго открытія заведенія до полотна жел. дороги (Ук. 25 сент. 1900 г. № 10517).

Намъ сообщаютъ, что въ Харьковскомъ окр. судѣ 25 октября съ участіемъ пр. засѣдателей разсматривалось дѣло о Павлѣ Манчинѣ и Лидіи Кондратовой. Манчинъ обвинялся въ томъ, что съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ лишилъ жизни мужа Лидіи Кондратовой посредствомъ удавленія ремнемъ. Онъ сознался въ совершеніи этого преступленія и указалъ, что сдѣлалъ это по подговору Лидіи Кондратовой, которая хотѣла избавиться отъ своего мужа. Эта послѣдняя объяснила, что съ мужемъ она дѣйствительно хотѣла разводиться, но категорически отрицала какое бы то ни было свое участіе въ этомъ преступленіи.

Предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя Харьковского окружнаго суда А. Н. Кривцовъ; въ составъ суда входили члены И. И. Соцъ и М. Г. Ивановскій. Обвиненіе поддерживалъ тов. прок. В. В. Сергѣевъ. Защищали: Манчина присяжный повѣренный Н. И. Моревъ, Лидію Кондратову прис. пов. Б. П. Куликовъ. Старшиной присяжныхъ засѣдателей былъ профессоръ угол. права Харьк. университета Киселевъ.

Суд. слѣдствіе шло быстро и не выяснило никакихъ новыхъ обстоятельствъ. Послѣ прочтенія обв. акта и объясненія подсудимаго Манчина защитникъ Кондратовой, обращая вниманіе на отсутствіе оснований для убійства, на его особенную жестокость и спокойствіе совершенія надъ своимъ бывшимъ пріятелемъ и товарищемъ, а также на послѣдующую нелогичность поведенія Манчина, просилъ объ обращеніи дѣла къ дослѣдованію и объ освидѣтельствованіи умственныхъ способностей Манчина въ порядкѣ 353 и др. ст. Судъ отказалъ. Впослѣдствіи на вопросъ предсѣдателя, чѣмъ имѣютъ стороны дополнить слѣдствіе, защитникъ Кондратовой, руководствуясь касс. рѣш. по дѣлу Орлова, возобновилъ свое ходатайство.

Предсѣдательствующій: „Судъ отказалъ уже, а теперь тѣмъ паче, тѣмъ паче. Господинъ секретарь! такъ и занесите въ протоколъ, что судъ *тѣмъ паче* отказываетъ“.

Резюме предсѣдателя было горячей обвинительной рѣчью по отношенію къ Лидіи Кондратовой.

„Вамъ указывалъ защитникъ, что прокуроръ стоитъ на опасной дорогѣ, доказывая, что Лидія Кондратова *могла* желать совершить преступленія, *могла* желать смерти мужа...“

Нѣтъ! это большой козырь въ рукахъ прокурора. Вѣчно неизбѣжно правило римскаго права: *is fecit, cui prodest*, т. е. тотъ совершилъ, кому это полезно. Если вы видите, что Лидія Кондратовой это полезно, а съ другой стороны Манчинъ прямо говоритъ, что она его подговорила, то вотъ вы имѣете полное доказательство...“

Конечно, вы должны войти въ характеристику подсудимыхъ, чтобы рѣшить, могла-ли она заставить

его волю служить себѣ, и вы увидите, что она разбитная горничная большей гостиницы, большого трактира, а онъ—простой рабочий на кирпичномъ заводѣ... Богъ мнѣ судья, если можете проскользнуть мое личное мнѣніе... Если вы не придадите значенія этимъ *краснорѣчивымъ* доказательствамъ—ея письмамъ къ возлюбленному, то вы, конечно, можете оправдать подсудимую, но если вы взглянете на эти письма и особенно письмо отъ 25 іюля, если вы обратите вниманіе... (слѣдуетъ рядъ обстоятельствъ, которые должны уличать подсудимую), то вы, разумеется обвините ее... Вы увидите изъ самыхъ объясненій этой женщины, что она думаетъ, что можно изъ-за трехъ рублей убить человека... Все это я вамъ говорю, какъ судья и человекъ“...

Когда присяжные удалились на совѣщаніе, защитникъ Кондратовой Куликовъ поднялся и заявилъ, что онъ хочетъ предъявить ходатайство.

Преде. „послѣ“.

Защитникъ Кондратовой: „Я желаю сдѣлать заявленіе теперь, въ отсутствіи присяжныхъ“.

Преде. „Нѣтъ! вы его сдѣлаете, когда я вамъ укажу“.

Судъ удаляется.

Черезъ 10 минутъ коронный судъ выходитъ снова. Къ защитнику Кондратовой: „Что вамъ угодно“?

Защ. Кондр.: „Прошу занести въ протоколъ объясненіе г. предсѣдателя, такъ какъ я его все считаю нарушеніемъ 802 ст.“.

Преде.: „отказываю. Ваши выводы вы можете сдѣлать потомъ“.

Защ. Кондр.: Прошу занести, что мною сдѣлано такое заявленіе и что мнѣ отказано въ занесеніи его въ протоколъ“.

Преде.: „отказываю“.

Защ. Кондр. проситъ занести въ протоколъ изложенныя выше выраженія предсѣдателя въ резюмѣ.

Когда говорилось о краснорѣчивыхъ доказательствахъ, предсѣдательствующій: „я не говорилъ слова: краснорѣчивыя“.

Защ. Кондр.: „виноватъ. Я какъ разъ прошу занести именно это. Вы сказали: краснорѣчивыя доказательства, говоря про письма“. Одинъ изъ членовъ суда наклоняется къ предсѣдателю. Предсѣдательствующій: „ахъ, да! про письма“.

Присяжные совѣщаются полтора часа. Выносятъ вердиктъ, коимъ Манчинъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ, но дѣйствовавшимъ безъ предварительнаго соглашения, безъ предумышленія и заслуживающимъ снисхожденія. Лидія Кондратова оправдана. По провозглашеніи на вопросъ о Лидіи Кондратовой отвѣта: „нѣтъ, невиновна“ братъ подсудимой со вздохомъ облегченія произнесъ „слава Богу“! Преде. (громко): „Кто это смѣетъ выражать одобреніе или неодобреніе приговору суда? (громче и громче) Вонъ!! всю публику вонъ! Я всѣхъ выгоню вонъ“! Тогда при установившейся вдругъ тишинѣ довольно явственно раздавалось: „уйдемъ“. Оказалось, что пр. пов. Гонтаревъ, считая неумѣстнымъ и неприличнымъ послѣ такихъ криковъ: „вонъ“ оставаться въ залѣ, обратился съ этихъ словомъ къ своимъ товарищамъ и вышелъ.

Преде.: „Кто тамъ сказалъ слово: уйдемъ? Г. при-

ставъ! верните его въ залъ. Властью предсѣдателя и его арестую на четыре часа“.

Пр. пов. Гонтаревъ вошелъ въ залъ и сказалъ: „Суду угодно меня видѣть“?

Преде.: „Вы сказали слово: уйдемъ“?

Гонтаревъ: „Я“.

Преде.: „Довольно. Г. секретарь! Я отмѣняю опредѣленіе объ арестѣ. (Гонтареву). Я не ожидалъ видѣть предъ собой присяжнаго повѣреннаго и васъ.“

Гонтаревъ: „Имѣю честь объяснить“...

Преде.: „Ни слова“!

Затѣмъ судъ, не удаляясь изъ зала, приступилъ къ написанію резолюціи. Резолюція объявлена. Засѣданіе закрыто. Оправданная Лидія Кондратова, кланяясь присяжнымъ: „господа присяжные“!...

Преде.: Вонъ эту бабу! Немедленно уберите эту бабу вонъ“!

Самарская губернская земская управа вноситъ на предстоящее губернское земское собраніе предложеніе ходатайствовать предъ высшими сферами о допущеніи женщинъ на канцелярскія и другія должности въ земскихъ учрежденіяхъ. Въ самарской губернской земской управѣ были случаи, когда губернаторъ на основаніи ст. 156 св. зак. т. III уст. служ. гражд. не признавалъ возможнымъ дать свое согласіе на опредѣленіе женщинъ въ канцелярію управы. Поводомъ, понудившимъ управу возбудить вопросъ объ официальном признаніи права за интеллигентными женщинами примѣнять полученныя ими въ среднихъ, а часто и въ высшихъ школахъ знанія, послужила просьба педагогическаго совѣта коммерческихъ курсовъ при Маріинской женской гимназіи. Послѣдній, упомянувъ о томъ, что имъ при гимназіи открыты коммерческіе курсы съ широкой программой, ходатайствуетъ предъ самарской губернской земской управой, не найдетъ ли она возможнымъ и полезнымъ для себя каждагодно вносить плату за обученіе одной или нѣсколькихъ слушательницъ, въ размѣрѣ 100 р.

(Сар. Лист.)

Въ Ташкентѣ въ составъ гласныхъ мѣстной думы входятъ 24 туземца, относительно которыхъ начальникъ города (онъ же—начальникъ полиціи) облеченъ дискреціонной властью арестовывать ихъ за самыя незначительныя поступки, напр., за непочтеніе къ начальству—въ обычное время до семи сутокъ и до 30-ти дней при существованіи усиленной охраны, какъ теперь. Начало совмѣщенія должностей городского головы и начальника полиціи въ одномъ лицѣ было положено первымъ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ, который, однако, смотрѣлъ на это, какъ на временную мѣру, въ виду необходимости сначала обучить туземныхъ гласныхъ понимать свои новыя обязанности и пользоваться своими правами, и считалъ эту неизбѣжную, по его мнѣнію, мѣру „великимъ зломъ для городского самоуправленія“. Лишь 20 тому назадъ Г. А. Колпаковскій, генералъ-губернаторъ, призналъ своевременнымъ допустить для Ташкента выборъ гор. головы, и городъ два раза имѣлъ во главѣ управленія лицо, избранное самими гласными. (Рус. Турк.).

На дняхъ выѣздной сессіей кievской судебной палаты въ гор. Умани рассмотрѣно было дѣло о **сопротивленіи властямъ** крестьянъ дер. Каменогорки, Липовецкаго у.

17-го апрѣля 1900 года крестьяне вслѣдствіе убѣжденія пяти своихъ односельчанъ, что сѣнокосный лугъ, находящійся во владѣніи помѣщика Енни, въ дѣйствительности, по праву давности, принадлежитъ имъ, крестьянамъ, выгнали на пастбу свой скотъ на лугъ, причемъ оказали сопротивленіе сельскому старостѣ и полевымъ сторожамъ, пытавшимся прекратить такое самоуправство; затѣмъ такая же поправа луга всѣмъ обществомъ крестьянъ была произведена еще въ теченіе нѣсколькихъ дней, несмотря на разъясненія мирового посредника незаконности такихъ дѣйствій.

Въ виду того, что нежеланіе крестьянъ подчиниться законнымъ требованіямъ властей было результатомъ вліянія на нихъ Балахтара, Варанюка, Соловья, Бубновскаго и Петра Подгурскаго, липовецкій исправникъ 28 апрѣля 1900 года, на основаніи 21 ст. положенія о гос. охранѣ, постановилъ заключить ихъ подъ стражу, каковое постановленіе 30 того же апрѣля было приведено въ исполненіе относительно всѣхъ упомянутыхъ лицъ, кромѣ Подгурскаго, не разысканнаго въ мѣстѣ его жительства. Получивъ свѣдѣніе, что Подгурскій возвратится домой на разсвѣтѣ 5 мая, вол. старшина учредилъ въ разныхъ мѣстахъ Каменогорки караулы изъ пол. десятскихъ, изъ которыхъ Береза вскорѣ и задержалъ Подгурскаго на лугу при входѣ въ деревню. На крики Березы къ нему подошли старшина, полицейскій урядникъ и остальные караульные и всѣ вмѣстѣ повели Подгурскаго къ приготовленной тутъ же у роуи телѣгѣ, чтобы на ней отвезти задержаннаго въ сельскую расправу; въ это время къ телѣгѣ подошли малолѣтніе сыновья Подгурскаго. Обратившись къ которымъ, Подгурскій сказалъ: „Вѣдите въ село, скажите людямъ, чтобы не давали меня“, и изъ села прибѣжала толпа крестьянъ, преимущественно женщинъ, изъ числа которыхъ Соловьева, Пастушенко, Балахтаръ, Маруничова, Корнѣева, Подгурская и Вилькова, оттолкнувъ волостного старшину, урядника и десятскихъ отъ арестованнаго Подгурскаго, освободили его такимъ образомъ и, при крикахъ стоявшей тутъ же толпы крестьянъ, что онѣ не допустятъ ареста, отвели Подгурскаго въ село. Названныя выше должностныя лица, въ виду крайняго озлобленія и угрожающаго поведенія толпы крестьянъ, готовыхъ, повидимому, прибѣгнуть къ дальнѣйшему насилію, не имѣли возможности воспрепятствовать освобожденію Подгурскаго, который подъ охраной толпы и былъ доставленъ къ себѣ домой.

Судебная палата, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, вынесла всѣмъ шестнадцати подсудимымъ, безъ исключенія, оправдательный вердиктъ. (Кр. Кур.)

2-го октября въ саратовской судебной палатѣ разбиралось дѣло о **сопротивленіи властямъ**, возникшее на почвѣ приговора къ наказанію розгами.

Скамью подсудимыхъ занимали отецъ и сынъ Мордовченковы, крестьяне дер. Отважной сызранскаго у. Отцу—60 лѣтъ, сыну—24 года. Въ 1898 году Мор-

довченковъ-старикъ былъ приговоренъ вол. судомъ за оскорбленіе сельскаго старосты къ 20-ти ударамъ розгами. Вслѣдствіи приговора этотъ былъ отпущенъ съ замѣною тѣлеснаго наказанія пятнадцатидневнымъ арестомъ. Когда сельскій староста съ понятыми пришелъ въ избу Мордовченковыхъ, въ ней находился только одинъ старикъ, который, не зная о замѣнѣ тѣлеснаго наказанія арестомъ и боясь, при своей дряхлости, умереть подъ розгами, рѣшительно отказался итти и грозилъ топоромъ, если его насильно поведутъ съѣзъ; староста и понятые отступились и сообщили уряднику о сопротивленіи старика. Спустя нѣкоторое время, урядникъ, взявъ понятыхъ, отправился брать Мордовченковыхъ силою. Напрасно урядникъ показывалъ старику бумагу, въ которой значилось, что наказаніе розгами замѣнено арестомъ; старикъ не вѣрилъ бумагѣ, подозревая хитрость, съ цѣлью заманить его въ волостное правленіе и высѣчь. При этомъ у старика въ рукахъ былъ желѣзный безмѣвъ, у сына же былъ желѣзный пруть, который, впрочемъ, онъ воткнулъ въ землю шагахъ трехъ отъ себя. „Пусть придетъ, кто меня приговорилъ, и тотъ не возьметъ!“—кричалъ старикъ, угрожая безмѣвомъ. Сынъ его просилъ урядника и понятыхъ: „Уйдите отъ грѣха. Мы сейчасъ заняты работою, когда освободимся, обдумаемъ наказаніе“. Вскорѣ послѣ того оба Мордовченковы безъ сопротивленія отбыли каждый свое наказаніе. Однако за сопротивленіе властямъ они оба были преданы суду. Палата вынесла приговоръ, по которому оба подсудимые приговорены къ лишенію всѣхъ правъ и заключенію въ исправительныя арестантскія отдѣленія: отецъ—на одинъ годъ и три мѣсяца, а сынъ—на одинъ годъ. (Сѣв. Кур.)

Въ одесскомъ окруж. судѣ слушалось дѣло по иску опеки надъ малолѣтними З. и В. Лутковскими къ **присяжному повѣренному** А. А. Борзенко въ 30.000 руб. Землевладѣлецъ П. В. Малаховъ по духовному завѣщанію оставилъ громадное имѣніе свое „Даниловку“ въ 3000 дес. земли женѣ своей С. А. Малаховой въ пожизненное владѣніе, а въ собственность племяннику своему, пр. повѣр. А. А. Борзенко, которому было вмѣнено въ обязанность выплатить дѣтямъ двоюроднаго брата его Зинѣ и Василю Лутковскимъ 30.000 руб. Завѣщатель между прочимъ предусмотрѣлъ и тотъ случай, что если Борзенко будетъ беспокоить и преслѣдовать пожизненную владѣлицу Малахову предьявленіемъ къ ней различныхъ исковъ, то завѣщанное имѣніе должно быть раздѣлено между ними въ равныхъ частяхъ на правахъ собственности. Борзенко предьявилъ къ Малаховой искъ о приведеніи имѣнія сада въ порядокъ. Малахова предьявила встрѣчный искъ о признаніи за нею, согласно смыслу духовнаго завѣщанія, права собственности на половину имѣнія. Имѣніе было благополучно раздѣлено пополамъ. Вслѣдствіи свою часть г. Борзенко продалъ, не выплативъ малолѣтнимъ 30 тысячъ руб. на томъ основаніи, что онъ собственникъ только половинной части имѣнія, а не всего. Г. Борзенко заявилъ въ засѣданіи суда отводъ, доказывая, что малолѣтніе неправильно пользуются правомъ бѣдности, такъ какъ они въ сущности бога-

тые, что одна изъ малолѣтнихъ именуется „Зной“, а между тѣмъ это ласкательное ея имя, а не настоящее. Судь однако отвода этого не уважилъ и удовлетворилъ искъ полностью, присудивъ съ Борзенко 30.000 р. и возложивъ на него судебныя и за веденіе дѣла издержки въ размѣрѣ 1330 руб. (Од. Нов.).

Недавно въ камерѣ мирового судьи 5 уч. г. Одессы слушалось дѣло по обвиненію уличнаго адвоката Рейфа въ мошенничествѣ. Какъ видно изъ жалобы потерпѣвшаго, Ф. Мацкайло, явившійся 29-го іюля въ камеру мир. судьи 1-го уч. по своему дѣлу, былъ остановленъ въ корридорѣ неизвѣстнымъ ему молодымъ человѣкомъ, оказавшимся Рейфомъ. Послѣдній отрекомендовался ему „присяжнымъ повѣреннымъ“, проживающимъ въ собственномъ домѣ. Ф. Мацкайло, увѣренный въ томъ, что передъ нимъ дѣйствительно прис. повѣренный и видя карточку Рейфа, гдѣ въ адресѣ сказано: „Дегтярная ул., собств. домъ“, условился съ Рейфомъ заплатить ему за веденіе дѣла 10 р. Видя, что дѣло не подвигается, Мацкайло явился по адресу. Здѣсь Рейфъ потребовалъ съ Мацкайло еще 30 р. на марки, пошлины и, вообще, на расходы по дѣлу. М. эти деньги вручилъ Р. Прошло еще нѣкоторое время, дѣло нѣсколько разъ откладывалось за неявкою въ судъ М. Наконецъ, какъ сообщаетъ „Од. Л.“, во время одного изъ посѣщеній Р. познакомилъ М. съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, выдавая его за чиновника особыхъ порученій при г. градоначальникѣ, и заявилъ струсившему М., что противъ него открылись по дѣлу крайне неблагоприятныя обстоятельства, грозящія его личной безопасности, а потому необходимо представить въ судъ залогъ въ 200 руб. М. отчиталъ Р. въ доплатѣ къ даннымъ уже 30 р. еще 170 р.

Повѣренный потерпѣвшаго всецѣло поддерживалъ обвиненіе въ мошенничествѣ противъ Рейфа, заявляя, что мѣстное общество и печать давно уже борются съ уличной адвокатурой—зломъ, пустившимъ слишкомъ глубокие корни. Обвиняемый Р. лишь недавно за мошенничество приговоренъ уже мир. судьей 1 уч. къ заключенію въ тюрьму на три мѣсяца. И настоящее дѣло является однимъ изъ многихъ подвиговъ Р. на поприщѣ его „адвокатской“ дѣятельности. Повѣренный просилъ примѣнить къ Рейфу высшую мѣру наказанія. Мир. судья приговорилъ Рейфа къ заключенію въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ. На просьбу осужденнаго Р. освободить его подъ денежное поручительство мир. судья отвѣтилъ отказомъ и постановилъ немедленно заключить его подъ стражу.

На-дняхъ въ Павловскомъ посадѣ на разбирательствѣ московскимъ окр. судомъ дѣла о поджогѣ имѣлъ мѣсто случай примѣненія 818 ст. уст. уг. суд.

Въ 1896 году въ селѣ Карповѣ, пьяный крестьянинъ Гусевъ присталъ къ псаломщику, требуя какой-то мѣшокъ: когда же ему въ этомъ было отказано, Гусевъ пошелъ въ лавку и сталъ говорить, что сегодня „сожжетъ всѣхъ поповъ“.

Вскорѣ послѣ этого двое изъ крестьянъ замѣтили,

что Гусевъ идетъ задами села по направленію къ дому псаломщика, а затѣмъ вспыхнулъ пожаръ и сгорѣло два дома.

Гусевъ послѣ этого скрылся и былъ разысканъ только въ 1899 году и преданъ суду за поджогъ, хотя никакихъ другихъ уликъ, кромѣ его угрозъ, не было.

Защитникъ обвиняемаго указывалъ присяжнымъ засѣдателямъ на отсутствіе уликъ и на отсутствіе связи между угрозой и совершеніемъ поджога, для котораго у Гусева не было ровно никакихъ мотивовъ, и, наконецъ, на сильное опьяненіе и почти безсознательное состояніе Гусева.

Пр. засѣдатели послѣ продолжительнаго совѣщанія, выйдя въ залу засѣданія, просили председательствующаго П. С. Кларкъ поставить дополнительный вопросъ объ произнесеніи угрозъ, но, получивъ отрицательный отвѣтъ, удалились для совѣщанія и, наконецъ, вынесли Гусеву обв. вердиктъ, признавъ его виновнымъ въ поджогѣ.

Тогда судъ, находя, что Гусевъ обвиненъ невинно, на основаніи 818 ст. уст. уг. судопр., постановилъ передать дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ засѣдателей. (Бирж. В.).

Въ сессіи кишиневскаго окр. суда въ гор. Оргѣвѣ рассмотрѣно судомъ очень интересное дѣло о мѣщанинѣ Иванѣ Федоровѣ, обвин. по 1 ч. 1483 ст. ул. о наказ. Пр. засѣдателямъ поставленъ былъ вопросъ о причиненіи Федоровымъ Красношену тяжкаго поврежденія здоровья въ замальчивости и раздраженіи. Присяжные засѣдатели, по словамъ „Бессарабца“, спустя минутъ десять заявили черезъ судебного пристава о желаніи получить разъясненія. Судъ вышелъ, и присяжные заняли свои мѣста. Оказалось, что присяжные нашли предъявленное обвиненіе малымъ и просятъ поставить дополнительный вопросъ о предумышленности. Председательствующій разъяснилъ, что такого вопроса нельзя поставить, такъ какъ это болѣе строгое обвиненіе, чѣмъ предъявленное по обвинительному акту.

— Мы этого именно и хотимъ!—отвѣтилъ старшина.

Черезъ двѣ минуты присяжные вынесли обвинительный вердиктъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(Гражданское отдѣленіе).

Въ засѣданіи, происходившемъ 2 ноября подъ председательствомъ І. И. Карницкаго, былъ заслушанъ докладъ А. А. Башмакова о владѣніи по наслѣдству или „сезинѣ“.

Докладчикъ далъ очеркъ дѣйствующихъ въ Зап.

Европѣ и у насъ постановленій по вопросу, каково юридическое положеніе наследника въ періодъ между открытіемъ наследства и принятіемъ его по отношенію къ предметамъ, входящимъ въ составъ наследства. Одна группа законодательствъ, типичнымъ представителемъ которой является Code civil (art. 711), опредѣляетъ, что *право собственности* на такіе предметы начинается въ лицѣ наследника въ самый моментъ смерти наследодателя. Этотъ непосредственный переходъ права собственности и есть „сезина“ (saisine) собственности“. Точно также по нормамъ этого рода законодательствъ *владѣніе* наследодателя переходитъ безъ всякихъ перерывовъ къ наследнику, безъ всякаго волеизъявленія послѣдняго. Такой переходъ владѣнія и будетъ „сезина владѣнія“. Древнеримскому праву этотъ институтъ не былъ чуждъ; sui heredes, какъ извѣстно, пріобрѣтали наследство ipso jure, независимо отъ своей воли. Въ болѣе развитомъ римскомъ правѣ наследники тѣмъ или инымъ путемъ обязаны были выразить свою волю на принятіе наследства, и только съ момента принятія возникаетъ право собственности наследника на предметы, входящіе въ составъ наследства. Такого взгляда придерживаются кодексы: австрійскій, саксонскій, баварскій и др. Эти же законодательства не допускаютъ и сезины владѣнія, что находится въ тѣсной связи со взглядомъ римскаго права на владѣніе вообще. Римлянинъ видѣлъ во владѣніи только фактъ и притомъ связанный строго и непосредственно съ личностью (personalissimum). Исчезаетъ личность, прекращается и владѣніе ея. Само наследованіе есть преемство *правъ* и обязанностей, и оно не можетъ установить того непосредственнаго отношенія человека къ вещи, которое по римскому праву являлось характернымъ для владѣнія. Чтобы наследникъ сдѣлался владѣльцемъ, требуется особый актъ овладѣнія (possessio nisi naturaliter comprehensa ad nos non pertinet). Этотъ взглядъ римскаго права на владѣніе при рецепціи его въ Запад. Европѣ и отразился на отрицательномъ отношеніи европ. кодексовъ къ сезинѣ. Въ древнегерманскомъ правѣ сезина напротивъ того существовала и находилась въ тѣсной связи съ институтомъ „Gewere“, который, по мнѣнію докладчика, представлялъ изъ себя непосредственное владѣніе семьи, продолжавшееся какъ при жизни домохозяина, такъ и послѣ его смерти. Какимъ образомъ сезина, исчезнувъ подъ влияніемъ рецепированнаго рим. права почти изъ всѣхъ европ. кодексовъ, сохранилась во французскомъ правѣ, вопросъ весьма спорный. Нѣкоторые старые авторы (Dumoulin, Albrecht, Heusler) отождествляютъ ее и считаютъ источникомъ ея германское Gewere, другіе (Planiol, Origine romaine de la saisine. Revue Critique de législ. et de jurisprudence, 1885) выводятъ ее изъ преторской bonorum possessio, третьи наконецъ (Laurent, Principes de droit civil français) считаютъ сезину специальнымъ продуктомъ мѣстныхъ французскихъ нормъ феодальнаго землевладѣнія. Наиболѣе правильнымъ, по мнѣнію докладчика, представляется первый изъ приведенныхъ взглядовъ. Русское гражд.-право въ 1254 ст. т. X, ч. I содержитъ категоричное указаніе на допустимость у насъ сезины, но сенатская практика (рѣш. гражд. кас. деп. 68 г. 786

71 г. 86, 88 г. 35 и 91 г. 105) несмотря на это, очевидно, подъ влияніемъ идей римскаго права, относится отрицательно къ сезинѣ.

Въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи докладчикъ доказывалъ какъ возможность конструировать институтъ сезины со стороны теоретической, такъ и крайнюю необходимость его въ интересѣ жизненной пользы. Со стороны теоретической отрицательное отношеніе къ сезинѣ вытекаетъ изъ невѣрнаго опредѣленія понятія владѣнія, которое установилось въ наукѣ со времени Савиньи. Если владѣніе, какъ институтъ, существуетъ ради общественнаго интереса (взглядъ Иеринга, Рудорфа), то нельзя уже придавать ему чисто личнаго значенія, опредѣляемаго изъ принципа субъективной воли. Неполно также и представленіе о владѣніи, какъ о голломъ фактѣ. По мнѣнію докладчика „будучи фактомъ въ моментъ своего возникновенія, владѣніе есть однако и юридическое отношеніе, длящееся безъ непрерывнаго проявленія воли, переживающее наследодателя вмѣстѣ съ его правами и входящее, какъ таковое, въ такъ называемое: „universum jus defuncti“.

Въ томъ смѣшеніи владѣнія и собственности, которое мы можемъ констатировать въ разныхъ варварскихъ „правахъ“, оказывается, было сокрыто правильное пониманіе истинной природы владѣнія. Это еще разъ, по мнѣнію докладчика, подтверждаетъ, что въ тѣхъ продуктахъ народнаго правотворчества, въ которыхъ ученые юристы, воспитанные на римскомъ правѣ, склонны видѣть только проявленіе грубости и невѣжества, часто содержится разрѣшеніе многихъ чрезвычайно сложныхъ вопросовъ.

Съ точки зрѣнія цѣлесообразности института сезины, докладчикъ, опираясь на мотивы новаго германскаго уложенія, принявшаго сезину, привелъ слѣдующія соображенія: принятіемъ института сезины достигается единство конструкціи права наследственнаго, устраняется фикція „hereditas jacens“. Далѣе презумпція въ пользу вѣроятнаго принятія наследства соотвѣтствуетъ подавляющему большинству случаевъ въ дѣйствительной жизни народа. При существованіи сезины положеніе кредиторовъ наследодателя улучшается. Повсюду, гдѣ существуетъ сезина, институтъ этотъ пользуется народными симпатіями, такъ какъ она соотвѣтствуетъ вполне интересамъ сохранения солидарныхъ семей.

Предсѣдательствовавшій І. И. Карницкій, сообщивъ отдѣленію, что прочитанный докладъ въ самомъ непродолжительномъ времени появится въ печати, предложилъ отдѣленію отложить пренія до того времени въ видахъ лучшаго ознакомленія членовъ общества съ положеніями докладчика. Предложеніе было принято.

КІЕВСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(Отъ нашего корреспондента).

Въ засѣданіи 4 ноября, весьма многолюдномъ, сдѣланъ былъ докладъ дѣйствительнымъ членомъ общества І. В. Михайловскимъ подъ заглавіемъ: „Общій обзоръ проекта новаго судоустройства“, Основныя положенія доклада сводятся къ слѣдующему:

1) Проект ничего не сдѣлалъ для прогрессивнаго развитія важнѣйшаго изъ началъ, характеризующихъ судебную власть, начала единства и исключительности этой власти (оставленіе нетронутыми судебныхъ функцій земскихъ начальниковъ, военныхъ судовъ, административной юстиціи и т. п.).

2) Проект не сдѣлалъ ничего для развитія начала авторитета суда и для обезпеченія точности и немедленности исполненія судебныхъ требованій.

3) Проект ничего не сдѣлалъ для поднятія научнаго уровня судейскаго сословія и его опытности.

4) Съ другой стороны, проектъ въ значительной степени поколебалъ нѣкоторые изъ основныхъ принциповъ судебныхъ уставовъ императора Александра II, а именно:

а) въ судебную организацію онъ ввелъ совершенно несвойственный и противный судейской дѣятельности принципъ личнаго подчиненія и самымъ рѣшительнымъ образомъ поколебалъ принципъ судейской независимости;

б) важнѣйшую отрасль юстиціи вручилъ не судьямъ, а чиновникамъ, находящимся въ полной зависимости отъ министра юстиціи (при этомъ необходимо отмѣтить, какъ важнѣйшій недостатокъ института участковыхъ судей, отсутствіе при нихъ короннаго секретаря);

в) уничтожилъ самостоятельный институтъ судебныхъ слѣдователей;

г) раздробилъ кассационныя функціи и

е) создалъ очень сложную судебную систему.

Въ преніяхъ участвовали между прочимъ К. В. Шаверовъ, въ принципѣ согласившійся съ докладомъ, но отмѣтившій лишь большія затрудненія при проведеніи въ жизнь научныхъ принциповъ; Л. Я. Куперникъ, заявившій, что подѣ докладомъ подпишется съ полной готовностью каждый изъ присутствующихъ, но указавшій, что докладъ не исчерпалъ всѣхъ недостатковъ проекта, ибо этихъ недостатковъ тамъ слишкомъ много, и проф. І. А. Покровский, заявившій, что едва ли въ юрид. обществѣ найдется хоть одинъ человекъ, несогласный съ положеніями доклада.

КАЗАНСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(Отъ нашего корреспондента).

Въ засѣданіи Казанскаго юридическаго общества, состоявшемся во вторникъ 31 октября, заслушанъ былъ докладъ Н. В. Рейгардта, присяжнаго повѣреннаго и редактора „Волжскаго Вѣстника“, на тему „О диффамаци“.

Представивъ очеркъ французскаго и англійскаго законодательства по вопросу о диффамаци, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что перенесеніе въ уложеніе о наказаніяхъ (ст. 1039) требованія о представленіи письменныхъ доказательствъ справедливости позорящихъ обстоятельствъ относительно должностныхъ лицъ наводитъ на мысль, что составители закона 1865 г. недостаточно ознакомились съ французскимъ законодательствомъ по вопросу объ оскорбленіи чести. Установленное нашимъ законодательствомъ требованіе

письменныхъ доказательствъ отъ обвиняемаго въ диффамаци, ограничивая права печати довольно узкими предѣлами, представляетъ весьма серьезное препятствіе контролю общественнаго мнѣнія надъ должностными лицами. Проектъ уголовного уложенія, внесенъ въ законъ объ оскорбленіи въ печати весьма серьезныя поправки, страдаетъ, однако, тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что имѣетъ слишкомъ отвлеченный характеръ, не соответствующій ни нашему общественному строю, ни юридическому развитію нашего общества, и потому по своей неопредѣленности можетъ послужить къ ограниченію свободы печати въ интересахъ вліятельныхъ элементовъ общества.

В. В. Сергіевскій находилъ, что предложенное референтомъ объясненіе характера ст. 1039 въ связи съ подражаніемъ французскому образцу совершенно несостоятельно. Содержащееся въ ней стѣсненіе печати не результатъ недоразумѣнія, а совершенно сознательное выраженіе воли закона наложить узду на печать, которая, обливая грязью должностныхъ лицъ, легко могла бы привести въ замѣшательство всѣхъ чиновниковъ, болѣе прислушивающихся къ голосу печати, чѣмъ дѣйствующихъ самостоятельно. Притомъ допущеніе свидѣтельскихъ показаній въ оправданіе обвиняемаго по ст. 1039 дѣйствительно было бы неудачно. Самъ законодатель относится недовѣрчиво въ уставѣ гражданскаго судопроизводства къ показаніямъ свидѣтелей и съ его стороны было бы непослѣдовательно допускать ихъ тамъ, гдѣ они менѣе всего способны внушать довѣріе.

В. Р. Завадскій высказалъ, что референтъ не имѣлъ основанія объяснять содержаніе ст. 1039 въ связи съ французскимъ образцомъ. Наивно было бы думать, что составители закона 1865 г. не были достаточно знакомы съ французскимъ законодательствомъ. Скорѣе нужно объяснить содержащееся въ законѣ ограниченіе печати опасеніемъ, что русская пресса, бывшая до того времени совершенно стѣсненной, не удержится въ должныхъ границахъ. Теперь пора юности печати прошла и отвѣтомъ на ея запросы является проектъ уголовного уложенія. Вопреки референту, онъ полагаетъ, что редакція проекта не оставляетъ желать ничего лучшаго. Допуская оправдываться какими угодно средствами, проектъ даетъ печати все, что она могла бы желать. И дѣйствительно, можно только выразить пожеланіе, чтобы проектъ прошелъ, потому что большая свобода въ раскрытіи позорныхъ дѣяній должностныхъ лицъ можетъ быть только выгодной для государства. Высшая администрація не въ состояніи часто услѣдить за злоупотребленіями подчиненныхъ ей должностныхъ лицъ и печать можетъ оказать ей здѣсь содѣйствіе. Особенно чинамъ судебного вѣдомства, дѣятельность которыхъ совершается „подъ стеклянными колпакомъ“, было бы странно опасаться гласности.

По мнѣнію М. М. Хомякова, сравненіе Франціи и Англій, сдѣланное референтомъ, недопустимо, потому что вопросъ объ оскорбленіи чести въ законодательствахъ той и другой страны поставленъ совершенно разное. Понятіе о „libel“ не соответствуетъ континентальному типу различія клеветы и диффамаци. Весьма

существенно то, что англійскій судья требуетъ отъ обвиняемаго въ пасквилѣ доказательствъ, въ чемъ состоитъ интересъ общества узнать тѣ позорныя обстоятельства, которыя обвиняемый распространяетъ въ печати.

Н. И. Миролюбовъ находилъ, что упрекъ референта проекту за отвлеченность несправедливъ, потому что понятія о чести до того различны по классамъ, мѣстности, времени, что всякое опредѣленіе позорности разглашаемыхъ обстоятельствъ могло бы явиться лишь стѣсненіемъ для печати.

Заключая пренія, председатель *Г. Ф. Шершеневичъ* высказалъ, что предлагаемое референтомъ объясненіе ст. 1039 недостаточнымъ знакомствомъ съ французскимъ законодательствомъ не можетъ быть принято уже потому, что нашихъ составителей проектовъ скорѣе можно упрекнуть въ чрезмѣрно добросовѣстномъ изученіи иностранныхъ образцовъ, нерѣдко отражающемся вредно на самостоятельномъ ихъ творчествѣ. Но нельзя принять и объясненія г. Сергіевскаго, будто характеръ ст. 1039 соответствуетъ условіямъ русской жизни и положенію русскаго чиновничества. Проектъ является лучшимъ отвѣтомъ на такой взглядъ. И слѣдуетъ присоединиться къ тому мнѣнію, что проектъ какъ по существу, такъ и по формѣ былъ бы вполне удачною замѣною дѣйствующей ст. 1039. Отвлеченность редакціи статьи проекта составляетъ ея достоинство, а не недостатокъ, потому что только судъ, примѣняясь ко всей конкретной обстановкѣ, можетъ признать или отвергнуть признакъ позорности. Единственно въ чемъ слѣдуетъ упрекнуть проектъ—это въ слабомъ наказаніи за диффамацию. Печатное слово—сильное средство, которое можетъ быть и благотвѣтельнымъ и вреднымъ для общества. Пусть тотъ, кто прибѣгаетъ къ нему, помнитъ его значеніе. Законъ не долженъ служить препятствіемъ для честнаго дѣятеля печати, но онъ долженъ внушать страхъ легкомысленному и недобросовѣстному литератору, играющему добрымъ именемъ другихъ.

Библіографія

Журналъ Мин. Юст. № 8—9 1900 г.

А. Л. Боровиковскій. Экскурсія въ область русской рѣчи. Статья эта посвящена выясненію и критикѣ недостатковъ редакціи проекта V книги гр. уложенія (объ обязательствахъ). Статья состоитъ изъ ряда отдѣльных замѣчаній, касающихся неправильныхъ оборотовъ, неправильнаго согласованія, „разностилія“, т. е. разнообразія въ способѣ выраженія, неправильной разстановки запятыхъ въ статьяхъ проекта и т. д. Авторъ сознаетъ, что наиболѣе грубые изъ замѣченныхъ имъ дефектовъ редакціи—„описки, опечатки“, но, боясь, чтобы они не проскользнули и въ текстъ закона, онъ предпринялъ эту „скучную и утомительную работу“. Работа г. Боровиковскаго приводитъ его къ тому убѣжденію, что проектъ

представляется черновикомъ, требующимъ и детальнѣхъ исправленій и общей шлифовки. На этомъ выводѣ авторъ настаиваетъ и, сознавая его рѣзкость, объясняетъ, что рѣзкость выраженія иногда позволительна, какъ крикъ: тѣмъ громче крикнешь, тѣмъ дальше могутъ тебя услышать“.

А. М. Гуляевъ. Общій срокъ земской давности, (ст. 7 и 8 кн.).

Въ обстоятельномъ историческомъ очеркѣ авторъ излагаетъ содержаніе законодательныхъ актовъ, трактующихъ о силѣ и дѣйстви давности, и приходитъ къ выводу, что нынѣшнія законоположенія наши по данному предмету представляютъ почти точную копію съ ихъ первоисточника—съ манифеста императрицы Екатерины II отъ 28 іюня 1787 г., впервые, по мнѣнію автора, (какъ и проф. Энгельмана), установившаго институтъ десятилѣтней давности; всѣ послѣдующія узаконенія вплоть до изданія Свода Законовъ ничего новаго къ вышеупомянутому манифесту не прибавили, а лишь разрѣшали частные вопросы или же распространяли дѣйствіе института на новыя мѣстности имперіи. И въ самомъ Сводѣ новымъ является только введеніе пріобрѣтательной давности, или давности владѣнія, о которой трактуетъ ст. 533 ст. X ч. I.

Авторъ затѣмъ останавливается, въ виду неясности 692 и 694 ст. X т. I, на вопросѣ о юридическомъ значеніи законы о давности и опровергаетъ взглядъ Сената (№ 195—1880 г.), полагающаго, что законы о давности, должны быть отнесены къ нормамъ матеріальнаго права.

Источники, говоритъ авторъ, приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что законодатель, начиная съ манифеста 1787 г., всегда разматывалъ давность, какъ моментъ, разрушительнымъ образомъ вліяющій на искъ, но не выводилъ отсюда никакихъ послѣдствій для матеріальнаго права.

Историческое развитіе законовъ объ общемъ срокѣ земской давности свидѣтельствуетъ, по мнѣнію автора, что у насъ имѣтъ единого института давности, которая, разрушая право одного субъекта, одновременно создавала бы его для другого; возвести объ давности—пріобрѣтательную и исковую—къ одной высшей и общей категоріи не представляется основаній.

Исслѣдованіе законодательнаго матеріала, начинающаго съ манифеста 1787 г., показываетъ, что: 1) до изданія Свода, т. е. до 1832 г., у насъ существовала одна только давность—исковая; 2) созданная Сводомъ давность владѣнія есть способъ пріобрѣтенія только одного права—собственности; 3) давность исковая имѣетъ лишь отрицательное значеніе, уничтожая возможность процессуальнаго осуществленія даннаго права, которое само по себѣ остается въ силѣ и послѣ наступленія давностнаго срока; 4) поэтому осуществленіе права давности, какъ исковой, такъ и пріобрѣтательной (за исключеніемъ пріобрѣтенія давностью права собственности) возможно только путемъ возраженія, но не путемъ иска о признаніи права эвентуальнаго истца погашеннымъ; наконецъ 5) давностью не могутъ быть пріобрѣтаемы: а) имущества, изъятыя закономъ изъ-подъ ея дѣйствія, в) имущества, пріобрѣтеніе коихъ недоступно извѣстнымъ категоріямъ лицъ и с) имущества, усвоеніе которыхъ закономъ не допускается; въ частности, относительно имущества церковныхъ, никакихъ исключеній въ законѣ не сдѣлано, и общій срокъ земской давности распространяется и на нихъ.

Ө. И. Леонтовичъ. Къ вопросу о происхожденіи семьи вообще и о ея организаци по др.-р. праву, (кн. 6, 7 и 8).

Въ весьма обширной статьѣ авторъ разматриваетъ прежде всего всѣ старыя и новыя теоріи первобытной культуры вообще, и происхожденія семьи въ частности, и приходитъ къ выводу, что капитальнымъ недостаткомъ этихъ теорій нужно считать признаніе ими наличности правовыхъ системъ въ

такую пору, когда еще существовало полное этническое безразличіе индивидовъ и дѣльныхъ человѣческихъ расъ. Научная юриспруденція признаетъ неоспоримой догмой положеніе о томъ, что право не создано одновременно съ первочеловѣкомъ, что первобытная культура (какъ ее называютъ) была эпохой просто на просто животнаго состоянія людей и о кѣннихъ либо прочныхъ общественныхъ организаціяхъ, правовыхъ системахъ, даже объ отдѣльныхъ институтахъ и нормахъ не можетъ быть и рѣчи.

По мнѣнію автора, въ силу законовъ исторической эволюціи и дифференціаціи правовая организація общественнаго и семейнаго быта людей впервые зарождается подъ воздѣйствіемъ внѣшней среды и ея квалификацій.

Патріархальная (родовая) семья древнихъ народовъ представляетъ собой первичный типъ правовой конструкціи человѣческой семьи, образовавшейся путемъ медленнаго приспособленія къ политическимъ и экономическимъ условіямъ родового быта съ дѣлью развитія экономическихъ и боевыхъ силъ рода и поддержанія въ немъ родового культа.

Что касается славянъ, то у нихъ, по мнѣнію автора, семья организовалась въ историческое время и при условіяхъ, отличныхъ отъ условій развитія семейнаго быта у древнихъ народовъ. Отъ господствовавшего нѣкогда у всѣхъ, вообще, арийцевъ родового быта со всѣми институтами патріархальной семьи у славянъ въ историческое время остались лишь одни обломки стараго семейнаго строя—полигамные браки, умычки и пр. Но основной исторической типъ славянской семьи опредѣлялся не этими пережитками. Осѣдно-земледѣльческая культура, окрѣпшая у славянъ уже при первомъ появленіи ихъ въ исторію, разложила родовую бытъ и подчинила славянскую семью условіямъ и квалификаціямъ кооперативно-договорнымъ или задружнымъ.

Древне-русское право держалось возрѣвній византийско-каноническаго права и считало бракъ институтомъ этическимъ, обязательнымъ для обоихъ половъ. Съ половины прошлаго вѣка брачный вопросъ начинается у насъ регулироваться подъ воздѣйствіемъ господствовавшихъ тогда на Западѣ популяціонистическихъ теорій.

Обычное право русскаго народа до нашихъ дней еще смотритъ на бракъ съ точки зрѣнія экономической, какъ на приобрѣтеніе въ лицѣ жены и дѣтей рабочихъ силъ семьи. Авторъ даетъ далѣе подробный очеркъ института многоженства, практиковавшагося чужь ли не у всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ и уступившаго съ появленіемъ христіанства мѣсто моногамному браку не безъ продолжительной и тяжелой борьбы.

Не сразу установился моногамный бракъ въ его теперешнемъ видѣ—въ смыслѣ церковнаго таинства. На нѣкоторыхъ окраинахъ нашего государства долго держались языческіе обычаи и порядки. И въ настоящее время въ восточной Россіи „свадьба“ не потеряла еще значенія юридическаго акта и обывчаные не допускаются къ фактическому сожителству, пока не состоится свадьба со всѣми обрядами. Умершая до свадьбы не признается бывшей замужемъ.

Главной причиной такой живучести старины у насъ авторъ считаетъ бездѣятельность и пассивность православнаго духовенства.

Н. Н. Товстолѣсъ. Общая собственность по русскому гражданскому праву.

Послѣ краткаго историческаго очерка названнаго института въ обычномъ правѣ, имѣющаго дѣлью показать, что и древнее право, вообще, относилось къ нему неблагопріятно, допуская въ широкихъ размѣрахъ раздѣль, авторъ переходитъ къ изложенію исторіи развитія общей собственности по закону и приходитъ къ тому выводу, что наше законодательство, чуждаясь перемѣнъ и нововведеній, склонное все регулировать

по старинѣ, довольствовалося положеніемъ института общей собственности, жившаго въ народномъ сознаніи, выражая его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ созданъ бытомъ народа.

По нынѣ дѣйствующему законодательству общая собственность опредѣляется двумя признаками: наличностью нѣсколькихъ субъектовъ и единствомъ объекта (ст. 543 т. X ч. I) Но здѣсь же законъ въ противорѣчіе первому признаку говоритъ и о собственности юр. лицъ, а также о владѣніи въ неразрѣзанной чревополосной дачѣ, какъ объ одномъ изъ видовъ общей собственности (ст. 551—553 т. X ч. I), что противорѣчитъ второму признаку вышеприведеннаго опредѣленія общей собственности—единству объекта.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СУДЕБНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА.

Первый департаментъ Правительствующаго Сената.

(Освобожденіе жельзнодорожныхъ служащихъ отъ больничнаго сбора).

3 іюня 1894 г. Высоч. утв. мнѣніемъ Госуд. Совѣта установленъ въ гор. Николаевѣ больничный сборъ въ пользу городскихъ доходовъ на основаніи, между прочимъ, нижеслѣдующихъ правилъ: ст. 1. Больничный сборъ взимается въ размѣрѣ одного рубля съ человѣка въ годъ и назначается на содержаніе городской больницы. Ст. 2. Означенному сбору (ст. 1) подлежатъ лица обоюдо пола, безъ различія званія, занимающіяся въ чертѣ гор. Николаева и его хуторовъ для домашняго услуженія и разнаго рода работъ и занятій какъ у частныхъ лицъ, такъ и въ разныхъ учрежденіяхъ, заведеніяхъ, на фабрикахъ и заводахъ, а равно занимающіяся комисонерствомъ, работою, поленно, поштучно и сдѣльно, извозомъ, торговлею въ развозъ и разность, хлѣбопашествомъ на городской землѣ, какимъ либо мастерствомъ или ремесломъ. Ст. 3. Изъ числа указанныхъ въ предыдущей статьѣ лицъ отъ платежа больничнаго сбора освобождаются малолѣтніе, недостижшіе семнадцатилѣтнаго возраста. Ст. 6. Лица указанныхъ въ ст. 2 разрядовъ, а равно ихъ жены и не достигшіе семнадцатилѣтнаго возраста дѣти, вмѣстѣ съ ними пребывающія въ гор. Николаевѣ и его хуторахъ, должны быть прирѣзаемы, въ случаѣ болѣзни, въ городской больницѣ бесплатно. Николаевская городская управа привлекла къ платежу сбора служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ при мастеровскихъ и депо Харьк.-Николаевской ж. дороги въ г. Николаевѣ.

Жалоба рабочихъ на незаконность положенія ихъ этихъ сборомъ оставлена была гор. думой, а затѣмъ и особымъ по гор. дѣламъ присутствіемъ безъ послѣдствій въ виду того, что въ Выс. утв. 3 іюня 1894 г. мнѣніи Гос. Совѣта для нихъ никакого изъятія не сдѣлано. По жалобѣ жельзнодорожныхъ служащихъ, ссылавшихся на рѣшеніе Прав. Сената отъ 30 сентября 1897 г., за № 11180, (согласно коему постановленіе Николаевской городской думы о привлеченіи къ уплатѣ больничнаго сбора служащихъ и мастеровыхъ Николаевскаго порта было признано неправильнымъ), Пр. Сенатъ нашелъ, что, согласно ст. 174 уст. жельзн. дор. и пар., 29, 31 и 40 (А п. 6) утвержденнаго министромъ путей сообщенія, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, правилъ врачебно-санитарной службы на жельзнодорожныхъ доро-

гахъ (собр. узак. 1893 г. № 123), желѣзныя дороги обязаны устраивать больницы и пріемные покои, таковыя же дороги, неимѣющія своихъ больницъ или имѣющія оныя въ недостаточныхъ размѣрахъ, обязаны обезпечить на свой счетъ больничное леченіе лицамъ, имѣющимъ право на оное въ больницахъ земскихъ, городскихъ, приказахъ общественнаго приарѣнія, при чемъ правомъ на больничное леченіе за счетъ желѣзныхъ дорогъ пользуются между прочимъ всѣ желѣзнодорожные служащіе, мастеровые, постоянные и временные рабочіе съ живущими при нихъ семействами. Такимъ образомъ изъ приведенныхъ статей закона вытекаетъ, что обязанность по леченію перечисленныхъ лицъ возложена на самыя желѣзныя дороги и, слѣдовательно, городскія общественныя управленія устранены отъ какихъ либо расходовъ по ихъ леченію. Посему и принимая во вниманіе, что хотя въ Высочайше утвержденномъ 3 іюня 1894 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта объ установленіи въ пользу гор. Николаева больничнаго сбора (собр. узак. 1894 г. № 120) и не сдѣлано прямого указанія на изъятіе желѣзнодорожныхъ служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ отъ обложенія городскимъ больничнымъ сборомъ, но что въ то же время такое обложеніе не находитъ себѣ оправданій въ вышеприведенныхъ соображеніяхъ, Правительствующій Сенатъ признаетъ состоявшееся по настоящему дѣлу постановленіе Николаевского особаго по городскимъ дѣламъ присутствія о привлеченіи служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ при мастерскихъ и депо Харьковско-Николаевской желѣзной дороги къ уплатѣ больничнаго въ пользу гор. Николаева сбора неправильнымъ, а потому опредѣляетъ: таковое отмѣнить.

(Указъ 13 іюля 1900 г. № 7452.)

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ

Подписнику № 1535.

Можетъ-ли общество б. государственныхъ крестьянъ, отведшее узаконенную пропорцію земли къ выстроеной въ 1890 году церкви и возбудившее въ 1897 году уваженное нынѣ ходатайство о сложении выкупныхъ платежей съ этой земли, ходатайствовать о возвратѣ переплаченныхъ въ казну платежей съ 1890 года.

Согласно ст. 16 и 17 приложенія къ ст. 15 (примѣч. 2) полож. госуд. крест., выкупные платежи съ отведенныхъ церковнымъ причтамъ земель слагаются казенною палатою не иначе, какъ по предъявленіи удостовѣренія объ отводѣ земли въ натурѣ, а согласно примѣчанію къ ст. 394 т. VIII, ч. 2, общ. счетн. уст., по продолженію 1890 года, неправильно поступившіе въ казну поземельные сборы возвра-

щаются за послѣднія 10 лѣтъ со времени врученія окладнаго листа, по которому сборы поступили, или со времени уплаты ихъ, если время врученія листа неизвѣстно. Такимъ образомъ, если въ томъ удостовѣреніи, на основаніи котораго уже послѣдовало сложение оклада, указано время отвода въ натурѣ, то съ этого времени и могутъ быть возвращены платежи, если до возбужденія ходатайства о возвратѣ не прошло 10 лѣтъ, въ противномъ случаѣ—за послѣднія 10 лѣтъ; если же время отвода въ удостовѣреніи не показано, то надо получить удостовѣреніе съ такимъ указаніемъ. Просьба о возвратѣ или зачетѣ подается казенной палатѣ.

Подписнику № 1412.

При какихъ условіяхъ отставные офицеры, не переименованные въ соответствующій гражданскій чинъ, могутъ вмѣсто производства въ чинъ получить единовременное вознагражденіе?

Согласно ст. 332 уст. сл. прав. (Св. Зак. изд. 1899 г. т. III), отставные военные, коимъ по вступленіи въ гражданскую службу сохранены преміи военные чины, въ продолженіе службы по гражданскому вѣдомству могутъ быть производимы только въ гражданскіе, но отнюдь не въ военные чины. По ст. 334, если бы кто-либо изъ сихъ чиновниковъ не пожелалъ производства, дабы не лишиться чина, то такому предоставляется просить другого вознагражденія по удостоенію начальства. Наконецъ по ст. 335 „министрамъ и главн. управл. опредѣлимъ отдѣльными частями предоставляется опредѣлить состоящимъ въ гражд. службѣ отставнымъ офицерамъ выдачи годовыхъ окладовъ жалованья, вмѣсто постепеннаго производства въ чины, каждый разъ когда они выслужатъ положенные на то общіе сроки“. При этомъ требуется лишь, чтобы чиновникъ по классу занимаемой имъ должности могъ быть произведенъ въ тотъ чинъ, за который выдается ему вознагражденіе. Это вознагражденіе можетъ состоять лишь изъ одного жалованья (ст. 335).

Распространяется ли право на полученіе этого вознагражденія также и на офицеровъ запаса, служащихъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ и не переименованныхъ въ гражданскіе чины?

Такъ какъ цитированныя выше статьи закона говорятъ лишь объ отставныхъ офицерахъ, то распространять ихъ и на офицеровъ запаса повидимому нѣтъ никакихъ основаній.

Подписнику № 80.

Въ дополненіе къ отвѣту, помѣщенному въ № 44, сообщается, что, въ силу конвенціи, республикованной въ собр. узак. 1899 г. № 861, освобождаются въ Россіи отъ обезпеченія судебныхъ издержекъ и убытковъ отвѣтчиковъ подданные Германіи, Австро-Венгріи, Румыніи, Даніи, Швеціи и Норвегіи, Бельгіи, Нидерландовъ, Люксембурга, Франціи, Швейцаріи, Италіи, Испаніи и Португаліи.

При этомъ № годов. подписч. разсыл. 17 листъ Законод. вѣстника за 1900 г. и 2 и 3 листы рѣшен. гражд. кассац. департ. Прав. Сената за 1900 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Н. И. Лазаревскій.

Типографія Слб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ, Троицкая ул., 18.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушаню въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 17 ноября по 1 общ. собр.

По всеподданнѣйшей жалобѣ: Спб. гор. гол. и казначей Александро-Невской лавры, архим. Корниль по уполномочію дух. соб. назв. лавры на опред. 1 деп. Сен.; по законодательному вопросу объ изм. ст. 557 общ. губ. учр.-т. II изд. 1892 г.

За разногласіемъ: по жал.: Шахнова, Лазарева и др. на распоряженіе Арханг. губ. пр.; Корганова на в. сов.; б. пред. Тар. окр. по в. пов. прис., Гусева, на м. вл. д. за взыскаіііе съ него денегъ, получ. имъ за исп. обав. пред. воин. прис.; Осовецкаго на пост. Кіев. губ. по кр. дѣл. прис., сост. 31 декабря 1892 г., по опр. вѣчно-чинш. пр. провѣстеля на усад. землю при назв. мѣст. им. Тритшеля; по рапорту государ. контр. отъ 1 марта 1896 г. за № 604, по поводу протеста воен. сов. на вост. Сов. Гос. контр. о возвратѣ изъ средствъ предѣльн. смѣты воен. мин. въ казну 48131 р. 54 к.; воен. мин. отъ 2 ноября 1896 г. за № 51817 о возникшемъ между мин. фин. и воен. разногласіи по дѣлу о возмѣщеніи государ. банк. 163-му пѣхот. Ленкоранскому полку убытковъ за 29374 р. 10½ к.; по преда. г. оберъ-прок. 1 депар. отъ 31 декабря 1894 г. за № 1872, коимъ, согласно ордеру мин. юстиціи, по вопр. о назнач. Закину пенсіи изъ казны за 10-лѣтнюю службу въ Примор. обл.; по предствл. Вессараб. двор. депут. собр. о пот. двор. Григорія Манукѣя.

На 13 ноября, по судебн. департ.

Апелляц.: о Коробейниковѣ преступленіе должности. *Частныя:* о Куватовѣ; о Лерманѣ и Шурѣ; объ Отюмпосовыхъ; прошенія Колмакова; Таджикбаевой; Ларионова; о Норбаевѣ и др.; жалоба Гусева; объ освид. умств. способ.; Панковича; Буяновскаго; Мярмикова; Рихтера; Вураго; Чернова; Скорова; Грбасовой; Сломьянскаго; Гавриловой; Масленникова; Штенгеря; Димчевскаго; Подгурской; Азнаурова; Кнорринга; Корчагиной; Самарина; Ианова; Румянцева; Вуковскаго; Залевскаго.

На 13 ноября, по апелляц. столу.

Отзывы: Иванова и Волжина на Саратовск. с. п. 343 ст. ул.; Волховскаго на Харьковск. с. п. 411 ст. ул.; Збруева на Московск. с. п. 1039 ст. ул.; Рѣшетова на Харьк. с. п. 347 ст. ул.; Филиппшина на Тифлисск. с. п. 378 ст. ул.

На 16 ноября, по 1 экспед. Судебн. Деп.

Апелляц.: Пуршева съ Самгина 1500 р. съ %; Богословскаго горнозаводск. общ. съ торг. дом. и Н. Ф. Шмидтъ и К^о 808 р. и по встрѣчному иску 3120 р. 89 к.; Дорошенко съ Мятлева 52900 р. съ %; Андреади съ Грушко и Чертова 1907 р. 80 к.; Мейлиса съ Калихмана 5828 р. 64 к. съ % и по встрѣчному иску 4433 р. 20 к.; Степанова съ Семеновыхъ 7600 р. съ %.

Частныя: по жалобамъ на Спб. коммерц. судъ: Дембо и Тобіаса; Эйлера; по жал. на Московск. коммерц. судъ: Реутова и Россійск. общ. транспортнр. кладей; Матецкаго; администрат. по дѣламъ Сѣверн. лѣсо-промышлен. общества; Пашкова; Венестова; по жалобамъ на Одесск. коммерц. судъ: Шермана; жалоба Дуброва; о продажѣ, залогахъ и перезалогѣ имѣній: Васильева; Арѣхова; Александровыхъ и Парамоновой; Довгирдовъ; Базыринныхъ; Чикирова; Раевского; Величко; Вотъ; Вѣлбородовой; Ермаковой.

На 16 ноября, по 1 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Помясовой Хоперск. м. с.; Лаупе Р.-Гапсальск. м. с.; Шерманъ Могилевск. м. с.; упр. акц. об. Екатеринос. о. с. по обв. Кошевыхъ; Пѣлона Р.-Вольмарск. м. с.; Финмана Кшиневск. о. с.; Шнейдермана Лепельск. м. с.; упр. акц. об. Тульск. о. с. по обв. Кириенковой; Наргыша Двин. м. с.; Щукина Московск. ст. м. с.; Шмуклера Ровенск. м. с.; упр. акц. об. Московск. ст. м. с. по обв. Михайлова; Штрекера М.-Ваусск. м. с.; Пальпера М.-Ваусск. м. с.; Михайличенки Астраханск. о. с.; Комарова Симферопольск. о. с.; Комарова Симферопольск. о. с.; Вайнделя Симферопольск. о. с.; Кисельгофъ Витебск. м. с.; Герпковича Кшиневск. м. с.; Попы и Кокушера Кшиневск. м. с.; Сиротинскаго Лепельск. м. с.; Гуте Симферопольск. о. с.; упр. акц. об. Варшавск. 2 окр. м. с. по обв. Пѣхцкаго; Рувинштейнъ Староконстант. м. с.; упр. акц. об. Радомильск. м. с. по обв. Городецкой; Иванова Московск. ст. м. с., — всѣ по обв. въ наруш. пнт. уст.; Григоровской Ковельск. м. с.; Гродненск. уѣздн. исправ-

ника Гродненск. м. с. по обв. Кемежука; Левенсона и друг. Горецк. м. с.; Голембювской Кіевск. м. с.; Дубича Валтск. м. с.; Крушевской Ровенск. м. с.; Вайнтрауба Ровенск. м. с.; Эльяша Бердичевск. м. с.; Погрунда Новоалександр. м. с.; Пичугина Московск. ст. м. с.; Скалки и Гринвальда Ломжин. 1 окр. м. с., — всѣ по обв. въ наруш. стр. уст.; Штельсона на опред. Новоалександровск. м. с.; Гумманъ Плоцк. 2 окр. м. с. 31 ст. у.; Штокмана и Шимковича Варшавск. с. п. 1 ч. 1546 ст. тамож. у.; упр. акц. об. на опред. Тифлисск. с. п. по д. Сегоянца; Григорьева Саратовск. м. с.; Ключель на поставовл. Новоалександровск. м. с.; Мигунова Тульск. о. с. наруш. таб. у.; Ротенштейна на поставовл. Варшавск. гор. м. с.; Соколова и Демидовой Самарск. о. с. 567 ст. ул.; Оверина Оренбургск. о. с. 1681 ст. ул.

На 17 ноября по 2 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Вольшаковыхъ и друг. Новгородск. о. с. 1489 ст. ул.; Алексѣева на опред. Виленск. с. п.; Варсоломѣева на опред. Московск. с. п.; Черняховской и Соколова Васильск. м. с. по обв. Соколова и Шварцмана по 142 ст. у.; Юрчика Гайсинск. м. с. кража; Бондаренко Одесск. гор. м. с. 31 ст. у.; Одыславской-Проскуровск. м. с. 169 ст. у.; Лихарая и Грудоваго Слонимск. м. с. кража; Сосяна Гомельскій м. с. 135 ст. у.; Бойка Уманск. м. с. 169 ст. у.; Дзеканова Ямпольск. м. с. кража; Кшановича Ковенск. м. с. 169 ст. у.; Каплана Гродненск. о. с. 556 ст. ул.; Яновичъ на опред. Сѣдлецк. 1 окр. м. с.; Спб. ст. ломбарда на опред. Казанск. с. п.; Друдкаго-Любецкаго Борисовск. м. с. по обв. Зеновича и др. по 148 ст. у.; Ласкина Горецк. м. с. 90 ст. у.; Мяннаева Ковельск. м. с. 134 ст. у.; Васинскаго В.-Сокольск. м. с. 153 ст. у.; Александрова Борисовск. м. с. кража; Зеленко Новоградвѣльск. м. с. 172 ст. у.; Остапчука Староконстантиновск. м. с. кража; Богдашенко и др. Вилкомирск. м. с. 142 ст. у.; Облизаннаго К.-Подольск. о. с. кража; Дійкова Череповецк. о. с. 1642 ст. ул.; Ступина на опред. Виленск. с. п.; Орлова Вилкомирск. м. с. по обв. Зороха по 180^а ст. у.; Ивеницкаго Слонимск. м. с. 56 ст. у.; Шигельскаго Гомельск. м. с. 170 ст. у.; Гродекаго В.-Сокольск. м. с. 172 ст. у.; Либенбойма Староконстантиновск. м. с. 63 ст. у.; Либенбаума Тельшевск. м. с. 131 ст. у.; Шербатова Ольгопольск. м. с. по обв. Тамчика въ кражѣ; Када Житомирск. м. с. 509 ст. ул.; Шилменгера и Янчука Ушицк. м. с. напесеніе побоевъ; Шербатова на опред. Воронежск. о. с.; Мочулкина и др. Могилевск. о. с. 942 ст. ул.; Халимоновой на опред. Тифлисск. с. п.; Плеснева Могилевск. м. с. кража; Шендівичей Новоградск. м. с. 142 ст. у.; Борейша Горецк. м. с. 180^а ст. у.; Мезенцевой Новоградвѣльск. м. с. по обв. Дибчука и др. по 146 ст. у.; Вейсберга Петроковск. 1 окр. м. с. по обв. Вармбруновъ въ ростовщичество; Нехвядовича и др. Борисовск. м. с. 148 ст. у.; Васильева Горецк. м. с. 177 ст. у.; Стонскаго и др. Уманск. м. с. 135 ст. у.; Санковскаго Ковенск. м. с. кража.

Протестъ тов. прок. на Витебск. о. с. по обв. Корсага по 1647 ст. ул.

На 18 ноября, по 3 отд. Угол. Касс. Деп.

Жалобы: Иванова Тверск. о. с. 172 ст. у.; Камбека Р.-Гапсальск. м. с. 26 ст. у.; Жирова Хоперск. м. с. 170 ст. у.; Гольшѣвой Казанск. м. с. 41 ст. у.; Арсентьева Нижегородск. м. с. 29 ст. у.; Казанскаго Спб. ст. м. с. по обв. Разумовскаго и др. по 142 ст. у.; Курземнека Ф.-Илдукст. м. с. 43 ст. у.; Эмана В.-Вейсенштейнск. м. с. кража; Альвіанскаго Спб. уѣзд. м. с. 31 ст. у.; Львова Спб. ст. м. с. по обв. Лозоваго въ оскорбленіи; Ломакина Спб. ст. м. с. 38 ст. у.; Пузана Лепельск. м. с. 172 ст. у.; Ревякина Таганрогск. о. с. 1634 ст. ул.; Селенинова Архангельск. о. с. 142 ст. у.; Зиновьева Спб. ст. м. с. 169 ст. у.; Штрауса М.-Ваусск. м. с. 129 ст. у.; Вша М.-Ваусск. м. с. кража; Эйнарда Р.-Гапсальск. м. с. 180 ст. у.; Черняева и Селивановыхъ Усть-Медвѣдцк. м. с. кража; Карнауха Полтавск. о. с. 1705 ст. ул.; Деревянки Лубенск. о. с. 1483 ст. ул.; Елагина Московск. о. с. 1489 ст. ул.; Широкова Вятск. о. с. 1681 ст. ул.; Хазанова Смоленск. о. с. 1612 ст. ул.; Ивана Галактионова Орловск. о. с. по обв. Дмитрія Галактионова по 142 ст. у.; Клунникова Таганрогск. о. с. по обв. Воронежскаго и др. по 1649 ст. ул.; Новицкаго Виленск. м. с. 1373 ст. ул.; Стакельберга Р.-Гапсальск. м. с. по обв. Маро въ кражѣ; Александрова Московск. ст. м. с. 41 ст. у.; Акерманъ Р.-Вольмарск. м. с. 26 ст. у.; Лейена Т.-Тольсенск.

м. с. 43 ст. у.; Литвака К.-Подольск. м. с. 29 ст. у.; Ильинскихъ Сумск. о. с. 1655 ст. уа.; Приступы Харьковск. о. с. 1484 ст. уа.; Юрченкоу Сумск. о. с. 1647 ст. уа.; Вальмана Спб. ст. м. с. 180 ст. у.; Брылкина Донец. 2 окр. м. с. 170 ст. у.; Кливе Р.-Вольмарск. м. с. 142 ст. у.; Медьяна М.-Баусек. м. с. кража; Мамонова М.-Баусек. м. с. 115 ст. у.; Засса М.-Баусек. м. с. по обв. Бергмана и др. въ кражѣ; Лампа Ю.-Верросек. м. с. 180 ст. у.; Сааръ П.-Феллинск. м. с. по обв. Сорка въ мошенничествѣ; Индрикса П.-Феллинск. м. с. кража.

Протесты: товар. прок. на Спб. ст. м. с. по обв. Акчурина по 38 ст. у.; тов. прок. на Спб. ст. м. с. по обв. Пикнера по 38 ст. у.; тов. прок. на Спб. ст. м. с. по обв. Петрова по 38 ст. у.; товар. прок. на Ф.-Илукстек. м. с. по обв. Нусбергъ по 174 ст. у.

На 17 ноября, по 4 отд. Угол. Насс. Деп.

Жалобы: Берпацкаго Сѣдлецк. 2 окр. м. с.; Браула Варшавск. 1 окр. м. с.; упр. гос. имущ. Виленск. м. с. по обв. Мацкевича; Кангсена Ю.-Верросек. м. с.; Альвера П.-Феллин. м. с.; Сементковскаго Калишск. 1 окр. м. с. по обв. Онури; Волкова Борисовск. м. с.; Вѣленькаго Донец. 2 окр. м. с.; Кельбера Литинск. м. с. по обв. Лавренчука и др.; Рышкевичъ Виленск. м. с.; Сарано В.-Вейсеншт. йнск. м. с.; упр. госуд. имущ. Вѣльск. м. с. по обв. Болотромѣюка; Воровскаго Вилкомирск. м. с.; Хоруна и др. Виленск. м. с.; Ффиенко Житомирск. м. с.—въ по обв. въ наруш. дѣн. уст.; Макарова Московск. с. п. 1453 ст. уа.; Надара-Джамасишвили Тифлисск. с. п. 1455 ст. уа.; Цицабаева Тифлисск. с. п. 1647 ст. уа.; Крейша Варшавск. гор. м. с. 38 ст. у.; Шерешевскаго Варшавск. гор. м. с. 31 ст. у.; Казимержака Калишск. 2 окр. м. с. 169 ст. у.; Религи Радомек. 2 окр. м. с. 130 ст. у.; Винницкаго Радомек. 2 окр. м. с. по обв. Ролка и др. по 142 ст. у.; Сувальскаго Петроковск. 3 окр. м. с. 134 ст. у.; Ланге Калишск. 1 окр. м. с. по обв. Рожанскаго и др. по 142 ст. у.; Шумана Калишск. 1 окр. м. с. 142 ст. у.; Сметанскаго и Бураковскаго Калиш. 1 окр. м. с. 180 ст. у.; Магомеда-Джавад-оглы и др. Тифлисск. с. п. 1631 ст. уа.; Быковского Варшав. с. п. 924 ст. уа.; Недзельскаго Одесск. с. п. 313 ст. уа.; Рехница Петроковск. 2 окр. м. с. 180 ст. у.; Дудвала Петроковск. 2 окр. м. с. 136 ст. у.; Млечка Варшавск. 2 окр. м. с. по обв. Славинскаго по 148 ст. у.; об-ва Варшавско-Вѣнской желѣзн. дор. Варшавск. 2 окр. м. с. по обв. Мильмана по 173 ст. у.; Обезиднскаго Петроковск. 3 окр. м. с. 180 ст. у.; Шпальтына Петроковск. 1 окр. м. с. по обв. Вольберга по 173 ст. у.; Миколайчика Калишск. 2 окр. м. с. 131 ст. у.; Котляревскаго Одесск. с. п. 282 ст. уа.; Зингеръ Люблинск. 1 окр. м. с. 481 ст. уа.; Зингера Люблинск. 1 окр. м. с. 481 ст. уа.; Вольскаго Варшавск. гор. м. с. кража; Крушевскаго Варшавск. гор. м. с. 129 ст. уа.; Гвоздя Харьков. с. п. 994 ст. уа.; Клягманъ Люблинск. 1 окр. м. с. 56 ст. уа.; Малешевскихъ Ломжинск. 1 окр. м. с. 85 ст. уа.; Ильина и др. Харьковск. с. п. 362 ст. уа.; Жолондека и Новаковского Варшавск. 1 окр. м. с. 178 ст. уа.; Ольховскаго Варшавск. 1 окр. м. с. 172 ст. уа.; Шафира Варшавск. 1 окр. м. с. мошенничество; Пша Варшавск. гор. м. с. 177 ст. уа.; Выченко Тифлисск. с. п. 1692 ст. уа.; Болтукова Екатеринбург. м. с. по обв. Бондаренко и др. въ мошенничествѣ; Михайлонко Екатеринбург. м. с. 178 ст. уа.; Шафранкера Варш. 1 окр. м. с. 172 ст. уа.; Вальчуйъ Сувалск. 2 окр. м. с. 136 ст. уа.; Чеховскаго Саратовск. с. п. 286 ст. уа.; Вальдемана Люблинск. 2 окр. м. с. 172 ст. уа.; Шабля Люблин. 2 окр. м. с. по обв. Лихтмана по 177 ст. уа.; Михлы Люблинск. 1 окр. м. с. кража; Шлетинскаго Варшавск. гор. м. с. 31 ст. уа.; Лузанова Киевск. с. п. 287 ст. уа.

Протесты: товар. прок. на Казанск. с. п. по обв. Палетова по 484 ст. уа.; тов. прок. на Московск. с. п. по обв. Букина по 1465 ст. уа.

О возобновленіи дѣла о Сулашвили.

На 15 ноября, по Гр. Насс. Деп.

Палатскія: общ. Заверде съ общ. Варш.-Вѣнск. ж. д.;

упр. казен. ж. д. съ Яковлевыми, Петровымъ, Навлицкимъ, Вегнеромъ, Алексѣевымъ.

Свѣдодыя: упр. казен. ж. д. съ Венигомъ, Рижск. ком. банкомъ, Эдельштейномъ, Галломъ, Купедемъ, Раллемъ, Галдлеромъ.

На 15 ноября по 1 отд. Гр. Насс. Деп.

Палатскія Алекселова и Зейналова съ гор. Баку; Товсталеа съ тов. Носовско-Казарскаго стекло-сахари. и рафинадн. завода; Дземидовичъ съ Агарковымъ; Преображенскаго богодѣнскаго дома въ Москвѣ съ Климовоу; Нѣмчиновой съ Нѣмчиновымъ; Ключко съ Павловскими; Пудята съ кн. Огинскимъ; Половцова съ Русск. торг.-промышл. водочн. и спирт. тов.; общ. каменноугольнаго производ. съ Давыдовыми; Аверьянова съ Оеденко; Кологривова съ ликвид. комм. Орловск. общ. взаимн. кредита.

Свѣдодыя: Любославскій; Репшиса съ Гольберштатомъ; Ружейникова съ Тотидовымъ; Турчинъ съ Кобозевымъ; Елина съ Новиковымъ; Шведовыхъ съ Иткисами; Лося съ Тимофѣевичемъ; Гауфмана съ Савельевымъ; Папова съ Ионовымъ; Витовскаго съ Афонасьевскоу; Карташева съ Степановымъ и Яковлевымъ; Попова и Рейсмана съ Чистяковымъ; Куракевича съ кн. Друцкимъ-Любецкимъ; Амлота съ Кротковоу; Аладжалова съ Русскимъ общ. пароход. и торг.; Сарача съ Ивановымъ; Мельникова съ Кононовоу; Уткина съ Шульцемъ; Тенелбойма съ Вудейскимъ; Калмыкова и Маркина съ Конкинымъ; А. Бланечникова съ М. Епанечникова; Девяткина съ Касихиними и Коломейчиками; Моговузенцова съ Валасановымъ; Килемника съ Теплицкимъ; Забродина съ Клементьевымъ; общ. кр. с. Лежайки; торг. дом. бр. Зигфридъ съ Адамковичемъ; Задорожныхъ съ общ. М. Малина; Сеньковскаго съ Панащенко; Жалобатаго съ Эйдлинымъ.

На 16 ноября, по 2 отд. Гр. Насс. Деп.

Палатскія: Булгакова съ Пантелѣевымъ; Гойеровъ; упр. госуд. имущ. на Кавказѣ съ кн. Баратовой; Вродскаго и др. съ гр. Млодецкой.

Свѣдодыя: Степаненка съ Ледоховичемъ; Тарасова съ Борисовымъ; Чудновскихъ; Юсиса съ Пошунюмъ; Шадринскаго общ. Пономарева банка съ Россомагинымъ; Эберлейна съ Юдфе; Иванова съ Герасимовымъ; Полякова съ Алексѣевымъ; Корженевскихъ; Скокуна съ Рѣпенко; Анча съ Дембовскимъ; Франко-Русскаго общ. съ Клевцовымъ; Криницкихъ; Тальянскаго съ Адлеръ; Поковъ съ Каминскимъ; Корбута, Круковскихъ, Володковича, Шуляковскаго, Говоровскихъ, Осѣвскаго съ Лундъ; Рябова и др. съ Меланьинымъ; Кокетовыхъ; Аристотелевой; Поповой съ Бородинымъ.

На 17 ноября, по 3 отд. Гр. Насс. Деп.

Палатскія: Ларошъ; Молаховца съ Костовичемъ; Назаровой съ Цвѣтковой; Захарова съ Распоповымъ; Косырева съ Ясаковой; Казанскаго упр. госуд. имущ. о дач. Ташкирьмени; Мальцева съ Пестовымъ; Дземешкевичъ съ Лининскимъ; Новицкой съ Гротовичемъ; Альбоской съ Альбоскимъ; Селецкой съ Альтшулеромъ.

Свѣдодыя: общ. Рязанско-Уральск. ж. д. съ Безсудной, Поляковымъ, Кисаринымъ, Карташовымъ, Лаутинымъ, Вепаловой, Кувшинниковой, Ваграковой, Енгальцевой, Постниковой, Забѣгаллинымъ, Скворятиной; кн. Ливена съ Кизимиритисомъ; Кузьмина съ торг. дом. бр. Поповыхъ; Сенадзкой съ Лисовскимъ; Климова съ Пивоваровымъ; Лихвещкой съ Ищенко, Адамовича съ Урбановичемъ; Фругальскаго съ Барышанскимъ; Симашовича съ Новосельцевымъ; Варкова съ Осиповымъ; 2-го Московскаго общ. кредита съ Родіоновымъ; Додонова съ Задольновымъ; Вибиковыхъ съ Саблуковымъ; Прохорова съ Дроздовымъ; Стульчикова съ общ. Моск.-Арсл.-Арханг. ж. д.; Подушки съ Чеботыревымъ; Неустриель съ Новиковымъ; Рабиновича съ Степановымъ; Доброва съ Гофманомъ; Вржозовскихъ съ Левитамъ; Сербича съ Украинцевымъ; Дробинскаго съ Вронфенренеромъ; Шаровской съ Пуриць; Гутмана съ Шейзеномъ; Фейгензона съ Хацкелисомъ; Завадія съ Солоненко; Охроменко съ Вейсомъ.

На 17 ноября, по 4 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Баера и сеудной казны Лодзинск. промышл. съ Конгеймомъ; Лопускаго съ Калишск. губ. сов. общ. приэр. и др.; Магистрата г. Варшавы съ Винтеромъ; Баранскаго съ Баранскимъ; Ломжинск. отдѣл. госуд. банка.

Съездъ выл: фирм. Лессеръ и Луковичъ съ Моравскимъ; Ландау съ Гольдбергомъ; Эпштейна съ Воарскимъ; Цѣлинскаго съ Цѣлинскимъ; Энгельмана съ Попозомъ и Маркусомъ; Крулика съ Тафлинскимъ; Майхржицкаго съ Пишель; Балишевской съ Старчевскимъ; Носаржевскаго съ Видзин.

скою; Данишевскаго съ Капаномъ; Гольдзюка съ Гольдзюкъ и др.; Воломъ и др. съ Мрозекъ и др.; Кошевскихъ съ Хербуть; наслѣди. Томаша Кухарскаго; Войцѣха Отчика; Якова Романюка, Якова Пысляка, Станислава Салека, Игнатія Ляха, Михаила Зюлковскаго; Каликштейна съ комм. Яновскаго уѣзда; Мерина съ Змигродомъ; Гейльмана съ Яковскимъ; Ясоцкаго съ Патора; им. Острова съ Юрковичемъ; Финкеля съ Ландау; Витчака; Колаковскаго съ Михаловскимъ; Гольдмана съ Чеховичемъ; Пржепюрки съ Высокинскими; Саскновъ съ Воробей; Малимона, Кусько, Магвѣичукъ съ Остапичемъ.

Движеніе по государственной службѣ.

П Р И К А З Ы.

По вѣдомству министерства юстиціи.

По межевой части, 24 октября 1900 года, № 10.

По управленію межевою частью:

Переводится, сост. при моск. гор. упр., меж. инж., с. с. Трофимовъ—въ вѣд. м. ю., по межев. ч., съ прич. къ упр., согл. прош.

Назначаются: мл. землем. 2 разр.: и. с. Федоровъ, меж. инж., и. с. Валерьяновъ и к. а. Гуревичъ—мл. землем. 1 разр., секр. канц. упр. меж. ч., к. а. Мичуринъ, старш. землемѣр. пом.: т. с. Струковъ, Гринвальдъ и Галиновскій и к. с. Филоматовъ—мл. землем. 2 разр. и мл. пом. губ. секр. Кривошеинъ и Томашевъ и к. р. Муфель—старш. землем. помощн.

Умершій исключ. изъ сп., ст. землем. пом., к. с. Поповъ.

По губернской межевой части.

Опредѣленъ на сл. изъ отст. г. с. Сахаровъ—мл. землем. пом. орл. губ. черт., съ 15 сент. 1900 г.

Назначаются: у. землем. Вилен. г., и. с. Бѣльдешевскій—пом. вил. губ. землем., пом. нижегор. губ. землем. меж. инж., к. а. Шипулинъ—уѣзд. землем. Сиб. г., согласно прош., мл. землем. пом. меж. канц., исп. обяз. у. зем. губ.: Ярослав.—к. а. Ильинскій, Калуж.—г. с. Алексѣевъ и Васильевъ, Бессараб.—г. с. Мунтянъ, Мин.—г. с. Пестовъ, Могилев.—г. с. Забусовъ, Новгород.—г. с. Вржезинскій, Ставро.—г. с. дю-Вернуа, Каз.—г. с. Соколовъ и Екатеринослав.—к. р. Вѣтровъ, всѣ 10 уѣзд. землем. означ. г.; ком. для зан. въ новгород. губ. черт., мл. землем. пом. меж. канц., к. р. Волобуевъ—мл. пом. землем. при тифл. с. п., съ 28 сент. 1900 г.

Переводится, у. земл. Уфимск. губ., и. с. Заболотскій—на такую же должн. въ Вят. г.

Увольняются отъ сл., согл. прош., по бол.: и. с.: пом. олон. губ. землем. Лазукъ; у. землем. г.: Олонецкой—Грессеровъ, съ пр. носить въ отст. мунд., послѣдней должн. его присв., и Костром. Флоринскій; изъ нихъ Грессеровъ—съ 1 окт. 1900 г.

По вѣдомству министерства юстиціи, 26 октября 1900 года, № 43:

Опредѣляется въ сл. ок. к. юр. и. въ П. Сиб. ун. съ дипл. 1 ст. Вайковъ—въ вѣд. м. ю., съ прич. къ нему м. и съ отк. для зан. въ канц. гражд. кас. деп. Пр. Сен.

Причисляются къ м.: увол. Выс. прик. по гражд. вѣд. отъ 1 окт. 1900 г. за № 74 отъ должн. мир. с. 9 уч. окр. чиг. о. с., т. с. Чапасъ—съ 1 окт. 1900 г.; секр. при прок. смол. окр. с., к. с. Воронцовъ-Вельяминовъ, ст. канд. на должн. по суд. вѣд. при окр. с.: сарап., к. с. Крыловъ, варш., к. с. Науманъ и мин. г. с. Ильяшевичъ—съ отк. къ испр. должн. с. сл.: Воронцовъ Вельяминовъ—Краснинск. у. окр. смол. о. с., Крыловъ—2 уч. Малмыж. у. окр. сарап. о. с., Науманъ—1 уч. Мариамп. у., окр. сувалк. о. с. и Ильяшевичъ—2 уч. Мозыр. у., окр. мин. о. с.; ст. канд. на дол. по суд. вѣд. при слб. о. с., т. с. Лукьяновичъ—съ отк. для зан. въ канц. гражд. кас. деп. Пр. Сен.

Командируются: прич. къ м. ю., ком. къ испр. долж. суд. сл.: 1 уч. Мариамп. у., окр. сувалк. о. с., г. с. Николаевъ—въ Новомин. у., окр. варш. о. с., 2 уч. Мозырск. у., окр. мин. о. с., к. а. Долгій—въ 1-й уч. того же у., 3 уч. Полт. у., т. с. Милостановъ—къ испр. должн. суд. сл. по важн. д. окр. полт. о. с., 1 уч. Соколюк. у., окр. гроднен. о. с., к. с. Пахомовъ—во 2 уч. Гродн. у. и 3 уч. Свенцян. у., окр. вилен. о. с., к. с. Донцовъ—въ 1 уч. Сокол. у.

Назначаются: по 1 деп. м. ю.: мл. дѣлопр., к. а. Мисеуна—дѣлопр., пом. дѣлопр.: IX кл., к. а. Мецъ—мл. дѣлопр. и X кл., т. с. Пѣвцовъ—пом. дѣлопр. IX кл., всѣ 3—съ 16 окт. 1900 года.

Отзывается прич. къ м. ю., ком. къ испр. должн. с. сл. 1 у. г. Николаева, окр. херсон. о. с., с. с. Палаузовъ—изъ означ. ком., съ отч. отъ него м., по случ. избр. его уч. мир. с. г. Одессы съ 20 сент. 1900 года.

Увольняются отъ сл., согл. прош.: прич. къ м. ю., ком. къ испр. должн. с. сл.: 4 уч. Ошм. у., о. вид. о. с., к. с. Гузень и 1 уч. Балаш. у., окр. сарат. о. с., к. с. Прозоровъ.

По Императорскому училищу правовѣдѣнія.

Опредѣляется въ сл. ок. к. юр. и. въ П. Сиб. ун. съ дипл. 2 ст. Германъ—восп. приг. клас. Имп. уч. прав. съ 11 сент. 1900 г.